

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 2 (4) • 2011

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина

Ответственный секретарь

И.Н. Тимофеев

Редакционная коллегия номера

Т.А. Алексеева

О.В. Гаман-Голутвина

А.Д. Воскресенский

В.В. Гриб

Е.В. Колдунова (выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева

В.Я. Белокреницкий

В.В. Гриб

В.И. Журавлева

М.В. Ильин

Е.В. Колдунова

В.Г. Ледаев

М.М. Лебедева

В.В. Михеев

О.В. Павленко

Е.В. Попов

В.Д. Соловей

Л.В. Сморгунов

М.В. Стрежнева

Д.В. Стрельцов

Т.А. Шаклеина

А.Ю. Шутов

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhs

(Университет Анкары)

Akihiro Iwashita

(Университет Хоккайдо)

Zhao Huasheng

(Фуданьский университет)

Klaus Segbers

(Свободный Университет Берлина)

Anne de Tanguy

(Сьянс По)

Werner Vâth

(Свободный Университет Берлина)

Yu-Shan Wu

(Институт политологии, Academia Sinica)

Alexander Zhebit

(Федеральный университет Рио де Жанейро)

Charles E. Ziegler

(Университет Луисвилла)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,

Хасанова Г.И.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

125057, Москва, а/я 15

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа». Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 10,0.

Усл. печ. л. — 10,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 06.05.2011 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2011

© Сравнительная политика, 2011

© Издательская группа «Юрист», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

А.А. Чанышев. Проект «замкнутого торгового государства»	
И.Г. Фихте и противоречия «современной эпохи»	3
П.А. Демидов. Государство и корпорация в создании и накоплении социального капитала	14

ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Н.А. Косолапов. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология?	19
В.И. Пантин. Государство, корпорации и проблемы политического развития в современном мире	38

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Т.А. Алексеева. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации ...	44

РЕПЛИКА

С.М. Хенкин. Корпорации: противоречивая политическая роль	57
Е.Г. Пономарева. Государства, корпорации и неолиберализм	62

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Н.Б. Ильина. Особенности развития российского государства: проблемы и тенденции	66
И.А. Козлова. Феномен современной российской бюрократии	77
Б.И. Макаренко. Неокорпоративизм в современной России	90
Э.Г. Соловьев. Бизнес и власть в России: от конфликта к консенсусу?	97
Научная жизнь	104
Обзоры и рецензии	107
На книжной полке	115
Об авторах	118
Информация для авторов	119

ПРОЕКТ «ЗАМКНУТОГО ТОРГОВОГО ГОСУДАРСТВА» И.Г. ФИХТЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ «СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ»

А.А. Чанышев

Центром тяжести политико-правовой концепции Фихте, как это и было в предшествующей либеральной европейской традиции, в частности у просветителей и у Канта, остается проблема свободы. Вместе с тем Фихте — рубежный мыслитель. Он в отличие от своих предшественников не ограничивается анализом одних только формально-правовых оснований свободы и политических условий ее реализации (в их корреляции с моральной автономией индивида), но «открывает» социальное и экономическое измерение свободы и, по сути, ставит проблему ее укорененности не только в личном произволе отдельного человека, но и в intersubjectивных порядках взаимодействия людей; одновременно Фихте пытается дать содержательный ответ на вопрос о том, в чем заключается исторический смысл моральной и политической свободы человека и самой политики. Результатом такой переориентации основного интереса мыслителя становится концепция *замкнутого торгового государства* как инструмента достижения социальной справедливости и свободы.

Противоречия современной эпохи. Интересующее нас политико-правовое содержание фихтеанства заключается в материале анализа философом исторических предпосылок возникновения правового государства и возможности его развития до мыслимой на перспективу социальной полноты и, в частности, реализации подобной задачи в условиях создания «замкнутого торгового государства».

«Современная эпоха» согласно пониманию Фихте лежит в самом центре

всей совокупности времени. Она соединяет концы двух совершенно противоположных в своем принципе миров: мира темноты и мира ясности, мира принуждения и мира свободы, не принадлежа, однако, ни к одному из них (Фихте И.Г. 1993: 376]. В представлении Фихте, из двойственности нашего мира вытекают его основные противоречия. А именно.

Установка на достижение предельной личной свободы, понимаемой как атомарная «автономизация» личности, по сути, выражает современную тенденцию к эгоистической обособленности человека и бездуховно-гедонистическую ориентацию культуры на удовлетворение материальных потребностей членов общества. В социокультурном отношении данная ситуация отражает также утрату обществом органической целостности (историческую эррозию и деконструкцию традиционных общностей и распад связи индивида с целым, с *родом*); по сути дела — ситуацию разорванной социокультурной коммуникации, отсутствие универсальных ценностей и целей.

Экономически ситуация определяется институтом частной собственности, неравенством имуществ. Фактически речь идет об эксплуатации привилегированными слоями общества тех *сословий*, которые включены в *механическую работу* по обеспечению основных жизненных потребностей, — о присвоении привилегированным слоем результатов чужого труда.

В политико-правовом аспекте *правовое равенство* — при фактическом неравенстве людей (различия в уровне богатства) — порождает *неравенство прав*,

принципиальную неполноту и крушение политико-юридического идеала правового государства.

В социальном плане неравенство прав означает закрепление привилегий и господство несправедливости. Естественным состоянием современного общества, констатирует Фихте, является состояние глубокого взаимного отчуждения основных слоев общества. Одна глубокая пропасть существует в отношениях между *зажиточным и образованным средним сословием и привилегированными родами*. Второй разрыв социальной коммуникации существует во взаимоотношениях между *народом, или массой, и имущими слоями* (т.е. двумя первыми группами). Имущих масса считает *исключительно угнетателями, живущими народным потопом*, и любые попытки открытого контакта и уступки с их стороны вызывают в ней лишь подозрение *в искании новых выгод*.

В политической сфере господствующим мотивом является *ненависть к старому порядку*, побуждающая проектировать принципы правовой и государственной организации на основе *бессодержательных абстракций*, вытравливая сами основания *твердой и непреклонной внешней власти*. Политические действия утрачивает свою одухотворенную связь с социальным целым, с историческими задачами времени, мельчают, превращаясь в ничтожные и судорожно-беспомощные попытки реагировать на события на основе исторических прецедентов; они поэтому становятся (несмотря на свой либеральный «прогрессизм») безнадежно архаичными.

В международной политике властвует «война всех против всех», выражающаяся, в частности, в том, что *мир* (как противоположность войны) — это не более чем система неустойчиво-динамичного силового равновесия. *Общее состязание* европейских государств, их постоянная борьба за первенство образуют реальный мир политики, где главным аргументом явля-

ется *сила*, используемая как для поддержания *равновесия*, так и для его изменения, отражающийся в политике внутренней, в той совокупности вынужденных (*навязанных необходимостью*) мер, направленных на рост национальных ресурсов и принимаемых государством прежде всего ради самосохранения, — осуществляемых напряжением всех возможных сил, если только оно хочет сохраниться на политической карте Европы.

Положение, однако, абсолютно не безнадежно, *идея* свободы исторически движется к полноте своего воплощения именно через все эти противоречия, через (диалектическое) снятие отдельных и кажущихся изолированными их сторон в логически необходимом синтезе. Поэтому чрезвычайно важно не останавливаться на критической констатации противоречивости эпохи, но определить точку приложения наших усилий для того, чтобы сознательно направить последние в русло, соответствующее требованиям исторического прогресса.

Согласно Фихте государство (и одновременно вся область политической жизни общества) является в своем изменяющемся содержании выражением *исторического прогресса*. Непрерывная политическая борьба на современной (европейской) международной арене — двигатель истории: национальное государство вынужденно и бессознательно реализует цель всемирной истории. (Фихте многократно и настойчиво подчеркивает данную мысль как одну из центральных идей своего философского осмысления политической истории.) Каждое государство, способное к достижению максимально возможной высоты цивилизационного развития (становясь на время наиболее передовым *царством культуры*), необходимо выполняет — через агрессию, через экономическую и военную экспансию — культуртрегерскую миссию, приуготовляя тем самым возникновение подлинно универсального царства культуры.

Состояние современного государства и необходимости замкнутого торгового государства. Государство *нашего времени*, согласно Фихте, т.е. современное государство в наиболее развитых странах, находится в промежуточном состоянии, *еще работает над завершением своей формы: характерную черту нашего века в гражданском отношении составляет то, что теперь каждый гражданин со всеми своими силами более, чем когда-либо ранее, подчинен государству, внутренне захвачен последним и есть его орудие, и что государство стремится сделать это подчинение всеобщим и полным.* С другой стороны, характерным признаком современной государственной жизни является возникновение нового элемента политической культуры — *внутреннего проникновения гражданина государственностью* (Фихте И.Г. 1993: 512–513; 571).

Принципиальное препятствие на пути становления новой культуры — *неравенство прав*, источник социальной несправедливости и нестабильности. Ликвидация этого, по выражению Фихте, *остатка феодального строя* диктуется во внутригосударственной жизни прежде всего экономической необходимостью. Дело в том, что неравенство прав порождает неэквивалентный обмен; а этот последний, в свою очередь, препятствует государству извлекать максимально возможный хозяйственный эффект из необходимой для него практики полного использования трудовых возможностей его членов — *постоянно и систематически отнимать и поглощать все количество сил, какое только могут дать его... граждане* (Фихте И.Г. 1993: 569). Препятствие к этому — неравенство собственности. Неэквивалентный и непрямой (через рынок) обмен не позволяет достичь максимального эффекта, поскольку значительная часть сил работника в виде результата его труда затрачивается не на нужды государства и самого труженика, а на обслуживание привилегий имущих классов (в том числе и за пределами данного госу-

дарства). Вывод: государство кровно заинтересовано в установлении равенства собственности и ликвидации рыночных отношений. Следовательно, ключ к решению хозяйственных задач государства — установление социального равенства как равенства обмена на основе равенства собственности. Данную задачу решает замкнутое торговое государство.

Говоря о данном государстве, в-первых, следует ответить на вопрос о том, что оно такое. Замкнутое торговое государство — это в определенном смысле историческое завершение замкнутого правового государства (т.е. суверенного государства-нации). Если последнее представляет собой *замкнутую совокупность множества людей, подчиненных одним и тем же законам и одной и той же высшей принудительной власти*, то первое образуется на основе *замыкания* хозяйственной жизни данного сообщества в рамках экономического обмена этих и только этих людей между собою (Фихте И.Г. 1993: 227). При этом экономический суверенитет государства возникает из политико-правового его суверенитета и на основе последнего. Это значит, что экономическое замыкание государства происходит в результате политически организованных действий его центрального аппарата.

Исходным теоретическим постулатом Фихте, из которого выводится понятие замкнутого государства, является утверждение, что собственность — это не отношение человека к вещам, не владение вещами, закрепленное правом, а правовое отношение между людьми. Само владение вещами должно быть признано другими, чтобы оно стало устойчивым и безопасным. Но ни дерево, ни земля, ни какой-либо другой предмет в спор о праве владения между собой или с человеком не вступят. Поэтому собственность есть результат взаимного договорного ограничения возможности столкновения свободных сил самих индивидов. Фихте, таким образом, определяет пра-

во собственности как право, *исключающее действия, а не вещи*. Ведь именно *свободная деятельность — источник борьбы сил и их столкновения. Она, следовательно, и является тем предметом, о котором должны договориться спорящие; эта деятельность, а не вещи составляет предмет договора. Собственность на предмет свободной деятельности вытекает и выводится впервые из исключительного права на свободную деятельность* (Фихте И.Г. 1993: 237–239).

Второй необходимый момент в понимании собственности — это то, что только через государство устанавливается *покоящаяся на праве собственность*, поскольку только последнее соединяет некое количество людей в *замкнутое* (правовое) *целое, в общность (Allheit)*, — осуществляя это на основе *договора всех со всеми* (Фихте И.Г. 1993: 238–239). Договор всех со всеми, таким образом, распределяет сферу свободной деятельности между индивидами.

Правовой идеал предполагает равенство такого распределения. Действительное же равенство возникает исключительно на основе возможности равного присвоения результатов трудовой деятельности через процесс обмена ее результатами (в условиях неизбежного разделения труда).

Фихте выделяет три основных вида деятельности: добыча сырых продуктов, их переработка и посредническая (торговая) деятельность. Соответственно косяк социальной структуры образуют три *сословия*, занимающиеся этими видами деятельности. Особое положение занимают госслужащие (*общественные должностные лица*).

Каковы же условия обмена результатами деятельности (и соответственно, как бы могли сказать мы, структура производства, обмена, распределения и потребления) в «ныне существующем» обществе? Современное государство в экономическом отношении характеризуется Фихте как часть *большого торго-*

вого государства, или мирового рыночного хозяйства. Речь идет о рыночной системе, понимаемой Фихте как система отношений в рамках свободной купли-продажи, — отношений, которые необходимо предполагают неравенство обмена и, как следствие, — эксплуатацию человека человеком. Общее количество денег, циркулирующее в такой системе, эквивалентно по стоимости всей товарной массе, замечает Фихте. Однако *всегда будут те, кто периодически выручает количество товаров, превышающее денежной стоимостью то количество товара, которое ему приходится при равномерном разделе всего товара, а полученные за него деньги в товар, который он не сам добывает... и заставит этим других работать на него больше, чем он работает на них. ...Каждый хочет другого заставить работать на себя как можно больше и самому работать на него как можно меньше. Если ему в этом не препятствует никакой закон или власть, то он будет применять все возможные средства для того, чтобы добиться этого* (Фихте И.Г. 1993: 299).

Возникновение неравенства обмена, в свою очередь, ведет к *бесконечной войне всех против всех*. Напряженность и ожесточение такой войны все время возрастает по мере роста рынка, роста масштабов производства и раскручивания пружины роста потребностей. Причем то, что в условиях неразвитости рыночных отношений и низкого уровня потребностей (при *простом образе жизни наций*) обходилось без *большой несправедливости и притеснений, превращается при повисших потребностях в кричащую несправедливость и источник большого страдания*. Торговое сословие требует *свободы торговли*, т.е. на деле — свободы для продавцов (и стоящих за ними производителей) переполнять рынок товарами и, не находя сбыта, понижать цену ниже реальной стоимости. Отсюда — требование конкуренции. Если такая ситуация (перенасыщения рынка) возникает и цена катастрофически падает, *работник*

беднеет и трудолюбивые семьи гибнут от недостатка и нищеты. Продавец со своей стороны, чтобы защитить себя, прибегает к скупке товара, искусственному повышению цен или к понижению качества товара. В этом случае потребитель не получает гарантированного качества товара, он обманут. В этой ситуации, утверждает Фихте, *никому не дано ни малейшего средства сохранить непрерывность своего состояния при непрерывности своей работы. Люди хотят быть совершенно свободными во взаимном уничтожении* (Фихте И.Г. 1993: 301).

Национальное государство в экономико-политическом смысле слова образуется через взимание государством налогов со своих подданных *в мировых деньгах.* Все, вносящие подати, объединяются для правительства воедино в понятии *единственного тела, благосостоянием коего оно должно интересоваться.* Для правительства при этом *существует только одно имущество: имущество тела, вносящего подати.* Только теперь приобретает смысл понятие о национальном имуществе и о нации, которая обладает имуществом. (До этого момента *существует нация, объединенная законами и общим судом, но нет нации, объединенной общим имуществом.*) Однако, несмотря на такую форму объединения в единое государственно-экономическое целое, каждый подданный этого государства остается в своем представлении *отделенным от остальных и не имеет общего с ними интереса.* При таких условиях (при фактическом взаимном отчуждении подданных и национально-государственного целого, интереса частного и объективно наличного общего интереса), как считает Фихте, *всякая подать наносит ущерб внутреннему благосостоянию нации. Таково ее постоянное действие.* Дело в том, что государство все время стремится к сбору возможно больших налогов, не собирая при этом даже необходимого минимума. Поэтому его естественным и постоянным стрем-

лением является желание постоянно повышать уровень налогообложения. Но при таком повышении гражданин должен всякий раз настолько больше заработать, *не пользуясь результатом своего труда,* насколько больше он обязан отдать государству. Уровень благосостояния граждан при этом понижается. (Все это приводит еще и к накоплению потенциала взаимной *ненависти* между подданными и правительством и к войне между ними, которая с обеих сторон ведется *хитростью, а то и открытой силой:* возникает контрабандная торговля, обман правительства перестает быть предосудительным в глазах общественного мнения и становится средством самозащиты, необходимым условием экономической деятельности; правительство со своей стороны прибегает к жестким и враждебным превентивным мерам, применяя обыски и устанавливая режим тотального недоверия; *озлобление растет; с этого момента можно видеть контрабандистов, выступающими в поле вооруженными толпами против военных отрядов правительства* (Фихте И.Г. 1993: 316–317).

Торговые отношения между отдельным государством и остальным миром при этом могут иметь три варианта. Первый случай — равновесный торговый баланс. Второй — положительный баланс. Третий — баланс отрицательный. Однако, несмотря на наличие множества случаев третьего рода, мы не видим *наций, становящихся совершенно безденежными.* Причина этого — естественная убыль людей в беднеющих государствах: причина — эмиграция и повышенная смертность. При этом сохраняются естественные ресурсы, которые не следовало бы трогать, но которые распродают, а кроме того, государство продает еще и свою самостоятельность. Такое государство *получает непрерывно субсидии и превращает себя этим в провинцию другого государства, в средство для любых целей последнего* (Фихте И.Г. 1993: 302–305).

Экономическое неравенство наций ведет к тому, что правительства стремятся осуществлять протекционистские меры, добиваясь для своей нации *исключительных выгод* от пребывания в общей торговой республике. Это ведет к появлению наряду с опасностью войн из-за территориальных претензий и опасностей торговых войн: *разгорается скрытая торговая война*. Последняя имеет множество отрицательных форм и крайне опасных последствий: поощрение контрабанды, подрывающей экономическое могущество противника, подкуп, политический авантюризм и демагогия (*борющийся торговый интерес часто является истинной причиной тех войн, которым приписывается иной повод*), возникает стремление к господству над морями, к контролю торговых путей, которые должны быть свободны, *возникает исключительное право на торговлю с чужим народом*, — и из-за всего этого возникают кровавые войны (Фихте И.Г. 1993: 310–311).

Главное — то, что система свободной торговли не в состоянии устранить источник противоречий, неравенство обмена, так как она противоречит установлению учета соотношения товарной массы, которая выбрасывается на рынок, с одной стороны, устанавливаемых цен и потребности в этих товарах — с другой. Спасти положение в состоянии лишь система полного замыкания национального государства *от иностранной торговли* с введением искомого учета (Фихте И.Г. 1993: 314–317).

Итак, торговое замыкание государства происходит ради установления вышеуказанного баланса, который, по мысли Фихте, только и может избавить общество от социальной несправедливости и внутренней гражданской войны. В таком случае необходимо вернуться к политико-правовой области и указать, что, собственно, должно стать предметом политического регулирования и контроля в экономике.

Фихте считает, что полноценное правовое государство должно безусловно

обеспечить каждому члену политического сообщества его *исключительную собственность* (Фихте И.Г. 1993: 287). В таком случае в состав *договора всех со всеми*, регулирующего распределение свободной деятельности, должно войти определение количественного состава людей, занимающегося основными видами этой деятельности. Иными словами, речь идет о практике централизованного распределения трудовых ресурсов. Средством для осуществления политики такого распределения Фихте считает лицензирование деятельности в сочетании со своеобразной государственной биржей труда: каждый, кто желает заниматься определенным видом деятельности, должен подать заявку и получить официальное разрешение; в случае же если *кто-нибудь заявит о своем желании заняться такой отраслью искусства, в которой заполнена уже вышедшая, законом установленная норма работников, то ему не будет дано разрешение, и будут указаны другие отрасли, в которых могла бы оказаться нужда в его силах*» (Фихте И.Г. 1993: 247–248). (Рынок труда тем самым ликвидируется.)

Государство также должно поставить под контроль стоимостный объем производства. Дело в том, что производственное удовлетворение необходимых и насущных нужд должно быть приоритетным. Стоимостный объем производимых товаров должен определяться не потребностями в роскоши, а именно этими первостепенными нуждами: кусок хлеба может быть гораздо дешевле устрицы, но с точки зрения потребительской стоимости удовлетворять ту же самую потребность в пище. С другой стороны, *несправедливость в том и проявляется, что один может заплатить за то, без чего он может обойтись, в то время когда кто-либо из его сограждан не находит у себя или не может уплатить насущно необходимого* (Фихте И.Г. 1993: 247). Госконтролю подлежат также качество производимых товаров и цены на них; первое входит в условия получения и возобновления ли-

цензии. Разделение труда и повышение трудозатрат при достижении более высокого качества увеличивают масштабы экономического обмена. Соответственно этим потребностям государству следует определять количественный состав торгового сословия. Средство регулирования численного состава третьего сословия — то же, что и для остальных (лицензирование).

Важной сферой контроля является применение запрета, исключающего из сферы торговли непосредственный обмен внутри торгового сословия. Фактически это означает тотальную ликвидацию рыночных отношений. Только это обеспечит торговому сословию гарантированную занятость в его сфере деятельности. Но в таком случае данное сословие необходимо должно быть поставлено и под административно-правовой контроль государства. Речь идет не только о контроле за ценами, но и о контроле за соблюдением этим сословием социального контракта, согласно которому оно обязуется *в любое время* беспрепятственно принимать товары от других сословий и отпускать им эти товары. Другое положение дел, свойственное рынку и применяемым в его рамках торговым уловкам (скупка товаров и их искусственное удорожание), *не должно иметь места в правовом государстве* (Фихте И.Г. 1993: 251). Такого рода контроль за сферой торговли осуществляется на основе закона, предполагающего жесткие санкции против его нарушения, применяемые на основе *жалобы* о такого рода нарушении.

Выстраиваемая таким образом цепочка производства и обмена предполагает практически непосредственную связь производителя и потребителя при своего рода техническом посредничестве торгового сословия. В рамках этой цепочки торговое сословие контролирует производителей: на основе расчета потребности в товаре и знания производственных возможностей последних оно вправе требовать необходимых поставок,

прибегая в случае задержки к помощи администрации. Сама же администрация в этом случае не нуждается в средствах контроля за производителем, но контролирует торговое дело, хотя и делает это не непосредственно, а на основе обращений заявителей — по конкретным фактам нарушений (Фихте И.Г. 1993: 252).

В описываемом случае само государство выступает, по сути дела, всеобщим посредником и гарантом соблюдения всеобщего экономического баланса между производством, распределением и потреблением.

В принципе на основе вышесказанного можно задаться вопросом: сохраняются ли *деньги* (*искусственная основная мера стоимости*) (Фихте И.Г. 1993: 258)) как универсальное средство обмена в условиях ликвидации рынка и тотального огосударствления экономики? Ответ Фихте положителен. Более того, введение *туземных денег* и является экономическим рычагом торгового замыкания государства. Торговое и на этой основе и социальное замыкание государства происходит на основе перехода к замкнутому денежному обращению. Без денег невозможен ни эффективный экономический обмен, ни удобоприемлемый расчет стоимостных параметров экономики, ни контроль за ней. Поэтому деньги в замкнутом торговом государстве, как и во всяком цивилизованном сообществе, сохраняют свое значение универсального средства обмена.

Денежное обращение согласно Фихте — вещь весьма тонкая: законы и насилие не могут принудительно установить *отношение денег к товару*. Если государство произвольно установит цены, с которыми не согласны ни производитель, ни торговец, то владелец денег спрячет деньги, а производитель — товар, и торговля уничтожена. *К владельцу денег с насилием никак не подойдешь. К владельцу товара — только такими средствами, которые ненавистны и стоят очень дорого государству*. Если нет денег, то торговлю

нельзя ни учесть, ни законодательно регулировать. *Она сама устанавливает для себя цены и законы. Так было всегда, так всегда и должно оставаться.* Дело, однако, в том, что замкнутое торговое государство, граждане которого не имеют торгово-финансовых отношений с гражданами иных государств (внешнюю торговлю, осуществляемую по мере надобности, монополизировало оно же), *может сделать с деньгами все то, чего оно захочет* (Фихте И.Г. 1993: 271–273).

Речь не идет о произволе, как уже говорилось выше. Фихте имеет в виду следующее. Все расчеты внутри государства ведутся только на основании местных денег, которые тем самым становятся единственным платежным средством. Так возникают *туземные деньги*. Вопроса о том, принимают ли их за границы для замкнутого торгового государства, не возникает: *за границы как бы вообще не существует* (Фихте И.Г. 1993: 273). Государство само определяет их внутренний курс на основе установления удобного для него соотношения, оценивая то, *какою частью находящегося в обращении общего представителя всей стоимости должна быть оплачена всякая стоимость*: вся сумма находящихся в обращении денег представляет находящуюся в общественном обращении суммарную стоимость товара; соответственно десятая или сотая часть первых — десятую или сотую часть второй. *Будет ли эта сотая часть названа одним талером или десятью, или ста талерами — совершенно безразлично. Деньги сами по себе ничто. Только благодаря воле государства они представляют что-либо.* Далее: определяемое, помимо этого, стоимостное соотношение различных товаров, выраженное в определенных ценах в такого рода деньгах, фиксируется законом (таким образом законодательно устанавливаются твердые цены) (Фихте И.Г. 1993: 273–275). Дальнейшая задача — поддерживать стабильное соотношение находящихся в обращении совокупности то-

варных стоимостей и циркулирующей денежной массы. Увеличение последней зависит от роста первой (благополучие работающих и хорошо управляемой нации при условии экономической изоляции, как считает мыслитель, неизбежно будет расти). Для целей внешней торговли цены привязаны к ценам на золото. Сама внешняя торговля, однако, в конечном счете должна сойти на нет. *Цель, для которой правительство овладело торговлей с границей, — писал Фихте, — состояла в том, чтобы периодически сокращать эту торговлю и после определенного срока заставить ее совершенно прекратиться* (Фихте И.Г. 1993: 342).

Политика реализации задачи экономического замыкания государства. Что же касается предполагаемых шагов государства, совершаемых непосредственно перед образованием закрытого *торгового организма* и сразу после такого обособления, а также — предполагаемых последствий замыкания, то наиболее существенны из них следующие. (Речь идет о политике государства на своеобразный переходный период от момента принятия решения о прекращении свободного товарообмена с мировой хозяйственной системой — *большой торговой республикой*, как выражается Фихте — до полного экономического замыкания.)

Во-первых, заранее следует предпринять шаги к достижению государством положения, соответствующего его *естественным* (геополитическим) *границам* — более узким или более широким, чем те, которые оно имеет в настоящее время. Понятие этих границ органично определяется ходом конкретной национально-государственной истории. Это требование вызвано и необходимостью обладания замкнутым государством территорией с наличием необходимых *естественных ресурсов*, и нежелательностью иметь нужду в большой, постоянно готовой к войне и экономически обременительной армии. Потребность в обретении государством органично-замкнутого

жизненного пространства до совершения действий по торговому замыканию продиктована тем, что после замыкания возможность влияния на своих соседей у такого государства резко сократится. Если речь идет о присоединении новых провинций, то желательно, чтобы такая цель была достигнута без применения оружия или с минимальным применением военных средств (Фихте И.Г. 1993: 346). После осуществления подобного плана это государство обязано предоставить своим соседям реальные гарантии в том, что оно, начиная с определенного времени, не будет стремиться к увеличению своей территории.

Во-вторых, экономическая политика государства (в этот переходный период) должна быть направлена на создание условий для поддержания режима защиты прав потребителей в максимально возможной степени. Те товары иностранного происхождения (исключая предметы роскоши), которые имеют массовый спрос на внутреннем рынке, должны оставаться на нем. Лишь в перспективе, по мере создания производственных возможностей такого рода товары могут вытесняться отечественной продукцией аналогичного качества, — что не является неразрешимой проблемой при соответствующем развитии производства и наличии достаточно широкого спектра автономных сырьевых возможностей. Поставка на рынок товаров, которые не могут быть изготовлены в данной стране, поэтому должна сокращаться постепенно, не травмируя привычек потребителей. В итоге же товарное разнообразие конкретного рынка не только не сузится, но должно расшириться, считает Фихте.

В-третьих, необходимо изъять все находящиеся на руках у граждан *мировые деньги*, обменяв их на *новые туземные деньги*. Само введение новых денег должно быть произведено в возможно кратчайшие сроки, *одним ударом*, после осуществления подготовительных мер, внешне направленных на какую-либо

иную цель. Данное мероприятие нужно осуществлять таким образом, чтобы не возникло нужды *ни в строгости, ни в запрете, ни в карательном законе* (Фихте И.Г. 1993: 332).

В-четвертых, эмиграционная политика в переходный период — открытая, поскольку не следует опасаться хоть сколько-нибудь значительного оттока граждан за рубеж. Процент желающих уехать из страны может быть высок только вначале, и только среди тех, которым *новый порядок, который один только и является истинным порядком, мог бы показаться тягостным, гнетущим, педантичным* (Фихте И.Г. 1993: 350).

После того как внутри страны земледелие и промышленное производство доведены до требуемой степени совершенства, сбалансированы между собой и торговлей, достигнуто оптимальное численное соотношение различных групп, образующих социальную структуру, после того как государство обрело свои естественные границы, — *наступает полное замыкание торгового государства. Все, чем в стране пользуются или что продают, — произведено или сработано в стране. И наоборот. Все, что в стране будет произведено... в ней же будет использовано и или продано* (Фихте И.Г. 1993: 248–349). С этого момента ни правительство, ни частные лица не имеют не только денежных, но и иных сношений с заграницей¹. По мысли Фихте, (ненасильственными мерами) свертываются не только торгово-экономические отношения, но и внешняя, связанная с выездом за границу сторона гуманитар-

¹ *Государство, — как считает Фихте, — обязано законом и принуждением обеспечить всем своим гражданам такое положение, которое вытекает из этого равновесия сношений. Но оно не может этого сделать, если на это равновесие имеет влияние такая личность, которая не подчинена его законам и власти. Поэтому оно должно окончательно отсечь возможность такого влияния. Всякое сношение подданных с иностранцем должно быть запрещено и сделано невозможным* (Фихте И.Г. 1993: 259).

ных связей, которые тем самым становятся асимметричными по направленности движения человеческого потока: выезд за пределы страны целесообразно сохранять и даже поощрять только для научно-технических специалистов; вместе с тем можно ожидать наплыва посетителей из-за рубежа в цветущее замкнутое государство.

В целом Фихте ожидает, что сфера принуждения и применения насильственных мер в жизни замкнутого государства будет сведена к минимуму. Легкость управления и труда, проистекающая из высокого уровня организации всякого дела, осуществляемого по *твердо установленному плану* с жестким контролем и учетом действительно сделанного, осмысленность выдвигаемых целей, не позволяющая требовать чего-либо, *что только вызывает противодействие и все-таки никогда не сможет быть проведено в жизнь*, — все это обязательные элементы *твердо установленного порядка* в государстве. *В нем ничего не будет приказываться такого, к чему нельзя было бы понудить самими естественными средствами* (Фихте И.Г. 1993: 351–352).

Особенности существования и развития замкнутого государства таковы, что ему не придется содержать громоздкую и дорогостоящую армию (достаточно народного ополчения), будут ликвидированы вопиющее социальное неравенство и социальная нестабильность, снижены налоги, а тем самым будут устранены главные источники народного недовольства властью — налоговый пресс и воинская повинность — и главный источник преступности — пресс нужды и страха перед будущим. Этот новый образ жизни обновляет сердцевину национальной жизни, созидает осознание национального единства в совершенно новых формах (Фихте И.Г. 1993: 351–353).

Вернемся к исходному пункту рассуждения Фихте, к проблеме обеспечения равенства права собственности. Такое равенство может быть обеспечено

только в результате торгового замыкания государства. Государство тем самым *привязывает* к себе своих граждан, *гарантируя* каждому, что он *всегда будет иметь работу или сбыт своему товару, и в обмен на них приходящуюся на него долю в благах страны* (Фихте И.Г. 1993: 287). Именно эти **социальные гарантии** обеспечивают подлинную **социальную свободу, равенство и справедливость**. И именно установка на достижение данных целей обладает действительным потенциалом человечности в политике, а отнюдь не авантюрная склонность превращения жизни в игру, как считают те, *кто без усталости взывает к свободе, к свободе торговли и приобретения, к свободе от контроля и полиции, к свободе от всякого порядка и нравственности. Все, что имеет в виду строгую правильность и твердо установленный, совершенно равномерный ход вещей, является для них ограничением их естественной свободы* (Фихте И.Г. 1993: 355–357).

Способ достижения справедливости для Фихте связан, таким образом, с необходимостью почти полного, пожалуй, забвения частного интереса и вытеснения его интересом всеобщим — такова цена социальной интеграции человека. В свою очередь, только эта интеграция есть условие возможности «социализации» государства, его «гуманизации» и достижения обществом полной справедливости, — и она осуществима исключительно на пути растворения человека в объективном функциональном совершенстве целого, в рамках подчинения личности внешней регламентации и необходимой дисциплине этого целого, в пределах которых нет и не должно быть места авантюрной индивидуальной свободе, самопроизвольности, спонтанности. Социальная свобода у Фихте должна поглотить свободу индивидуальную, отождествляемую в экономике и политике с произволом и дисфункцией².

² Это не мешает Фихте в число параметров европейского качества жизни, по которым

Отсюда у Фихте — тенденция к абсолютизации государства как такового в форме постулирования предпосланной ему и существующей помимо реального взаимодействия людей их родовой сущности, *идеи*, которой государство дает внешнюю реализацию в индивидуумах. Отсюда же — платоническая утопия *абсолютного государства (государства разума)* как своеобразного «Града Божьего» (Гайденко П.П. 1979: 215)³.

И тем не менее Фихте не считает содержание свободы искаженным такой интерпретацией. Он, по сути, желает сказать нам следующее. «Современное» государство, подчиняя человека социальному целому и стремясь в тенденции к его полному растворению в этом целом (к предельной социализации), создавая принудительную «механику» такой социализации, на самом деле — через противоречия в своем развитии, скрыто и бессознательно — способствует реализации совсем иной цели, а именно осуществлению подлинного вочеловечения чело-

века, достижению состояния, в котором духовный потенциал религии, науки и добродетели позволит совершить скачок в область актуальной свободы, *царство культуры* (где будет преодолен смысловой разрыв, противоречие между мотивом и действием, личной автономией и подчинением интересам целого, частным интересом и интересом всеобщим, смыслом и его воплощением, потребностью и ее удовлетворением, любовью-состраданием и возможностью реализации ее потенциала, между субъектом и объектом). «Современное» государство, пронизывая человека гражданственностью, самым решительным образом, хотя и исподволь, наращивает духовный потенциал такого освобождения. Только государство, наконец, может — при определенных условиях — стать связующим звеном между «нынешней» эпохой и царством свободы. Поэтому политика не бездуховна, она может быть одухотворена и воодушевлена именно этой возможностью.

необходимо достижение наибольшей привлекательности страны, включать прежде всего такой показатель, как способность государства эффективно обеспечить защиту и гарантированное выполнение гражданских прав человека (см.: Фихте 1993: 566). И тем не менее это отражается на понимании свободы политической: свое понимание соотношения между гражданской и политической свободой Фихте выражает следующим афоризмом: *Безусловно необходима гражданская свобода, притом в равной для всех степени, политическая же свобода необходима не более, чем для одного* (там же: 516).

³ Об утопических чертах проекта Фихте см.: Новгородцев П.И. 1991: 127–128 ; Гайденко П.П. 1990: 86–88.

Литература

1. Гайденко П.П. 1979. Философия Фихте и современность. М. : Мысль.
2. Гайденко П.П. 1990. Парадоксы свободы в учении Фихте. М. : Наука, 1990.
3. Новгородцев П.И. 1991. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991.
4. Фихте И.Г. 1993. Замкнутое торговое государство // Соч. в двух томах. Т. 2. СПб. : Мифрил. С. 225–357.
5. Фихте И.Г. 1993. Основные черты современной эпохи // Соч. в двух томах. Т. 2. СПб. : Мифрил. С. 361–617.
6. Fichte I.G. Werke. Auswahl in sechs Bänden. Hrsg. von F. Medicus. Leipz., 1908–1911. Bd. 2.

ГОСУДАРСТВО И КОРПОРАЦИЯ В СОЗДАНИИ И НАКОПЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

П.А. Демидов

Традиционно конкуренция государства и корпорации происходила в экономической и политической сферах. Корпорации использовали свое экономическое влияние для того, чтобы наращивать свой политический капитал, но государство, обладающее монополией на насилие и суверенными правами, в целом успешно противостояло этим попыткам.

Однако с вовлечением в общественно-политические процессы большего количества людей ситуация изменилась: государство и корпорация стали конкурировать в сфере создания и накопления социального капитала.

Термин «социальный капитал» появился в научной литературе, посвященной вопросам политической экономии, еще в XIX в. Принято считать, что в современном значении он впервые был использован в работе Лайды Джадсона Ханнифана в 1916 г., которая была посвящена анализу сельских сообществ¹. Впрочем, исследователь Фарр утверждает, что Ханнифан мог заимствовать термин у Джона Дьюи, который также использовал этот концепт при анализе проблем образования². Так или иначе, но термин в то время не прижился в научном дискурсе вплоть до последней четверти XX в., когда к нему обратились (в значительной степени независимо друг от друга) трое исследователей, благодаря которым он прочно вошел в научный обиход, — Пьер Бурдьё, Джеймс Коулман и Роберт Патнэм.

Общепризнанного определения социального капитала не существует. Обычно выделяется несколько компонентов социального капитала, главными из которых являются социальные сети, общие, разделяемые членами общества нормы, а также доверие. Доверие — это особая характеристика отношений между индивидами/группами, при котором контрагенты на основе имеющейся информации (рационально) или собственных предпочтений, ценностей и жизненных установок (как рационально, так и нерационально) оказывают преференции другим контрагентам при проведении любых трансакций, оказывают услуги, рассчитывая на подобное же, *взаимное* отношение в будущем. По аналогии с рыночной экономикой и экономическим капиталом, воплощением которого являются деньги, можно говорить о существовании «рынка общественного взаимодействия», где воплощением социального капитала является коммуникация. Социальный капитал в рамках данной работы рассматривается как капитализация социальных связей доверия, как ресурс общества или политического актора, которым он обладает в силу своего участия в социальных сетях и атмосферы доверия, которую он способен создать.

Пьер Бурдьё, исследуя социальную структуру французского общества, ввел понятие социального капитала, чтобы указать на то, что социальное неравенство возникает не только вследствие неравномерного распределения денег (т.е. финансового капитала), но и в силу недостатка образования и культуры

¹ Putnam R. Bowling Alone: Collapse and Revival of American Community. NY, 2000. P. 19

² Farr J. Social Capital: a Conceptual History // Political Theory, 32, 1, 2004. P. 19.

(т.е. культурного капитала) и необходимых социальных связей (т.е. социального капитала). Для того чтобы сделать успешную карьеру в обществе, связи просто необходимы, вне зависимости от состояния банковского счета. Бурдьё дает следующее определение социального капитала: «Социальный капитал является суммой реальных или виртуальных ресурсов, которые получает индивид или социальная группа вследствие участия в прочной сети в той или иной степени институционализированных отношений взаимного знакомства и признания»³, и рассматривает социальный капитал как важнейший ресурс политика. Степень «социального богатства», т.е. уровень накопленного социального капитала, можно определить по плотности имеющихся у индивида связей и количеству ресурсов, которыми располагают те, с кем индивид поддерживает эти социальные связи. Таким образом, для достижения желаемого результата при накоплении социального капитала необходимо придерживаться особой «стратегии инвестирования» в социальный капитал, которая должна учитывать нужность или ненужность тех или иных связей.

Подход Коулмэна и Патнэма к рассмотрению социального капитала несколько отличается от подхода Бурдьё. Коулмэн и Патнэм считают социальный капитал не ресурсом элиты, а общественным благом, потенциальным лекарством от многих болезней современности (от решения проблем в сфере образования до совершенствования государственного управления). Социальный капитал, накапливаемый индивидами, служит всему обществу, поскольку благодаря ему в обществе устанавливаются более доверительные и взаимовыгодные отношения: «...Социальный капитал, так же как и физический или человеческий капитал, способен повысить эффективность ин-

дивида, группы или общества в целом»⁴. Если для Бурдьё образцом социального инвестирования является заведение нужных знакомств на светском рауте, то для Патнэма и Коулмэна — это соседская взаимопомощь, когда один фермер одалживает другому свою сельскохозяйственную технику в расчете на то, что в сходной ситуации безвозмездная помощь будет оказана и ему.

Коулмэн и Патнэм указывают, что социальный капитал в условиях современной демократии и государства всеобщего благосостояния является общим достоянием, а не только ресурсом господствующего класса. Однако это также значит, что в демократическом государстве с существующими системами представительства интересов (как формальными, так и неформальными) общество становится таким же объектом «стратегии инвестирования» в социальный капитал, как и элита, поскольку продвигаться вверх и построить политическую карьеру невозможно без получения поддержки со стороны простых граждан, не входящих в политическую элиту.

В современном обществе государство (государственная власть) не является монополистом в сфере создания и использования социального капитала. По мнению исследователей, например Ф. Фукуямы, социальный капитал может создаваться негосударственными и необщественными акторами, потому что «его производство находится в долгосрочных экономических интересах индивидов»⁵. Так, например, крупные компании могут вести активную социальную деятельность, заниматься благотворительностью, осуществлять образовательные проекты и, таким образом, создавать социальный капитал для понижения уровня транзакционных издержек как во внутренней деятельности (создание корпоративной культуры), так и при

³ Bourdieu P. An Invitation to Reflexive Sociology / P. Bourdieu, L. Wacquant. Chicago : University of Chicago Press, 1992. P. 119.

⁴ Putnam R. Op. cit. P. 19.

⁵ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 348.

заключении внешних сделок (повышение уровня финансовой прозрачности). Хотя это может делаться с определенными личными целями — ведь кто создает капитал, тот его и использует, — подобные действия оказывают пользу всему обществу. Впрочем, подобные действия компании по созданию более благоприятной среды для себя и для бизнеса могут перейти в сферу политического и в этом случае могут быть восприняты государством как угроза. Примером такой ситуации является ситуация, в которую попала в 2003 г. нефтяная компания ЮКОС.

Корпорация ЮКОС стала влиятельным общественно-политическим актором не только из-за высоких прибылей и эффективного развития, но и благодаря многочисленным благотворительным и общественным программам. ЮКОС не только компьютеризировал школы в регионах, стимулировал профессиональный рост нестоличных журналистов, вел различные другие программы, но даже организовал «Школу молодого политика» и поддерживал различные политические силы начиная от «Яблока» и заканчивая КПРФ. Фонд «Открытая Россия», существовавший на деньги ЮКОСа и его владельцев, развивал программы сотрудничества, многочисленные образовательные и благотворительные программы, организовывал молодежные форумы и семинары⁶.

В интервью, данном газете «Коммерсантъ» в июне 2002 г., но опубликованном только три года спустя, Михаил Ходорковский открыто говорил, что «борьба ЮКОСа за этику в бизнесе носит корыстный характер»⁷, но «всему обществу в целом наша позиция на сегодняшний день выгодна». По словам Ходорковского, надо было только «воспринять эти нормы (демократия, прозрачность, социальная ответственность бизнеса, кор-

поративное гражданство) и сблизиться с этой позитивной внешностью». «Поэтому мы и занялись проблемами образования, — заявлял Ходорковский, — позитивная среда лучше всего ложится на молодежь». Другими словами, ЮКОС и его руководство были готовы осуществлять деятельность по удовлетворению спроса на социальный капитал в российском обществе, созданию социального капитала и использованию его в собственных интересах.

Прорывом ЮКОСа на данном направлении стало то, что 17 июня 2003 г. один из руководителей ЮКОСа Леонид Невзлин был избран ректором одного из крупнейших и престижных вузов страны — Российского государственного гуманитарного университета. Он и глава ЮКОСа Михаил Ходорковский, ставший председателем специально созданного Попечительского совета РГГУ, предложили программу финансовой поддержки университета, предполагавшую прямые инвестиции в размере ста миллионов долларов за десять лет, которые предлагалось потратить на поддержку Музейного центра РГГУ, развитие мультимедийных технологий образования, а также на выделение именных стипендий студентам и повышение окладов преподавателям. При этом основатель РГГУ Ю.Н. Афанасьев в своем выступлении выразил надежду, что, разрабатывая новую модель взаимодействия капитала, власти и общества, ЮКОС выйдет по отношению к РГГУ за рамки благотворительности и откроет совершенно новый путь расходования частного капитала в России⁸.

В интервью журналу «Формула карьеры», которое было дано 2 августа 2003 г., Невзлин подчеркнул: «...в моем лице оказано авансовое **доверие** (выделено мной. — П.Д.) ЮКОСу»⁹. Другими словами, ЮКОСом была запланирова-

⁶ URL: www.openrussia.info

⁷ Здесь и далее цитаты по: Михаил Ходорковский: Рокфеллеру было намного тяжелее // Коммерсантъ. 2005. № 98. С. 5.

⁸ URL: <http://www.rsuh.ru/news.html?id=1748>

⁹ URL: <http://www.fcmagazine.ru/releases/7/businessmans/education/174/>

на вполне эффективная трансформация финансового капитала в капитал социальный. Вследствие этого к середине 2003 г. руководство этой нефтяной компании и организации «Открытая Россия» стало фактически позиционироваться как центр создаваемой социальной сети, которая по размерам и, что важнее, по эффективности теоретически могла бы конкурировать с сетями, выстроенными государством. Обширная социальная сеть ЮКОСа начала накладываться на государственную иерархию: по результатам парламентских выборов 2003 г. ЮКОС могла бы сформировать многочисленную депутатскую группу в Государственной Думе. Таким образом ЮКОС нарушил существующую по умолчанию монополию государственной власти на создание и использование социального капитала. Позицию власти хорошо характеризуют слова секретаря президиума Генерального совета партии «Единая Россия» Вячеслава Володина, сказанные им в 2005 г. на отчетно-выборной конференции Красноярского краевого отделения партии власти: «...наши активисты учатся в политических школах, созданных ЮКОСом, — это разрушает принцип государственности!»¹⁰

Вследствие этого действия государственной иерархии по отношению к НК ЮКОС можно рассматривать в том числе как стремление власти сохранить монополию на создание социального капитала, для чего власть даже пошла на то, чтобы пожертвовать частью доверия, созданного на протяжении нескольких лет экономического роста и стабильного политического курса.

Таким образом, пожертвовав доверием части общества, разделяющей либеральные ценности, власть вроде бы укрепила доверие к себе со стороны более многочисленных бедных слоев общества, что является действенной стратегией

для удержания власти в краткосрочном предвыборном периоде. С другой стороны, это имело крайне негативные последствия для становления эффективных социальных сетей и здорового гражданского общества, поскольку эти меры вызвали недоверие среди значительной части немногочисленного среднего класса.

Парадокс ситуации заключается еще и в том, что в том случае, если бы власть гарантировала, что дело ЮКОСа будет единственным делом против бизнеса, то доверие бизнеса и населения по отношению к власти могло бы возрасти. Однако вместо этого высокопоставленные государственные чиновники продолжают говорить о том, что процессы против «олигархов» будут продолжаться, что подрывает всякие основы для доверия бизнеса да и простых граждан по отношению к власти.

Дело ЮКОСа явным образом задавало направление как кампании по выборам в Государственную Думу 2003 г., так и президентской кампании 2004 г. Уже по результатам выборов в Государственную Думу можно увидеть, что действия власти по борьбе с олигархами в целом и по отношению к ЮКОСу в частности привели к смещению политического дискурса, очередной поляризации и радикализации значительной части населения России — более 20 процентов голосов было отдано за блок «Родина» и ЛДПР. Одним «делом ЮКОСа» государственная иерархия убила сразу нескольких зайцев. Во-первых, власть избавилась от реального конкурента в сфере создания социального капитала. Во-вторых, власть создала благоприятную для лояльных Кремлю проектов ЛДПР и «Родина» электоральную ситуацию, позволив им создавать социальный капитал на недоверии к олигархам. В-третьих, все нелояльные Кремлю партии лишились финансирования ЮКОСа, что стало, в частности, особенно тяжелым ударом для «Яблока». Кроме того, нельзя забывать, что удар по ЮКОСу фактически поставил правые партии, в особенности СПС, в ситуацию,

¹⁰ Цитата по: «Да нет ее, этой демократии, нигде!» // Коммерсантъ. 2005. № 99. С. 4.

при которой они должны были оправдываться за близость к большому бизнесу, и к тому же ЮКОСу в частности, — таким образом, был нанесен удар по доверию, накопленному по отношению к правым партиям среди населения.

Сегодня сложно себе представить ситуацию, что случилось бы, если бы власть не воспользовалась своим традиционным правом на насилие и не санкционировала арест М. Ходорковского, а затем — суд и фактически уничтожение корпорации ЮКОС в качестве значимого политического и экономического актора. Мог ли реализоваться сценарий захвата власти в стране бизнес-корпорацией, накопившей не только политический и экономический, но и социальный капитал, — вопрос, на который сейчас уже вряд ли

можно получить ответ. Однако очевидно, что этот сценарий рассматривался некоторыми людьми, имевшими доступ к принятию политических решений, как вполне реальный, что в значительной степени спровоцировало те меры против ЮКОСа, которые были приняты.

Очевидно, что в настоящее время на рынке социального капитала много участников, и государство уже не является на нем монополистом. Помимо практических вопросов захвата и удержания власти, это ставит перед исследователями важную теоретическую проблему: возможно ли в ближайшем будущем перерастание корпоративной лояльности в корпоративную идентичность, которая будет для ее носителя важнее, чем национальная идентичность?

ГОСУДАРСТВО КАК КОРПОРАЦИЯ И КОРПОРАЦИЯ КАК ГОСУДАРСТВО: ПРОДУКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИЛИ НОВАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ?

Н.А. Косолапов

Два института — государство и корпорация — с конца XIX в., более чем какие бы то ни было иные, определяют облик современного мира, содержание основных идущих в нем процессов. Во многом эти институты дополняют и поддерживают друг друга, нередко противоборствуют. В активе обоих — немалые достижения в экономике, социальной сфере, науке и технологиях, многом ином. Оба не раз, и весьма убедительно, доказали свою способность не только служить человеку, но и легко и быстро оборачиваться лютой человеконенавистнической силой, чуждой всяких гуманизма и сострадания, глухой к общественной морали, готовой на самые чудовищные деяния.

Ответственность и эффективность как условия конкурентоспособности, динамической стабильности и в конечном счете жизнеспособности — вот что роднит в современном мире институты государства и корпорации. Требования эти обращены прежде всего к организационным сторонам обоих институтов. Но если для корпорации эти требования существовали изначально, менялись лишь их конкретное наполнение и условия реализации, то для абсолютного большинства государств они внове, а для многих просто революционны. Там, где государство слабо или несостоятельно, корпорации вынужденно берут на себя часть его функций. Но и государство заимствует у корпораций методы и формы обеспечения внутренней ответственности и эффективности, сталкиваясь при этом с тя-

желейшей задачей обуздания алчности, близорукости, наглости и высокомерия социальной и политической элит, чиновничества. Те государства, которые ставят цели и задачи развития, но материальные потенциалы которых несоизмеримы с таковыми корпораций, тоже вынужденно стремятся расширить поле их правомочности в мировой экономике наравне с корпорациями.

Принципиальное различие: корпорация в поисках эффективности может диверсифицировать виды деятельности, менять в достаточно широких пределах факт, объем, содержание своего присутствия в тех или иных странах, регионах, рынках. Государство таких возможностей по его статусу не имеет, доступное ему поле политико-экономического маневра — налоги и сборы, а также повышение эффективности госсектора экономики и корпораций с его участием.

По всем этим причинам сопоставление корпорации и государства вполне правомерно. Интерес к таким сравнениям подогревается в последние годы еще и тем, что если корпорация — явление, достаточно описанное и определенное в научном и правовом планах, то ситуация с государством во многом иная.

После полуторазековых заклинаний об «отмирании государства», менее, но тоже продолжительных восторгов и/или стенаний по поводу «размывания суверенитета» реальная жизнь жестко, на крови поставила проблему *failed states* — недееспособных, разваливающихся либо так и не состоявшихся государств. Позже, во

время финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг. (на момент написания статьи не завершившегося), именно действия и политика государств, прямые и через международные институты, стали средством смягчения кризиса и его последствий и, возможно, по его завершении будут расценены как один из главных факторов обуздания глобальной финансово-спекулятивной стихии.

Отныне все разговоры, будто век государства как института уходит-де в прошлое, не стоят выеденного яйца. Однако государство переживает непростые для него времена. Эпоха господства государства в международной сфере давно позади, десятки тысяч разнообразных негосударственных структур прочно обосновались в мировых и глобальных экономике, политике. И в то же время на институт государства приходится все возрастающая нагрузка и во внутренней, и в международной средах. В первой в целом расширяется диапазон его функций и одновременно растут ответственность государства, требования социальной, иной его эффективности. В международной жизни государство сталкивается с беспрецедентными вызовами и проблемами, какими оно никогда не занималось в прошлом, — и тоже должно действовать ответственно и эффективно.

При этом общепринятого научного определения государства до сих пор не существует¹. Страна — территория, где на протяжении исторически длительного времени живет и хозяйствует определенный титульный этнос или происходила последовательная смена ряда таких этносов; где на этой базе сложилась, обрела устойчивость своя этноконфессиональная, духовная и бытовая культура. Государство — высшая политическая и административная организация страны. Россия за постмонгольское время смени-

ла несколько форм государственности: от Московского царства через Российскую империю, РСФСР в составе СССР до нынешней Российской Федерации. Многие другие страны (но далеко не все) также пережили ряд аналогичных трансформаций².

Правомерен вывод, что в отличие от страны государство с исторической точки зрения никоим образом не является чем-то священным и неприкасаемым; *государство — это функция*³. Отсюда ряд взаимосвязанных вопросов: какова функция государства как явления; куда и как эта функция эволюционирует в современных условиях со стороны и спроса на нее (т.е., по сути, на государство), и встречного предложения; как соотносятся практика и динамика политической жизни с представлениями о роли в них государства и корпорации?⁴ В частности, как сложатся взаимосвязи государства и корпорации в мире, качественно изменившемся за последние полвека как материально-практически,

² Смена государственности по разным причинам часто сопровождается изменениями границ. Но сами такие изменения, сколь бы значительны они ни были, не обязательно влекут перемену государственности.

³ Казалось бы, функциональная природа государства как института давно не вызывает сомнений. Однако в современной РФ это обстоятельство нужно подчеркивать. Бюрократия превращается в раковую опухоль человечества, все быстрее приближая рубеж, на и за которым кризис ее как явления станет не только очевидным и бесспорным для всех, но, весьма вероятно, спровоцирует острейший кризис глобальных стабильности и безопасности. Но пока в России и ряде других стран бюрократия прикрывается лозунгами государственничества, необходимости защиты суверенитета (государства, а не народа, как записано в Конституции), патриотизма (по отношению опять же к государству, а не к стране и обществу), успешно блокируя требования функциональности, ответственности и эффективности института государства.

⁴ Спрос есть выражение потребности или интереса; то и другое (особенно второе) производны от степени и содержания их осознания личностью, группой, обществом — т.е. от представлений.

¹ См., например, весьма интересный анализ проблемы в: Понятие государства в четырех языках. — Европейский университет — Летний сад. СПб.; М.: 2002. Особ. с. 30—56, 83—98.

так и по представлениям, стоящим за этими переменами и сделавшим их возможными. Цель данной статьи — попытка аналитико-синтетического подхода к названным вопросам. Естественно, без претензий на его завершенность и истинность.

Государство как функция, сравнение институтов государства и корпорации рассматриваются в статье прежде всего с практической стороны; в частности, не в рамках концепции корпоративного государства. Подчеркнем, что речь во всех случаях пойдет скорее о признаках и тенденциях, а не об оформившихся уже необратимо и бесспорно итогах эволюции государства, корпорации и их связей.

1

Что возникает раньше — корпорация или государство? Если под последним подразумевать явление, знакомое нам по Новой и Новейшей истории Европы, то, несомненно, корпорация.

С научной и правовой точек зрения корпорация — это самоуправляемое юридическое лицо, права и обязательства которого отличны от таковых его членов. Именно этот признак энциклопедии и специализированные словари выделяют как центральный, определяющий. Несколько аспектов приведенного понимания корпорации особенно существенны для нашего рассмотрения.

Первый: исторически корпорация суть объединение физических лиц, т.е. индивидов. Следовательно, изначально всякая корпорация есть не что иное, как неформальная группировка по интересам. Организация, структура, иерархия, формализация правил игры — все это придет, но позже, иногда много позже. Но у ее начала всякая корпорация опирается на индивидуальные выбор и интересы ее основателей и на их межличностные отношения. Исторический путь корпорации, таким образом, охватывает весь спектр известных нам отношений — от неформальных до макроорганизаци-

онных формальных; от межличностных до — в современном мире — глобальных. Вернемся ниже к этой их особенности.

Второй: по разным причинам (о них ниже) корпорация, будучи основана группой лиц, стремится быстро, практически немедленно конституировать себя как формальное образование по отношению к себе самой и к той социальной, экономической, политической среде, в которой она намерена и/или вынуждена жить и работать. В современном мире корпорация юридически вообще не существует, пока ее устав и другие реквизиты не зарегистрированы в законном порядке. Акт формализации отчуждает лиц-основателей от созданного института — они при желании или необходимости могут начать раздельное существование.

Аспект третий: хотя корпорация обычно связывается в нашем сознании с экономической деятельностью, фактически нет никаких оснований ограничивать явление корпорации только хозяйствованием. Объединения людей на названных выше основаниях могут создаваться для любых целей, любых родов и видов занятий: экономических и духовных, законных и противозаконных и т.д. Более того, поскольку в прошлом (не столь уж далеком) экономика была силовой, т.е. неотделимой от военных набегов, то и хозяйственные корпорации должны были включать силовые функции. Включают они такие функции и сегодня (конечно, в изменившихся формах): «человек с ружьем» — непременная часть де-факто всех технологических процессов, ведущих от идеи и производителя к потребителю.

Четвертое: в рамках корпорации права и обязательства ее членов отличны от прав и обязательств корпорации как единого целого, причем данный признак — не одна из и даже не главная особенность корпорации как явления, но сами ее смысл и содержание. Это положение означает, что члены корпорации, каждый

по отдельности, не отвечают как минимум всем своим имуществом, а нередко и вообще ничем по долгам и иным обязательствам корпорации. В первую очередь ради избежания такой ответственности корпорация и создается.

Все названные аспекты полностью, без натяжек приложимы к государству. Оно возникало в прошлом, меняет свое устройство ныне по инициативе узкого круга лиц. Политическое, иное его устройство не только отражает достигнутые уровень, итоги и издержки развития общества, но всегда так или иначе нацелено на определенные будущие задачи (даже если они сводятся лишь к сохранению доминирующих, господствующих позиций тех или иных кланов, элит, групп. Государство, начиная с межличностных отношений его отцов-основателей, создает впоследствии свои институты, право, систему формальных отношений и «тень», непременно отбрасываемую законностью. В прошлом безусловно, а во многом и сейчас государство самим своим фактом и принятыми в нем законными и неформальными «правилами игры» освобождает от ответственности (кроме моральной и политической) как минимум высший слой его руководства⁵.

Иными словами, государство и корпорация не просто аналоги или близкие родственники. *Государство — частный случай корпорации.* Оно как явление *выросло когда-то из корпорации.* Про-

должает это делать поныне: история трансформации бывшего СССР в совокупность независимых государств дает на этот счет богатейшие эмпирику и материал для размышлений. Коль скоро их взаимное родство столь тесно, неизбежен вопрос: возможны ли «переливание» современных государства в корпорацию (и наоборот), «перехват» ими функций друг друга? При каких условиях и с какими мотивами и целями могут иметь место подобные процессы? Как далеко может «вернуться» государство в состояние корпорации? В частности, знакомое россиянам явление «приватизированного государства» — не есть ли это обусловленное сложившимися обстоятельствами, объективно необходимое и неизбежное циклическое возвращение на стадию первоначального создания корпорации группой физических лиц (а не только банальное нарушение законности шайкой коррупционеров)?

Государства и корпорации тесно взаимосвязаны, но и во многом взаимно автономны. Их взаимосвязь проявляется прежде всего в том, что благополучие государства все более зиждется на эффективности действующих в нем корпораций; последние же вынуждены создаваться и работать по законам этого государства или хотя бы убедительно имитировать соблюдение такого закона. Взаимная автономия же прежде всего в том, что государства могут меняться — корпорации остаются; но и наоборот — корпорации могут изменяться, рушиться, уходить из страны — государство сохраняется (если, конечно, оно не находится в критической зависимости от одной-трех корпораций).

В условиях уже давно сложившегося и в целом отлаженного государства корпорация как *хозяйствующая* единица: (а) появляется в инициативной, развитой, обладающей возможностями среде, в которой власть не боится угроз и вызовов, непременно и объективно исходящих от высокой концентрации предпри-

⁵ Впрочем, такое освобождение часто весьма условно. Исторически дефицит и несовершенство законов, недостатки их практики нередко корректировались дворцовыми переворотами, гибелью прежнего властителя. Нюрнбергский процесс, казнь С. Хуссейна, С. Милошевича, суды и пытки судов над бывшими президентами показывают, что аналогичная практика, минимально оформленная под законность, не чужда и современности. В России 1990-х — начала 2000-х годов нарушение фактических корпоративных «правил игры» нередко каралось заказным убийством. В корпорациях преступного мира убийство — общепринятая практика в подобных случаях.

нимательства⁶; (б) постепенно расширяет сферу своей деятельности, выходя за пределы материнского государства; (в) обретает масштабы, когда она в финансово-экономическом отношении зависит больше от внешнего мира, нежели от материнских страны и рынка; (г) в этих масштабах, сама не желая того, становится соизмеримой с государством, а затем начинает и превосходить его, позже многие из них по финансовому, экономическому, информационно-технологическому и научному потенциалам.

Вопрос: почему *экономическая* корпорация должна ограничиваться только производством прибыли? В принципе она может ставить перед собой и любые другие цели. В частности, реален вариант, когда в ответ на некомпетентность, коррупцию и/или произвол чиновничества (особенно усугубляемые кризисом бюрократии как явления) определенные социальные группы начнут уходить в корпорации. Один такой вариант — приватизированное государство. Но он не единственный из теоретически мыслимых. Дополнительный стимул к созданию корпораций — невозможность «убеждать» от враждебного человеку государства, вынужденность противостояния ему изнутри его самого и по его законам.

Отношения государства с корпорациями как в своей стране, так и в мире неизменно отличались сложностью и внутренней противоречивостью. Государство могло использовать корпорацию как средство продвижения своих интересов и даже передавать ей на время и в определенной сфере часть своих функций (так, Ост-Индская компания обязывалась бороться с пиратством на используемых ею морских путях). Но при этом

всегда существовала опасность, что корпорация при конфликте интересов будет де-факто обеспечивать прежде всего собственные, а уже потом государственные интересы и цели.

Справедливо рассматривая хозяйствующую корпорацию как важное и перспективное средство своей внешней экспансии, ведущие государства в XX в. в общем-то «проворонили» тот рубеж, за которым корпорация обретала новые возможности разными путями и способами влиять на государство и его политику или, в ряде случаев, просто игнорировать «материнское» и многие другие государства. Не случайно главной причиной «размывания суверенитета» называли и продолжают называть прежде всего могущество, интересы и активность транснациональных корпораций. Концентрация в них как финансово-экономического потенциала, так и — в меньшей степени — потенциала знаний и НИОКР ставит проблему *экономической доступности интеллектуального суверенитета* в современном мире.

Уже с последней трети прошлого века государство сильно ограничено в возможностях воздействия на корпорации, причем далеко не только по причинам лоббизма и/или коррупции. Конечно, в правовом государстве отдельно взятая корпорация всегда может быть привлечена к ответственности по закону. В государстве неправовом расправиться с конкретной корпорацией или сделать ее «козлом отпущения» еще проще. Но при этом общий политический, правовой, инвестиционный климат в стране в любом случае должен быть благоприятным для корпораций. Иначе — удар по экономике в целом; падение или прекращение экономического роста, обострение социальных и прочих проблем; а тем самым удар и по правящим силам, по данному типу государственного устройства.

Наконец, корпорации — не государства! — вызвали к жизни глобализацию, с многообразными проблемами и издерж-

⁶ Первые корпорации возникают в Древнем Риме. В период республики их создание никак не ограничивалось, единственным требованием было соблюдение законов. Но в период империи для создания новых корпораций всякий раз требовалось специальное решение сената.

ками которой государства только учатся справляться. Причем кризис 2008–2010 гг. уже дает основания предположить, что выбор инструментов предотвращения его повторений в будущем лежит где-то между вынуждаемым этой целью усилением неоимперского начала в процессах глобализации либо наднациональной корпорацией-регулятором, создаваемой с этой целью от имени государств и на основе получаемых от них полномочий.

Корпорация способна при необходимости брать на себя ряд традиционных функций государства — это факт, доказанный современностью и исторически. В качестве примеров можно вспомнить советские, ныне российские моногорода — сложившиеся вокруг одного предприятия поселения с десятками, иногда сотнями тысяч жителей. Можно вспомнить регионообразующую роль крупных западных корпораций в Чили, Анголе, на Юге Африки (да и не только там). Из истории всплывает память о Детройте, Питтсбурге и Чикаго первой половины XX в.; а из более далекого прошлого — британская Ост-Индская компания. Есть примеры и другого рода — наркокартели, действующие в Колумбии или Афганистане.

Объединяет все эти примеры то, что корпорация по необходимости берет на себя функции обеспечения на некоторой территории порядка и безопасности, социальной поддержки населения (а не только своих работников), нормального функционирования важных (не одних лишь производственно-технологических) инфраструктур. В современном мире корпорация может договариваться с правительствами, обращаться в международные организации — т.е. имеет некое подобие своих дипломатии и внешней политики. Она как минимум общается, а часто и сотрудничает со СМИ, НПО, гражданским обществом и неформальными структурами многих стран и нередко делает все это лучше государства.

Иными словами, корпорация не только когда-то, в давнем историческом прошлом, вызвала к жизни явление государства. Она и сегодня остается для государства отчасти одним из важных источников его существования, а отчасти — перманентными вызовом и угрозой. Корпорация умеет и в принципе способна делать все то же самое, чем занимается современное государство. Иное дело, что в нормальных повседневных условиях *хозяйствующей* корпорации это не нужно, даже противопоказано. Но государство постоянно чувствует позади себя энергичное дыхание корпораций — своих и иностранных.

Неразрывность взаимосвязи корпорации и государства как явлений, по видимому, обусловлена тем, что корпорация по сути ее — взаимопомощь и сотрудничество индивидов, защита ими своей жизнедеятельности от внешних по отношению к ней посягательств — конкурентов, недоброжелателей, врагов, в какой-то мере и от закона (особенно произвола в его практике). Государство же в современных его формах, наряду с другими его функциями — защита социума и самого себя от чрезмерных амбиций и потенций корпораций.

Способно ли государство выполнять функции хозяйствующих корпораций? (Силовых — может, и это вряд ли нуждается в доказательствах.) Достойный ли оно партнер таких корпораций, будь то в сотрудничестве или противоборстве? Нужны ли институту государства такие способности?

2

Бытовое понимание государства: этнос, нация, совокупность этносов на определенной, в целом устойчиво удерживаемой территории под достаточно стабильной властью — но властью своей, а не чужой. Если власть этнически чужая (и к тому же социокультурно чуждая), то и государство в лучшем случае «не свое», в худшем же выступает и/или восприни-

мается как угнетение извне. Когда и почему исторически возникает *свое* государство?

Институт государства складывался как путь самоорганизации элиты на данной территории. Самоорганизация канализировалась одновременно по двум направлениям: вовнутрь — как укрепление господства элиты над проживающим на территории населением; и вовне — как защита собственности данной элиты — территории, населения, всего здесь находящегося и созданного — от угроз и посягательств извне⁷. В процессе его формирования как института государство на всех исторических этапах его становления просто не могло не заниматься хозяйственной деятельностью. Но в первых, функции организации, управления и насилия вплоть до конца XIX в. оттесняли экономическую его функцию на второй план. А во-вторых, хозяйственная деятельность включала в прошлом труд скотовода, земледельца, ремесленника и торговца — занятия физически грязные, сопряженные с постоянной опасностью для результатов труда и самой жизни в них занятого, а потому опускавшиеся в сознании людей и в практике на самый нижний социальный уровень. Государство и его правители так или иначе организовывали эту деятельность, направляли ее на свои цели, в необходимых случаях подгоняли, защищали — но не занимались ею непосредственно. В итоге государство на протяжении веков не имело фактически никаких экономических органов, кроме тех, что собирали налоги и выпускали деньги.

Специфика ранних исторических функций государства вызвала к жизни основные типы его самоорганизации. Ими стали в порядке появления: (i) *город-государство*, складывавшийся вокруг ремесленников, торговцев или храма; последний быстро обна-

руживал свою нежизнеспособность, а города-«бизнес-центры» нередко становились жертвами агрессий или рейдерства их наемных защитников; (ii) *империя* — способность захватить территории, для эффективного управления которыми в конечном счете не оказывалось достаточных средств, идей и ресурсов; (iii) *феодалное владение*: приватизация безопасности и благ в интересах чрезвычайно узкого социального слоя, способного какое-то время удерживать в физическом и духовном повиновении производителей богатства; (iv) европейское *nation-state* как освобождение феодалного владения из-под административно-политической власти Ватикана и, вслед за этим, обретение политической самостоятельности сословием городских буржуа; (v) государство-*метрополия* — *nation-state*, накопившее силы и сформировавшее мотивацию к колониальной экспансии и тем самым проецирующее капитализм за пределы его изначального ареала.

Заметим, что на всех перечисленных этапах историю делало государство. Корпорации были еще слишком слабы, чтобы брать на себя выполнение такого рода задач и функций. Они действовали либо в рамках государства и под его защитой, либо создавались государством в определенных целях (в частности, корпорациями такого рода правомерно считать британские колониальные экспедиции в Америку, всякий раз получавшие от короны четкие «технические задания» относительно территории, которую предстояло освоить; размеров налоговых выплат и т.п. (эти предписания именовались *state*, результатом чего и стало позднее образование *United States of America* — конгломерата корпораций, изначально колониальных; вернемся ниже к этому обстоятельству).

Все эти типы дали основания для марксистской оценки государства как механизма внутреннего и внешнего насилия («государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному

⁷ А также по возможности грабежа других территорий и владений.

классу прочие подчиненные классы»⁸). Интересно, что в современном мире под это определение подходят и оргпреступность в Колумбии, и «правоохранение» в России. Функции насилия и организации под необходимое и/или желаемое насилие стали для государств главным фактором их жизнеспособности и, как следствие, на века определили облик и суть института. Где-то эти функции были выражены жестче; где-то в более мягких формах; но их содержание и смысл оставались неизменны. Первым в истории разрывом этого замкнутого круга стало образование Соединенных Штатов.

Дело не в революции, которой, по существу, там не было. Уникальность США в том, что после обретения независимости функция насилия там надолго отсутствует на задний план. Извне США вплоть до появления на рубеже 1960-х годов ракетно-ядерных стратегических вооружений ничто не грозило. Внутри страны в условиях практически всеобщей вооруженности населения, с одной стороны, оно само решало проблемы удержания в подчинении рабов, поддержания порядка; а с другой — такое население не могло быть приведено властью к повиновению так, как это оказывалось возможно по отношению к безоружному населению старых государств Европы и Азии. Долговременным итогом такого положения стали относительно слабые в силовом плане местная власть и федеральное правительство⁹. Функции экономические —

освоение новых территорий, борьба за внешние рынки, поддержка в этих целях «своего» бизнеса, обеспечение стабильности доллара, привлечение миллионных масс мигрантов — выходят на первый план. Причем задачи эти решаются усилиями не одного лишь государства, но в процессе достаточно сложных и противоречивых отношений государства с быстро растущими корпорациями — экономическими и организованной преступности¹⁰. Однако вплоть до середины XX в. американские тип государства и опыт отношений государства с корпорациями своей страны оставались спецификой самих США.

Ко времени Венского конгресса 1815 г. мир подошел с четырьмя типами государств: (i) *nation-states* в малой части Западной Европы (они же — буржуазно-демократические в марксистской трактовке); (ii) государства-метрополии, центры классических колониальных империй (при этом на позиции ведущих вышли те из них, что сочетали два первых признака); (iii) монархии, развившиеся из светских феодальных владений («хозяин земли русской»), ведущие из них сочетали этот признак с империей; (iv) государства Азии, не укладывавшиеся в европейскую классификацию и в разной мере сочетавшие (полу)колониальную зависимость с сохранением их традиционного уклада правления (особенно Индия, Китай). Во всех этих типах (кроме стоявших

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., Т. 39. С. 75.

⁹ Такое положение сохранялось в США на местном уровне до конца XIX в., когда необходимость противодействия растущему рабочему движению потребовала создания мощных полицейских сил; на уровне федерального правительства — почти до середины XX в. (еще перед началом I мировой войны США практически не имели военной промышленности, а перед началом II — разведки, которую пришлось создавать в США англичанам). И только со становлением ракетно-ядерной конфронтации с ее специфическими требованиями к устройству и функционированию государства возникает

«имперское президентство» Р. Никсона, в эпоху «международного терроризма» обретающее, по сути, предтоталитарные черты.

¹⁰ Современная РФ отчасти повторяет этот путь, создав полицейские силы и законодательство, позволяющие эффективно бороться с оргпреступностью (но мешает уровень коррупции в стране) и с массовыми выступлениями, сводя практически до нуля угрозу новых революций (как это было сделано в США в период 1880-х — 1920-х годов). Разница с США XIX — первой половины XX вв. — в отношении к бизнесу, который в современной России поставлен в бесправное положение и тем самым почти лишен мотивации к инвестированию и развитию в своей стране.

особняком США) функция организации для насилия доминировала над экономическими.

Рубеж XIX—XX вв. ставит перед ведущими государствами Европы и перед США принципиально новые задачи, определявшиеся взаимоналожением ряда факторов. (1) Развитие капитализма, опиравшееся прежде всего на *nation-states*, к исходу XIX в. вызвало к жизни крупные организации, причем лидером этого процесса были корпорации. Появление и развитие таких организаций, в свою очередь, сформировало новый тип отношений — межорганизационный, ставший уже к началу XX в. доминирующим во внутристрановой и международной жизни. (2) I мировая война — первая в истории «война моторов» — наглядно показала новое значение экономического фактора в жизни и деятельности государства: ее проиграли и вышли из нее с максимальными потерями монархии-империи, не пожелавшие или не сумевшие наладить эффективное взаимодействие со своими корпорациями и классом их владельцев. (3) Первый мировой кризис 1928–1932 гг. вынудил ведущие государства начать регулирование экономики и финансов, т.е. в первую очередь корпоративного сектора, что требовало не командования экономикой, но сотрудничества государства и корпораций¹¹.

¹¹ Уникальным примером взаимоотношений государства и корпораций стал с конца 1920-х годов ныне уже бывший СССР. Капиталистические отношения здесь были выкорчеваны революцией и последовавшими преобразованиями. Экономике поставили в жесткую командную зависимость от государства, не имея ни инструментальной теории планирования (ее нет до сих пор, и вряд ли она в принципе возможна), ни институтов регулирования, ни достаточной системы обратных связей. Конечным итогом стали фактическая неуправляемость государственных корпораций и экономики в целом, массовое распространение теневых экономики, юстиции и политики, и в результате — появление условий для образования неформальных корпораций внеэкономического характера,

Отложенным результатом перечисленного стало усилившееся расслоение государств не только по их материальному потенциалу (в котором быстро нарастающее значение обретали качественные его аспекты), но по уровню их институционального развития и, как следствие, по дееспособности внутри страны и в международных отношениях. Причем важным фактором успеха все очевиднее становилось не наличие институтов как таковых, но способность государства и корпораций сотрудничать, а не бороться друг с другом.

II мировая война закрепила за институтом государства гораздо более широкий круг экономических функций. Она потребовала мобилизации экономик в беспрецедентных масштабах и диапазоне решавшихся задач. Восстановление хозяйства, финансов и инфраструктур после войны («план Маршалла») также опиралось на роль государства в предоставлении помощи и в ее использовании. Национальные и мировая экономики усложняются, что влечет за собой развитие теории и практики их регулирования. После войны в странах Западной Европы, а затем и в США быстро расширяется сфера социальных функций государства, решающая триединую задачу гаранта социальной стабильности, наращивания платежеспособного спроса и развития

что завершилось крахом прежней антиэкономической государственности, но и сразу же последовавшим возрождением ее «генотипа» в формах, отвечающих интересам новой корпоративности. При этом экономические корпорации по-прежнему находятся под прессом государственно-силовых, что — как показывает исторический опыт — резко сужает возможности развития страны на перспективу. Правомерен вывод, что экстремизм в подходе государства к экономическим корпорациям на долговременных дистанциях укрепляет неформальные и силовые корпорации в обществе и госаппарате, тормозя тем самым экономическое развитие и сужая возможности государства в мире, т.е. обеспечивая его стабильное отставание от «мейнстрима» мирового развития, кем бы последний ни был представлен.

человеческого потенциала современных общества и его экономики. Государства уже не только договариваются о послевоенном мировом порядке, но вынуждены и начинают прямо (через межправительственные соглашения) и косвенно (через неправительственные международные организации) регулировать все большие объемы и диапазон транснациональных связей и отношений. Защита установленных внутреннего и международного порядков, их стабильности, осуществление упорядоченных изменений приходят на смену былой «лобовой» обороне власти и привилегий высшего класса. Захват и неприкрытый грабеж чужих территорий становится международно наказуемым и подсудным делом; использование ресурсов таких территорий обеспечивается экономическими и правовыми средствами.

Практически одновременно распад колониальной системы распространяет понятие «государства» на все новые независимые образования, которые в большинстве их не были ничем из перечисленного. Система ООН делает все ее государства-члены политически и юридически равноправными. Психологически и политически от всех государств ожидают готовности и способности выполнять те функции, какие давно отработаны в наиболее развитых странах (с поправкой на возможности конкретного государства, но тем не менее...). Однако с течением времени все очевиднее становятся нарастающий разрыв в уровнях и *качестве* развития между наиболее и наименее продвинутыми странами; и объективная неспособность (а не просто и/или не только нежелание) многих государств выполнять все из перечисленных функций. Как следствие при номинальном равенстве в мировой политике все четче проявляется иерархия государств по критерию их фактической дееспособности в международных отношениях.

Параллельно в политическом обороте де-факто закрепляется раздво-

ение суверенитета на таковой *народа* (от традиций nation-state) или же суверенитет *государства* (от традиций государя-господаря-господа — всякая-де власть от бога). В свое время буржуазно-демократические революции провозгласили новым носителем суверенитета народ, в ответ на что авторитарные режимы стали небезуспешно навязывать принцип суверенитета государства, используя принцип невмешательства во внутренние дела как обоснование и защиту этой практики. Опыт XX — начала XXI в. показывает, что в государствах, основанных на суверенитете народа, рано или поздно устанавливается система сдержек и противовесов и основанное на ней сотрудничество государства и хозяйствующих корпораций. Там же, где упор делается на суверенитете государства, последнее стремится занять в отношении корпораций командные позиции и одновременно оказывается уязвимым к появлению и деятельности корпораций неформальных, «своих» и иностранных (в том числе коррупционных, кланово-групповых, преступных). По итогам этого процесса правомерен вывод о свершившемся становлении двух типов отношений «государство — корпорация»: кооперативном и антагонистичном. Под конкретные национально-страновые условия, специфику экономик нужна различная организация. Поэтому государство как институт будет, скорее всего, становиться разнообразнее, многовидовым в каждом из этих двух типов.

Закономерно, что до сих пор нет ни международно-правового, ни научного признанного определения государства: объект и предмет искомого определения развиваются и ускользают от дефиниции. В Конвенции Монтевидео 1933 г. (СССР/Россия ее не подписывали) закреплены четыре признака государства: постоянное население; определенная территория; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государ-

ствами. Каждый из этих признаков и все они в совокупности не являются в настоящее время присущими единственно и исключительно государству (так, Москва отвечает им всем). Политически ясно, что государство нельзя определять только как *nation-state* (большинство государств — членов ООН не отвечают этому критерию); но нельзя — или не хочется — определять его таким образом, чтобы государством можно было считать не только диктатуры, тоталитарные режимы, но потенциально и криминальные формы социальной организации¹².

Любопытно, что одной из аксиом современных экономической теории и политического здравого смысла является положение о якобы доказанной неэффективности государства как собственника и экономического субъекта по сравнению с собственниками негосударственной природы. Практический смысл этого тезиса — призыв к изгнанию и/или недопущению государства как игрока на «свободный рынок»¹³. Декларируемая и

политико-идеологически защищаемая «экономическая ущербность» государства — главное, что мешает доказательно ответить на вопрос, способно ли государство эффективно выполнять функции хозяйствующей корпорации. Ответ, подсказываемый интуицией: если сегодня не способно, то завтра придется научиться — или сдать функции государства.

3

Глобализация внесла новое качество в расслоение государств по мерке их дееспособности. Ее движущая сила — группа экономически и институционально наиболее развитых, многофункциональных государств, действующих по в целом единым правилам и в сотрудничестве с хозяйствующими корпорациями, корнями их связанными с этой группой стран. Все государства этой группы основываются на суверенитете *народа*. Этот принцип хорошо согласуется с формированием глобальной элиты как транснационального социально-профессионального слоя, чьи определяющие черты — самостоятельность, мышление на опережение событий, инициатива. В системе суверенитета народа власть не опасается концентрации капитала, которая рождает накопление средств, знаний, навыков практического отношения к жизни, предвидения открывающихся возможностей и мобилизации частным сектором ресурсов для их использования.

На противоположном полюсе глобализации — многочисленная и весьма разнородная группа государств, потенциал и дееспособность которых заведомо не оставляют им шанса войти в категорию моторов глобализации даже в какой-то одной сфере. Качественный разброс в этой группе очень велик: от вполне благополучных малых стран до безнадежных *failed states*, чье население спасает от голодной смерти лишь международная помощь. Объединяют эти государства в выделенную нами категорию два признака: (а) размеры территории, природные ре-

¹² Случаи, когда явно криминальная корпорация стала бы ядром государственности, теоретически возможны, но в современной практике редки. Более серьезную проблему представляют всякого рода революции, освободительные движения и сепаратизмы: с позиций существующего в стране порядка они всегда криминальны, и только добившись успеха, обретают свою легитимность.

¹³ Нетрудно показать, по меньшей мере, спорность этого положения. Во-первых, не уточняются критерии эффективности — а применительно к государству они многообразнее, чем в приложении к корпорации (социальная, военно-экономическая, научно-техническая эффективность — лишь малая часть возможных примеров). Во-вторых, верно, что в прошлом государство многократно оказывалось неважным «бизнесменом»; но это еще не доказывает, что так должно быть всегда. В-третьих, если государство не способно эффективно управлять принадлежащим ему бизнесом, то с какой стати мы позволяем ему — пусть и под контролем общества — распоряжаться налогами, национальными ресурсами и многим иным? Не поискать ли в таком случае более эффективного управляющего? Подобные размышления легко продолжить.

сурсы, численность населения, масштаб экономики при самом благоприятном для этих стран раскладе не обеспечивают им возможности в обозримые сроки сравняться по абсолютным (но не относительным) критериям дееспособности даже со средними государствами «моторной» группы; (б) в этих условиях предпочтение суверенитету народа либо государства не является фактором, принципиальным для качественного рывка страны в дееспособности.

Самая интересная группа — государства, занимающие промежуточное положение между двумя описанными категориями, но исполненные решимости поднять свои международные дееспособность и статус, в идеале до вхождения в число государств-«моторов» глобализации и субъектов глобального управления. Такая задача не может быть решена посредством опоры на транснациональные и зарубежные корпорации — не в силу какой-либо злонамеренности последних (хотя в отдельных случаях возможно и такое), но просто потому, что названные корпорации решают свои задачи, а не задачи растущих экономик и рынков. Привлекать иностранный капитал и сотрудничать с ТНК, конечно, необходимо; но делать ставку только на них в деле национальных модернизации и развития (а не просто экономического роста, который может иметь место без развития и даже его ценой) нереалистично.

Опора же на национальные корпорации ставит перед государствами этой категории специфические задачи. Как правило, такие корпорации значительно уступают ТНК по всем основным параметрам, а значит, обречены на проблемы (и весьма вероятно, проигрыш) в борьбе за рынки внешние и в своей стране. Задача отчасти решается протекционистской политикой «своего» государства (при членстве страны в ВТО сильно затрудненной). Прямое участие «своего» государства в экономической деятельности во многих случаях укрепля-

ло бы внутренние и международные позиции национальных корпораций. Но именно этот подход блокируется в условиях глобализации как нормы ВТО, так и политико-идеологически (идеями приверженности-де «свободным рынкам» — феномену, давно незнакомому современной экономике, да и вообще вряд ли когда-либо существовавшему на практике).

Кроме того, для государств промежуточной группы большое практическое значение имеет де-факто делаемый выбор между суверенитетом народа или государства. Сам по себе этот выбор не влечет каких-то немедленных и зримых последствий для рывка в развитии и дееспособности страны в мире. Однако на длительных отрезках времени он обладает эффектом накопления и умножения факторов развития. Если модель суверенитета народа, как показывает опыт, раскрепощает эти факторы, то модель суверенитета *государства*, напротив, стискивает их, ограничивая их действие по всем параметрам (масштабам и диапазону, инициативе и инновативности, сферам и формам проявления) на всех уровнях общества и экономики. В такой системе концентрация средств, знаний и навыков воспринимается властью как угроза существующему порядку и объективно является ею. Так возникают и поддерживаются мощные преграды модернизации и развитию, эффективно-му включению в глобальные экономику, политику, научно-технологические процессы. Подобный выбор объективно есть форма организации глобальных низов, для которых в большей или меньшей степени, но определяющими являются эмоциональность мышления, невысокие потребность и способность к самостоятельности, и наоборот, выраженная потребность в ведущем на национальном и транснациональном уровнях.

Глобализацию на современном ее этапе (это явление развивается, как и институт государства) можно опреде-

литель как *триединство* (1) становления *целостной глобальной экономики*, опирающейся на доминирование рыночной (капиталистической) формации и на ТНК как системообразующий фактор такой экономики; (2) складывающегося (но пока находящегося в самом начале) *международно-политического оформления экономической мироцелостности*, ведущего к встраиванию государств в систему их политически оформленной глобальной иерархии; и (3) *стремления экономически ведущих государств и группировок* (прежде всего США и ЕС) *воспользоваться глобализацией*, ориентируя ее и ее важнейшие процессы в максимально благоприятном для них и для социально-экономической модели развитой части мира направлении¹⁴.

Глобализация втягивает, стремится подчинить своей логике — хотя и по-разному — как государства, так и корпорации. Среди последних глобализация в наибольшей и противоречивой мере затрагивает ТНК: они только научились так или иначе обходить создаваемые государством препоны, как в самой близкой перспективе обозначился новый, более всеобъемлющий уровень регулирования — транснациональный. Для государства же все наднациональное является пока вызовом, худшим, чем даже иноземное завоевание: враг лишает суверенитета на время, глобализация может отменить его навсегда.

Глобализация ставит проблему внутренней и внешней ответственности государства перед своим населением и международным сообществом, при этом последнее часто оказывается приоритетным. Она востребует дееспособное государство и встраивает его в себя как территориальную и социокультурную подсистему. Причем *спрос на де-*

еспособное государство идет как со стороны глобализации (здесь без выполнения этого условия затруднены, невозможны поддержание глобальных стабильности, безопасности, принятых правил игры), так и со стороны тех обществ, которые сознают, что слабо- или недееспособное государство обрекает свою страну на проигрыш в глобальной конкуренции, отставание в развитии, возможно, даже на деградацию и упадок.

Задача дееспособности ставит вопрос об эффективности государства; по каким критериям и кто (в стране и за рубежом) будет ее оценивать? При этом зарубежные оценки все чаще оказываются решающими в вопросах, связанных с развитием экономики и страны (особенно весомы в этом плане рейтинги кредитные, коррупции, инвестиционные). Не высокая оценка эффективности и даже сама постановка вопроса об этом размыкают былой патриотизм в странах с мало- или неэффективным государством и служат еще одним стимулом к массовой миграции. Эффективность требует ресурсов; и если ведущие развитые страны располагают широкой их гаммой — от энергосырьевых до человеческого капитала, — то отстающим еще предстоит создавать себе их «арсенал», зачастую в конфликте интересов с ТНК. Миграция меняет исторически сложившиеся этноконфессиональные балансы, что ведет к культурной эрозии в первую очередь *nation-states*, социальным фундаментом которых является тип личности, не распространенный или вовсе отсутствующий в государствах иной политико-психологической культуры¹⁵.

¹⁴ Наличие в литературе порядка трехсот определений глобализации дает минимум моральное основание предложить собственное, которое я использую последние десять лет.

¹⁵ Эта проблема с особой силой проявилась в последние годы во Франции, где пошли на прямую постановку вопроса: способен ли быть гражданином республики — в том смысле, какой вкладывается там в эти слова, — человек, носящий хиджаб (т.е. не имеющий своего достоинства и других, в европейском понимании, признаков развитой личности), а также тот, кто заставляет своих жену, сестру облачаться в это одеяние. Вопрос о допустимости норм шариата в свет-

Но если формальный институт традиционного государства начинает испытывать внутренние и внешние трудности (к тому же усугубляемые кризисом бюрократии как явления), логично ожидать, что часть его функций и задач будет переходить к корпорациям, в том числе не- или полуформальным. Тенденция эта развивается по двум направлениям. Хозяйствующие корпорации берут по необходимости на себя (в том числе в «своей» материнской, а не только в развивающихся странах) функции, дополняющие и подкрепляющие активность государства и местных органов власти. Но и в самом государстве возникают все более частые случаи неформальных корпораций — от коррупционных систем до «приватизированного» государства. Наука должна не отворачиваться от таких явлений, отдавая их на откуп моралистам, проповедникам и правоохранителям, но исследовать их как неперенную, неизбежную и социально необходимую часть жизни и развития. Экономическая и политическая теории не состоятся как науки до тех пор, пока «свет» и «тьма» не будут объединены в них в целостный объект исследования.

Глобализация есть исторически продолжительный (это уже несомненно) переход от механической суммы государств различных типов к такой системе мировых отношений, в которой государства останутся не высшим уровнем власти и суверенитета, но лишь одним из звеньев глобального управления или саморегулирования. Корпорации — хозяйствующие, общественно-политические, в том числе корпорации, создаваемые самими корпорациями, — вызывают в этих условиях к жизни такие новые организационные формы, как пространства. Это не территории, но организация территории для определенных видов жизни и деятельности, а последней — для поддержания сложившегося и/или желаемого экономиче-

ского, политического, социокультурного уклада¹⁶. Пространство в этом его понимании есть способность на деле поддерживать определенные (законом, обычаем, договоренностями и любым иным практически действенным способом) отношения и правила игры между разными участниками таких отношений.

Глобализация формирует собственные пространства, при этом ведущие государства, корпорации и глобальные институты выступают дизайнерами таких пространств. Функционируя как корпорация по отношению к этим пространствам, государство само уходит под глобальный уровень легитимации и управления. Но пространственная архитектура современного мира на его глобальном уровне образована отношениями между корпорациями в гораздо большей мере, нежели отношениями между государствами или государствами и корпорациями (что и показал финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.).

Продукт ли все изложенное глобализации? Скорее всего нет: пока это ее генезис, содержание и траектория развития. Глобализация как явление только начала формировать собственные системы отношений и делает это главным образом неформально («по понятиям»¹⁷).

¹⁶ Подробнее об этом см.: Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13; его же. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14; его же. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Том 5. № 3 (15). Сентябрь — декабрь. С. 57–65.

¹⁷ Термин «понятия» обычно ассоциируется с криминалом, откуда он и перешел в современный разговорный русский язык. Но, во-первых, свои неформальные нормы, правила, принципы есть в любой другой четко идентифицируемой среде — этноконфессиональной, социокультурной, профессиональной, возрастной и т.п. Во-вторых, «понятия» предполагают не только некоторые нормы

ском правовом обществе в эти же годы обрел остроту в Великобритании.

Именно в этом смысле ее правомерно рассматривать как «корпорацию корпораций». Традиционное государство пока — объективно антиглобалистская сила, оно если не сознает, то чувствует, что в глобальных пространствах его ответственность перед страной и миром станет в разы большей и более императивной. США и то уникальное место, какое они занимают в современном мире, мешают распознать и понять, что описанные нами (в самом первом приближении) тенденции объективны, а не следствие лишь чьей-то злой или благой воли. Антиглобализм современного государства (но не сам этот институт!) придется ломать — и если «корпорация корпораций» не справится с этой задачей, глобализация как процесс захлебнется.

Глобализация опирается на корпорации и гражданское общество; однако последнее на глобальном уровне — фикция. Реальность же — в значительной мере неформальные отношения и пространства (цель и задачи которых как раз в том, чтобы непротивозаконным образом обойти госбюрократию и воздвигаемые ею препоны). Но там, где тон задают неформальные отношения, в них, в свою очередь, неизменно доминируют силовики (включая криминальных) и идеологи. Если подобные тенденции сохранятся на протяжении нескольких десятилетий, резко усилится возможность смены парадигмы в международных отношениях: светская (не-идеологическая, не-конфессиональная) парадигма себя временно исчерпала, и в международные отношения может вернуться конфессиональная и/или конфессионально-идеологическая парадигма, как это было до 1648 г. в Европе. Первыми признаками такой тенденции являются, на мой

взгляд, экспорт демократии и прав человека (идеологизация), борьба против международного терроризма (почему-то всегда исламского), мощное контраступление религий и церквей во всем мире, эпидемия полевых командиров и бандформирований.

4

Настало время обратиться к феноменологии. Она упомянута в названии не случайно. Насколько я могу судить, есть два понимания феноменологии. Одно — *естественно-научное*: связь между экспериментом и фундаментальной теорией, но непосредственно из такой теории не вытекающая. Теория — жесткая логика; феноменология же в большей степени привязана к эксперименту, нежели к теории. Границы между теорией и феноменологией размыты и зависят от понимания и интуиции исследователя. Феноменологическое описание явления не позволяет понять его, но позволяет классифицировать, т.е. найти ему место в данной науке и/или в системе наук. Подобным образом, хотя и не в рамках естественных наук, сейчас классифицируется явление глобализации.

Несколько иное понимание рассматривается в философии (по Гуссерлю). Здесь феноменология есть обращение к первичному опыту, трактуемому как опыт познающего сознания. Последнее предстает чистым смыслообразованием, и это тоже обращение к интуиции исследователя, но в большей мере как чистому сознанию, освобожденному (абстрагированному) от переживания связей его с реальностью. Но освобожденному не потому, что реальность игнорируется, а по причине невозможности, недоступности (моральной и/или практической) экспериментов с такой реальностью. Процесс и продукт сознания (виртуальное) оказываются при таком подходе как бы самодостаточными.

Правомерен вопрос: если наука не дала пока общепризнанных дефиниций государства, международных отноше-

и пр., но и обязательность их соблюдения, т.е. наличие механизма (пусть неправового), обеспечивающего такую обязательность. И в этом смысле — как «правила + механизм» — термин «понятия» идеально соответствует западному пониманию «института».

ний, глобализации, пространства, то не означает ли это, что названные явления скорее виртуалии, нежели нечто доступное объективным измерениям, оценкам и эксперименту? В самом деле, если государственность данного типа уступает место иной (но при сохранении страны), то не меняются ли в первую очередь разнообразие виртуалии, а уже потом и как следствие — все от них производное?¹⁸ С международными отношениями картина сложнее; но мы же продолжаем выяснять, сохраняются ли еще рудименты прежней холодной войны или началась новая. Показательны и споры о том, продолжается и развивается глобализация, тормозится или уже повернута вспять — при том что с объективными критериями туго у сторонников каждой из названных точек зрения. Во всех приведенных примерах интуиция эксперта, политика — сложнейший, живой сплав идеологической индоктринации, научного и жизненного опыта, нервной организации и темперамента, личных ожиданий и неосознаваемого психического — по сути, и диктует их концепции и предпочтения.

По Гуссерлю, основополагающий методологический принцип и критерий действительности чего-либо — очевидность¹⁹. Но она сплошь и рядом бывает отлична от сущности, даже противоположна ей. Следовательно, очевидность не более чем первый шаг к познанию, замена эксперимента там, где он не толь-

ко невозможен, но часто даже неясно, в чем он мог бы состоять и какие цели преследовать. «Интуитивное созерцание сущностей»²⁰ требует интерпретации и, главное, разумной уверенности, что созерцаются именно сущности, а не что-то иное. Отсутствие внятных критериев того и другого возвращает к интуиции ученого и политика. Здесь мысль, что «познание „возможностей“ должно предшествовать познанию действительности»²¹ сперва вызывает недоумение, как оценивать возможности в отрыве от реалий, но потом побуждает вспомнить о таких направлениях творчества (в том числе политического), как проектирование, альтернативистика, анализ вариантов.

Подставьте в приведенные выше рассуждения слова «международные отношения», «государство», «глобализация», «пространство» — и по каждому пункту обнаружатся проблемы для размышлений (понятие «корпорация» никак не вписывается в этот ряд и твердо занимает место среди реалий).

Смысл обращения к феноменологии, на мой взгляд, в следующем. Опыт показал, что в международной жизни XXI в. растущее значение приобретают задачи проектирования и созидания желаемых условий: от миротворчества, nation-building до регулирования глобальных финансово-экономических трендов и ответственной эколого-экономической политики. Учитывая, какие ресурсы и затраты времени могут оказаться необходимы для решения подобных задач (и могут в итоге оказаться растрчены впустую), практической необходимостью становится анализ на возможно более ранней стадии того, почему наше сознание рождает те концепции, которые оно рождает, а не какие-то иные. Если нет ничего практичнее верной теории, то при невозможности эксперимента и высокой продолжительности (а нередко и рисках) верификации опытом

¹⁸ Например, СССР развалился под грузом неких объективных реалий и законов; или же он был прекращен (а он был именно прекращен, и процесс этот занял в 1991 г. более полугода) потому, что еще ранее существенно изменились многие принципиальные представления в сознании разных слоев общества — от самых широких до высшего руководства партии и государства? Мой ответ см.: Косолапов Н.А. Анклав в поле глобализации (К политэкономии постсоветского пространства) // Россия и новые государства Евразии. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 8–30.

¹⁹ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999; его же. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

имеет смысл проводить феноменологический анализ идей и концепций, выносимых в мировые и глобальные экономику, политику, социальные отношения.

5

Сформулируем некоторые выводы. Интернационализация современной жизни, а с рубежа 1970-х и глобализация привели к созданию в мире комплекса таких условий, в которых никакое государство (включая сильнейшие) не может быть свободно от внешних зависимостей, необходимости считаться с правилами игры, устанавливаемыми извне и все более многочисленными и императивными. В глобальном мире перспективы страны определяются не только внутренними ее ресурсами и возможностями (как это было на протяжении всей истории), но способностью государства установить и эффективно использовать внешние связи, открывающие пути к социально-экономическому и иному развитию.

Как следствие *государство*, сохраняя пока размываемую глобализацией функцию духовно-политической (плюс идеологической и/или конфессиональной) интеграции общества, в остальном все более выступает как *специфическая структура, осуществляющая организацию всех сторон жизнедеятельности населения (как постоянного, так и временно пребывающего) на территории, исторически сформировавшейся в этно-конфессионально-пространственную целостность (страну) или признанную таковой другими государствами, де-факто способными обеспечить целостность новосозданного государства.*

Потребность в институте социально-территориальных организации и управления в обозримом будущем не только не исчезнет, но будет существенно возрастать. Останется таким институтом государство, вырастут рядом с ним равнозначимые иные формы или эти последние начнут теснить государство на второй план? Видимо, здесь возможны несколько «сценариев».

Государство, которое не в состоянии и/или не хочет соответствовать внутреннему и внешнему спросу на дееспособность и эффективность, будет, скорее всего, подвергаться давлению неформальных гражданских корпораций (традиционных и/или новых), действующих на основе соединения внешних и внутристрановых интересов, стремящихся реформировать или сменить данное государство. «Заповедниками» останутся лишь страны, не представляющие никакого интереса для внешнего мира и низкомотивированные внутренне.

По критериям дееспособности государства и его заинтересованности в практическом²² развитии можно выделить шесть групп государств в таком порядке (от «низшей» группы к «высшей» в пределах данной категории): главная цель государства — (1) обеспечение экономического роста; (2) удержание роста; (3) долговременное повышение роста; (4) поддержание роста при стремлении избежать развития или свести его к минимуму; (5) сдерживание роста и акцент на развитии; (6) постановка в центр государственной политики задач развития: рост становится следствием и отдачей развития, а не самоцелью.

В текущих условиях международно-политическая глобализация мало что дает большинству государств и их социальных элит, но немало от них требует. Если такое положение сохранится надолго, все больше государств будут де-факто саботировать, а по возможности и блокировать процессы глобализации и ее международно-политического оформления (МПОГ) в пользу международно-регионального сотрудничества и/или традиционных международных отноше-

²² То есть в развитии, понимаемом в светском, мирском, а не в религиозном, идеологическом и/или нравственном смысле. Светское развитие поддается измерению и оценке посредством объективных критериев, тогда как развитие религиозное, нравственное, идеологическое могут, конечно, иметь место, но принципиально неизмеримы.

ний. Подобное развитие событий, в свою очередь, означало бы существенное и, по-видимому, долговременное торможение процессов мирового развития.

Становление международной регионализации вызвало к жизни явления международно-политических и иных режимов, а также экономических и иных особых пространств. В наибольшей степени такие механизмы отработаны в Евросоюзе и с рубежа 2000-х годов начинают втягивать в эту систему государства, активно сотрудничающие с ЕС («политика соседства»). Коль скоро принцип и технологии международных режимов достаточно отработаны и известны, подход может найти более широкое приложение. Его главное качество — возможность в широких пределах менять содержание транснациональных отношений (включая распоряжение пространствами, ресурсами и собственностью), номинально не посягая на территориальные границы и суверенитет государства. В зависимости от интересов и целей конкретной группы государств, а также от тенденций глобального уровня этот подход может в принципе как содействовать процессам глобализации и МПОГ, так и противопоставляться им.

Проблема *nation-building* ясно обозначилась уже в 2000-е годы в связи с тремя группами причин: (i) как следствие попыток и процессов политического урегулирования особо длительных и/или ожесточенных конфликтов, после которых создание нормальных общества и государства приходится начинать фактически даже не с нуля, а с «отрицательных величин»; (ii) как развитие и завершение внешних операций по «экспорту демократии» и иных вариантов переустройства государства извне; (iii) как следствие явной недееспособности аппарата местного государства, последствия чего могут быть нежелательны и/или просто опасны для международного сообщества²³.

²³ Примером первого случая может служить образование новых государств на территории

Задачи *nation-building* — решение которых потребует, видимо, десятилетий — может быть целесообразным передать специализированным глобальным корпорациям, действующим на основе мандата ООН или «коалиции заинтересованных государств».

В обозримом будущем наиболее динамичные и стремящиеся к развитию государства будут, видимо, все более тяготеть к превращению в корпорации по управлению территорией (но не в хозяйствующие корпорации традиционного типа) в рамках международно-региональных пространств. По прошествии 20–30 лет такая тенденция, если она будет иметь место, сможет стимулировать качественный рывок в результативности процессов МПОГ. В противном случае концентрация значительного числа государств (включая США) на сохранении их традиционно понимаемой суверенности — по сути ее антиглобалистской — может стать одним из главных факторов торможения процессов мирового развития на длительный период. Второй сценарий лучше согласуется с назревающим глобальным дефицитом ресурсов и с давлением экологических императивов.

Как следствие всего перечисленного, в обозримой перспективе следует, видимо, ожидать: (а) диверсификации всех видов и типов корпораций — от хозяйственных до глобально-управленческих; (б) сочетания в международной и внутри-страновых сферах наличия и активности корпораций неформальных и формальных, законных, незаконных и противозаконных²⁴; (с) взаимного обмена и обо-

бывшей СФРЮ; второго — ситуации в Афганистане и Ираке; третьего — Сомали в связи с проблемой морского пиратства в регионе. Разумеется, это только примеры.

²⁴ Законная корпорация создается и работает в соответствии с действующим законодательством; противозаконная противоречит ему; незаконная создается и функционирует при отсутствии или острейшем дефиците соответствующего законодательства.

гашения форм и методов деятельности между корпорациями и государством; (d) более сложных отношений между государством и корпорациями в глобальных экономике и политике.

Развитие глобального гражданского общества — гипотетически возможный и идеологически поощряемый процесс материализации описанных тенденций. Но по крайней мере теоретически допустимы и другие. В частности, в подобных условиях *резко возрастает потенциал тоталитаризма*, причиной чему служат ряд факторов: (i) бюрократия тоталитарна по природе, ей присущи жесткая иерархичность, чиновничество, стремление к максимально возможной закрытости, тенденции распространяться вширь и вглубь, монополизировать власть, влияние и ресурсы; (ii) информационные технологии открывают беспрецедентные возможности поставить каждого человека (а не отдельные лица и группы) под непрерывный и всеохватный кон-

троль. Ныне он — вопрос политического решения и финансов; технические решения давно созданы и совершенствуются; (iii) бюрократия международных организаций находится де-факто вне какого-либо контроля, в том числе со стороны стран — членов соответствующих организаций. При этом она пользуется растущими и разнообразными возможностями влиять на политику даже государств — не членов данной организации; (iv) всякая корпорация тоталитарна по ее природе.

Тоталитаризм, в свою очередь, открывает дорогу симбиозу силовиков и идеологов, способному поставить под свой контроль институты светской власти — государство и корпорацию. Такой симбиоз означал бы десекуляризацию международной системы, ее возвращение в довестфальское состояние (системы глобальной — в неопредвестфальское; сценарий, представляющийся мне достаточно вероятным).

ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.И. Пантин

Глобальный кризис 2008–2009 гг. во многом актуализировал и обострил проблемы, связанные с ролью государства и корпораций в экономике, политике, социальной сфере, международных отношениях. Кризис, в частности, продемонстрировал, что так называемый свободный рынок без самого активного государственного вмешательства не способен решать ключевые, наиболее важные проблемы экономики, а также вопросы внутренней и внешней политики. Одним из подтверждений этого стала возросшая роль саммитов государственных лидеров стран «восьмерки» и «двадцатки» в решении наиболее важных проблем мирового развития, т.е. резкая активизация объединений ведущих государств мира, которые тем не менее не переросли и вряд ли перерастут в ближайшем будущем в наднациональные структуры. Более того, наиболее успешно пережили кризис те страны, где государственное регулирование было развито в наибольшей степени — прежде всего Китай и некоторые другие азиатские страны, в то время как государства, руководствовавшиеся идеологией «свободного рынка», понесли наибольший урон. Вместе с тем речь идет именно о государственном регулировании, а не о монополии государства в экономике, политике и социальной сфере. Так, в России, где государственное регулирование часто подменялось монополией государства (точнее, монополией связанных с государством корпораций), а конкурентные отношения в политике, экономике, культуре, социальной сфере оказались неразвитыми, кризис при-

обрел долговременный и достаточно тяжелый характер.

Отсюда следует, что государство вопреки некоторым прогнозам и ожиданиям (см., например: Obmae 1995; Hirst, Thompson 1995) никуда не ушло из реальной политики и экономики, оно лишь изменило формы своего взаимодействия с различными субъектами внутренней и внешней политики. Одним из важных и очевидных сдвигов такого рода стало изменение отношений государства с традиционными и новыми корпорациями, формирование своего рода нового «корпоративного государства». Действительно, в любом современном государстве различного рода корпорации не только успешно лоббируют свои интересы, но и активно влияют на внутреннюю и внешнюю политику страны. Особенно активно этим занимаются транснациональные корпорации (ТНК), которые в условиях глобализации нередко пытаются стать выше государства и общества, диктовать им свою волю. Однако в большинстве развитых и развивающихся стран ТНК вынуждены считаться с интересами государства, бюрократии и наиболее влиятельных слоев общества, вступая с ними в сотрудничество и идя на определенные компромиссы. В этом отношении глобализация меняет отношения между государством и корпорациями, но не может сделать государство второстепенным игроком на политическом, экономическом, социальном и культурном поле.

Более того, учитывая высокую вероятность в ближайшие годы новых мировых кризисов, которая связана с общей нестабильностью мировой финансовой

и экономической системы (см., например: Кругман, 2009), можно уверенно прогнозировать, что роль государства в экономике, политике, социальной сфере существенно возрастет. Один из парадоксов современной глобализации заключается в том, что, несмотря на все большую роль, которую играют различные наднациональные институты, государство сохраняет центральную роль в обеспечении стабильного и динамичного развития общества. Если же государство по каким-либо причинам теряет эту центральную роль, как это происходит в некоторых слаборазвитых странах Африки, Азии, Латинской Америки, то эти страны быстро становятся ареной социальных, межэтнических, клановых конфликтов, и в их дела вмешиваются другие государства, заполняя образовавшийся «вакуум». Таким образом, в ближайшие годы государство безусловно сохранит свою ключевую роль в системе политических и социальных институтов.

Говоря о роли корпораций в современном государстве и о корпоративном государстве, как представляется, следует различать две принципиально различающиеся с точки зрения политической теории и политической практики ситуации. В первом случае корпорации, в том числе транснациональные, контролируют государство, причем последнее превращается в простой инструмент реализации интересов этих корпораций. При этом бюрократия, сама представляющая определенную корпорацию и социальный институт, срастается с крупными бизнес-структурами и ТНК, а общество почти полностью отстраняется от политики, которая превращается в поле закулисных сделок и подковерной борьбы. Во втором случае политически сильное государство взаимодействует с корпорациями, учитывает их интересы, но при этом проводит более или менее самостоятельную и социально ответственную политику, используя корпоративные структуры для достижения общих, значимых

для всего общества целей, а также для защиты национальных интересов. В этом последнем случае поле политики и политического существенно расширяется, осуществляется реальная политическая конкуренция, политические институты действуют более эффективно, и политическое развитие осуществляется гораздо более динамично. Иными словами, в первом случае частные (и потому частичные) интересы берут верх над политикой, во втором случае политика доминирует над частными интересами.

Важно отметить, что одна и та же страна на разных этапах своей истории может осуществлять сначала первый, а затем второй вариант взаимоотношений государства и корпораций. Классическим примером здесь являются США до и после президентства Ф.Д. Рузвельта. До 1933 г., когда Ф.Д. Рузвельт вступил в должность президента, господство крупных корпораций в Соединенных Штатах почти не подвергалось сомнению, и, несмотря на антитрестовское законодательство, эти корпорации определяли не только экономическое, но и политическое развитие США. После того как Рузвельт, опираясь на широкую коалицию, состоявшую из наиболее дальновидных представителей крупного бизнеса и финансовых кругов, мелких и средних предпринимателей, фермеров, квалифицированных рабочих, начал осуществлять «Новый курс», он столкнулся с резким противодействием прежде всего со стороны крупных корпораций, к которым принадлежала, например, передовая по тем временам автомобильная компания Форда. В средствах массовой информации, контролировавшихся крупными магнатами, Рузвельта даже называли «красным» и «скрытым коммунистом» за его политику, направленную на обуздание аппетитов крупных корпораций и банков. Однако в итоге после Рузвельта доминирование в американской политике крупных корпораций было ограничено, хотя корпорации и по сей день

играют огромную роль в экономике и политике США. Тем не менее фактически США перешли ко второму варианту взаимодействия государства и корпораций, учитывающему интересы различных слоев и групп населения и позволяющему государству проводить самостоятельную политику. Нечто подобное, хотя и с существенными отличиями, произошло после Второй мировой войны в ФРГ и в Японии. В результате все перечисленные государства пережили «экономическое чудо» и стали наиболее развитыми в экономическом, политическом и социальном плане.

Отмеченное выше принципиальное различие во взаимодействии между государством и корпорациями приобретает особенно важное значение в современных условиях, когда императивом успешного развития общества и государства, их последовательной модернизации становится переход к инновационному развитию в различных областях, внедрение научных, технологических, управленческих образовательных, социальных и культурных инноваций. Переход к инновационному развитию и успешное внедрение инноваций невозможно без инициативы различных социальных групп, коллективов, отдельных людей — ученых, специалистов, активистов общественных движений и др. Однако подобное пробуждение и развитие инициативы, в свою очередь, невозможно, во-первых, без самостоятельной, не подчиненной интересам отдельных корпораций политики государства и, во-вторых, без учета интересов широких социальных слоев, развития корпоративного гражданства, активизации деятельности неправительственных организаций (Перегудов, Семенов, 2008). Об этом, в частности, свидетельствует опыт современного развития США, Германии, Китая, Южной Кореи, Индии, Сингапура, Малайзии и целого ряда других стран, осуществляющих сильную социальную политику.

Обычно к субъектам инновационного развития относят крупные корпорации, работающие в наукоемких и высокотехнологических отраслях, венчурные (обычно малые и средние) предприятия, специалистов с высшим образованием (ученых, инженеров, преподавателей), квалифицированных рабочих. Однако во многих странах, в том числе в современной России, крупные корпорации, особенно работающие в добывающих отраслях, слабо заинтересованы в инновационном развитии и в лучшем случае используют отдельные инновации. Сложнее обстоит дело с крупными предприятиями и корпорациями, принадлежащими к ВПК. После распада Советского Союза произошла значительная деградация российского ВПК, из него по разным причинам ушли многие талантливые инженеры и квалифицированные рабочие. В итоге доля инноваций в сфере ВПК значительно уменьшилась, и в настоящее время субъектами инновационного развития в сфере российского ВПК можно считать лишь немногие корпорации, предприятия и конструкторские коллективы. Тем не менее в современном российском ВПК все еще существуют условия и предпосылки для перехода к инновационному типу развития. Однако, как и в советское время, крупные корпорации, работающие в сфере ВПК, остро нуждаются в государственной поддержке, которая в настоящее время, несмотря на все предпринимаемые правительством меры, является недостаточной.

Главными препятствиями на пути перехода к инновационному развитию в современной России являются, во-первых, коррупция, пронизывающая государственный аппарат, и во-вторых, реальное функционирование многих политических институтов, исключающее конкуренцию в политике, экономике, социальной сфере, в науке, образовании, культуре. Хотя высшее руководство страны в лице президента и премьер-министра всерьез озабочено отставани-

ем страны и утратой ее конкурентоспособности в жизненно важных областях, основная масса российской бюрократии и часть силовых структур по-прежнему желают получать огромные взятки от олигархов и крупных корпораций, грабить малый и средний бизнес. Эту часть политического класса нисколько не смущает перспектива превращения России в сырьевой придаток развитых стран или Китая. Такие политические институты, как Государственная Дума или местные законодательные собрания, нередко превращаются в место лоббирования интересов сырьевых корпораций, олигархов и криминальных групп, препятствуя созданию условий для инновационного развития.

Следует также иметь в виду, что в последние десятилетия весь мир переживает переходные процессы, которые связаны с Третьей великой трансформацией (по аналогии с Первой «великой трансформацией» К. Поланьи (Поланьи, 2002)) и со становлением так называемой «Третьей современности» (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). Первая (либеральная) современность соответствовала периоду становления капитализма и индустриального общества с начала XIX в. до 1920-х годов, вторая (организованная) современность — развитию индустриального общества и его экспансии, распространению по всему миру с 1920-х до 1970-х годов, третья — современной глобализации, переходу от индустриального общества к «обществу знаний» и постепенному перемещению центра экономического и политического развития с Запада на Восток, начиная с 1970-х годов и примерно до середины XXI в. В этой связи очевидно, что в начале XXI в. будет наблюдаться постепенное, но достаточно динамичное изменение мирового порядка, которое затронет всю систему международных отношений. Изменяются и способы взаимодействия между государством и корпорациями, они станут гораздо более гибкими,

разнообразными, включающими массированное, целенаправленное информационное воздействие и государства, и корпораций на различные социальные слои и группы, на все общество в целом. В этих переходных условиях для выживания общества чрезвычайно важно сохранение определенной автономности, самостоятельности государства, его политического руководства, а не подчинение государства власти корпораций, преследующих свои частные, неизбежно кратковременные интересы и цели.

Как известно, в условиях современной России весьма остро стоит вопрос о модернизации в различных сферах жизни общества и о внедрении необходимых инноваций. В то же время в отношениях между государством и корпорациями существует множество проблем. С одной стороны, сами корпорации, особенно их современные, наиболее эффективные формы развиты совершенно недостаточно, и это серьезно ограничивает возможности полноценной модернизации. С другой стороны, во многих случаях наблюдается слияние государственной бюрократии с крупными корпорациями, что порождает коррупцию и не дает возможности государству проводить эффективную политику, учитывающую интересы не только правящего класса, но и других слоев населения. Во многих случаях крупные российские, в том числе транснациональные, корпорации, пользуясь слабым контролем со стороны государства, эксплуатируют давно устаревшую технику, не считаются с экологией, нарушают законы и права граждан. Но и чиновники, а также некоторые представители правоохранительных органов, которые сами представляют собой определенные корпорации внутри государства, живущие по своим собственным законам, нередко нарушают права граждан и вместо модернизации препятствуют нормальному развитию общества, подавляют инициативу, терроризируют и

«кошмарят» малый и средний бизнес. Во многом это происходит из-за ненормальных, неэффективных отношений между государством и корпорациями, отношений, которые не дают возможности расширить политическое поле и осуществлять конкуренцию как в политике, так и в экономике.

Особенно опасным представляется растущая неэффективность бюрократии и все большее доминирование ее корпоративных интересов в противоположность интересам общества и государства. Отрыв бюрократии от основной массы населения и неэффективность государственного аппарата подтверждаются следующими социологическими исследованиями. Так, по данным всероссийского опроса, который проводил Левада-Центр в 2007 г., среди всех препятствий на пути экономического подъема России на первом месте стояла «коррупция, разбазаривание государственных денег и имущества» (этот фактор назвали главным препятствием 43% опрошенных), на втором месте — «сопротивление чиновников, бюрократии» (29% опрошенных) и на третьем месте — «неисполнение на местах принятых законов, указов» (28% опрошенных) (Левада-Центр, 2007). По данным другого опроса, проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН совместно с Фондом Фридриха Эберта в 2007 г., 76% россиян считали чиновников особым сословием, безразличным к интересам общества. Особенность этого исследования состояла в том, что опрос проводился параллельно среди населения в целом и среди чиновников нижнего и среднего звена; это позволяло сравнить мнение рядовых россиян и чиновников. Согласно данным опроса, почти 40% россиян были уверены, что на современном этапе российской истории засилье бюрократии (в сравнении со всеми предыдущими историческими периодами) наиболее значительно. Среди населения в целом 76% опрошенных были убеждены,

что сегодняшние чиновники не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его. В то же время ответы чиновников на тот же самый вопрос распределялись прямо противоположным образом: лишь 22% чиновников были согласны с тем, что они не столько помогают развитию страны, сколько тормозят его, зато в обратном были уверены 76% чиновников. К причинам некомпетентности и неэффективности бюрократии рядовые российские граждане в первую очередь относили безнаказанность, низкий моральный уровень, низкую профессиональную подготовку чиновников, а также несовершенство законодательства. В свою очередь, большая часть чиновников основными причинами своей неэффективной работы считали несовершенство законодательства, большую нагрузку, низкую зарплату, но около 20% чиновников назвали и отсутствие страха перед наказанием. Усилить общественный контроль за работой чиновников требовали 60% населения и только 28% представителей государственного бюрократического аппарата (ИКСИ РАН, 2007). Очевидно, что подобное отчуждение значительной части бюрократии от остального общества делает государство более слабым, нестабильным, подверженным многочисленным политическим, экономическим и социальным рискам.

Выходом из подобной ситуации могло бы стать постепенное, эволюционное расширение политического поля, развитие конкуренции в политике и в экономике, освобождение малого и среднего бизнеса от давления коррумпированного чиновничества, изменение отношений между государством и крупными корпорациями. Подобные меры позволили бы государству освободиться от диктата лоббирующих корпораций и других групп интересов, стать более эффективным и самостоятельным. В противном случае российское государство и общество рискуют стать заложниками узких, сиюми-

нутных интересов, причем интересов не только отечественных, но и зарубежных корпораций. Однако для этого необходимо не только проявление политической воли со стороны государственного руководства и наиболее активных слоев общества, но и изменение поведения российской политической элиты, которая управляет весьма неэффективно и нередко путает свои частные интересы с общегосударственными (Левада, 2006; Гаман-Голутвина, 2006; Гаман-Голутвина, 2007).

Литература

1. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2006.
2. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Политические исследования. 2007. № 4.
3. ИКСИ РАН, 2007. URL: <http://www.regnum.ru/news/538009.html>
4. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. М. : Эксмо, 2009.
5. Левада Ю. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.
6. Левада-Центр, 2007. URL: <http://www.levada.ru/press/2007062701.html>
7. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М. : Прогресс-Традиция, 2008.
8. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция, 2008.
10. Hirst P., Thompson G. Globalization and the Future of the Nation State // Economy and Society. 1995. Vol. 24. No. 3.
11. Obmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L., 1995.

«НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.А. Алексеева

В одном из отечественных учебников по политологии глава о неолиберальных взглядах на государство начинается с жесткой констатации: роль государства в неолиберальной теории определить несложно. И хотя автор (или авторы) далее делают шаг назад и признают, что в процессе развития теории инструменты и стратегии неолиберализма стали намного отличаться от того, какими они были задуманы изначально», остается только позавидовать их наивной уверенности, что в нескольких тезисах можно изложить все богатство и противоречивость неолиберальной мысли. Бог, как известно, в деталях. И эти детали заставляют как минимум задуматься о направленности эволюции неолиберальных государственных воззрений, а как максимум усомниться в их одномерном расхожем понимании.

Начнем рассуждения с уточнения самого понятия «неолиберализм». Либерализм, как известно, был одним из наиболее мощных идеологических течений, во многом сформировавших политическую традицию Запада. Безусловно, он был продуктом разложения феодализма и развития капиталистического рынка. Ранний либерализм отражал устремления растущего «среднего класса» (буржуазии), отсюда — изначальная, даже генетически тесная взаимосвязь между либерализмом и капитализмом. Либералы рассматривали человека прежде всего как индивида, обладающего разумом, и исходили из того, что индивид должен обладать максимально возможной свободой, совместимой со свободой для других. Смысл либерализма, таким образом, состоит в обеспечении максимально возможной свободы индивида в

обществе и государстве. Хотя все люди рождаются «равными» в том смысле, что они обладают равной моральной ценностью и должны обладать формальным равенством и равенством возможностей, либералы, тем не менее, одновременно считают, что люди должны получать вознаграждение по заслугам, в зависимости от разного уровня талантов или работоспособности, и поэтому придерживаются принципа меритократии. Сущностью человека является собственный интерес, люди в преобладающей степени самодостаточны, опираются на собственные силы, несут ответственность за свою жизнь и ее обстоятельства. Либеральное общество, в их оптике, характеризуется разнообразием и плюрализмом и в политическом смысле организуется на основе двух базовых ценностей — согласия и конституционализма (либеральная демократия). Либерализм в своей классической интерпретации отличается приверженностью «минимальному» государству, функции которого ограничиваются поддержанием порядка внутри страны и личной безопасности граждан (государство — «ночной сторож»). Еще на рубеже XVII—XVIII вв. английский философ Джон Локк сформулировал четыре основополагающих принципа либерализма: естественное равенство людей, свобода, собственность как результат хозяйственной деятельности индивида и, наконец, право человека защищать свое равенство, свободу и собственность. Адам Смит дополнил сказанное анализом экономического измерения либерализма, противопоставив авторитарической практике государственного монополизма учение о «невидимой руке» рынка, естественным образом регулирующей обмен

товарами, произведенными в условиях частной собственности. Как экономическая доктрина, либерализм подчеркивает достоинства саморегулирующегося рынка, а государственное вмешательство в экономику рассматривается не только как ненужное, но даже и несущее с собой угрозу нарушений в его работе. Опираясь на теорию «естественных прав» человека и утилитаризм, он стал одним из краеугольных камней в основании современной версии идеологии либертариизма.

Таков в самом общем виде «классический либерализм». Что же касается современного либерализма (неолиберализма), то здесь предстает совершенно иная картина. В конце XIX в. впервые появился социальный либерализм, который более благосклонно относился к социальным реформам и к государству, что было предопределено идеей о том, что нерегулируемый капитализм создает новые формы несправедливости. Поэтому государственное вмешательство может расширить свободу, обеспечив индивиду защиту от социального зла. Если «классические» либералы понимали свободу в «негативном ключе» как отсутствие ограничений для индивида, то неолибералы связывали свободу с развитием и самореализацией личности. В этом происходило частичное взаимоналожение двух идеологий — неолиберализма и социал-демократизма. Это был первый знаковый шаг в направлении разрушения «классического» либерального государства.

Лишь спустя почти столетие на Западе зарождается и быстро приобретает сильное влияние политико-культурное течение «новых правых», объединившее неолибералов и неоконсерваторов. Историю современной версии неолиберализма можно проследить с 1970-х годов, когда стали очевидны провалы кейнсианской модели экономического регулирования, совпавшие по времени с окончанием послевоенного бума¹. В каком-то

смысле неолиберализм представлял собой контрреволюцию, направленную против послевоенного усиления государственного вмешательства и распространения либеральных и социалистических ценностей. Наибольшую популярность эти идеи приобрели в Англии («тэтчеризм») и США («рейганизм»). Позднее они вышли далеко за пределы первоначального русла и сыграли важную роль в обращении либеральных и социал-демократических мыслителей в сторонников рынка. В этом отношении именно «новые правые» сумели преодолеть «про-государственную» тенденцию, которую можно проследить на протяжении всего XX столетия, в особенности после 1945 г., и утверждению соответственно альтернативной «про-рыночной» тенденции.

Можно согласиться с точкой зрения российского исследователя С.А. Макаренко о том, что подъем неолиберализма был тесно связан с политикой «коллективного Запада» и был в первую очередь продиктован несомненным желанием восстановить авторитет и влияние Запада после его «отступления» в 1950–1960-е годы (распад колониальной системы, Карибский кризис, ракетно-ядерный паритет с СССР и т.д.) и привести свое политическое и идейное влияние в соответствие с его объективным экономическим и технологическим превосходством. Скажем прямо, во многом эта попытка удалась. «Так что, рассуждая о «китайском чуде», о странах БРИК, нельзя забывать, что их подъем (который многим хотелось бы объяснить «концом либерализма») только на экономическом либерализме Запада и был основан. Да и сейчас успех китайского роста (на который молятся финансисты всего мира) зависит от того, что Америка сможет у Китая купить. Это — не отрицание успехов китай-

шестьдесят неолибералы и неоконсерваторы. Это позволило объединить их под одним названием «новых правых», поскольку их основной пафос был направлен на сокращение вмешательства государства в экономику и поддержку более свободного рынка.

¹ Практически одновременно критику существующей модели государства начали осу-

ской и индийской экономики, а поставка их в глобальный контекст»². Иное дело, что издержки этого тренда также оказались весьма тяжелыми (от надувания «финансового пузыря» до колоссального разрыва в уровне экономического развития и благоденствия между богатыми и бедными странами). Столь же важное значение имела и «перегруженность» наиболее развитых государств социальной ответственностью, «чрезмерной социальностью» — отсюда снятие с себя многих обязательств под лозунгами «высвобождения рынка».

Тем не менее, достигнув своего пика в 1980-е годы, идеология «новых правых» начала постепенно утрачивать свое влияние. Как представляется, это связано с двумя основными проблемами. С одной стороны, идеи «новых правых» не отличались связностью, во многих отношениях они даже противоречили друг другу: если неолиберализм поддерживает такие ценности, как свобода, свобода выбора, права человека и конкуренция, то неоконсерватизм привержен авторитету, дисциплине, уважению и обязанности. Соответственно в процессе развития неолибералы постарались высвободить динамику нерегулируемого капитализма, однако именно это начало представлять угрозу установившимся и традиционным ценностям, за которые ратовали неоконсерваторы. С другой стороны, под вопрос была поставлена долговременная жизнеспособность экономики свободного рынка. «Откат» государства, по-видимому, способствует проявлениям инициативы, интенсификации конкуренции и поддерживает предпринимательство, однако рано или поздно его недостатки становятся все более очевидными. Они проявляются, как правило, в краткосрочности транзакций, низком уровне инвестиций, особенно в наукоемкие сферы, углублении неравенства и росте социальной эксклюзии.

Иными словами, «неолиберализм» — это осовремененная версия «классического» либерализма и, главным образом, либеральной политической экономии. Его основными лозунгами являются рынок и индивид. Основная цель неолиберализма — вернуться к «границам государства», поскольку, по мнению теоретиков неолиберализма, нерегулируемый рыночный капитализм обеспечивает большую эффективность, экономический рост и способствует распространению процветания. Неолибералы полагают, что, «мертвящая рука» государства убивает инициативу и предприимчивость. Даже самые благонамеренные действия государства обязательно имеют разрушительные последствия для человеческой деятельности. Отсюда — поощрение приватизации, экономического дерегулирования, низких налогов и антивельферизма. Эти идеи нередко находили свое выражение в грубом индивидуализме. Достаточно вспомнить знаменитые слова Маргарет Тэтчер о том, что такая вещь, как общество, не существует, есть только индивиды и их семьи. «Государство-няня» (патерналистское государство) воспитывает культуру зависимости и подрывает свободу, понимаемую прежде всего как свободу выбора на рынке. И соответственно наоборот: в неолиберализме акцент делается на самопомощи, индивидуальной ответственности и предприимчивости³.

С этой позиции государство — это прежде всего «защитник», «гарант», «страховщик», задача которого — создать условия для мира и социального порядка, в рамках которых граждане могут

² Макаренко С.А. О гносеологии кризиса // «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» Круглый стол // Полис. 2009. № 3. С. 14.

³ Именно в этом принципиальное отличие неолиберализма от либертариизма и неоконсерватизма, характерных для последней четверти XX в. И те, и другие защищают максимально широкую экономическую свободу, в чем-то возвращаясь к либерализму *«laissez-faire»*, однако строя его на более традиционной, консервативной политической философии, подчеркивающей значение авторитета и обязанностей.

строить свою жизнь, как им будет угодно. Неолибералы вновь обеспечили легитимность государству, обратив внимание на то, что у государства есть также свои собственные интересы, сепаратные от интересов общества и функционирования экономики.

Неолиберализм, кроме того, продолжает играть весьма важную специфическую роль в анализе международных процессов, связанных с глобализацией. Более того, нынешняя модель глобализации даже получила наименование «неолиберальной».

Обсуждение вопроса о том, каким должен быть идеал глобализации, ее доминирующая форма, неизбежно приобретает нормативный характер, обнаруживая социальную-философскую природу явления⁴. При этом определяющим для характера оценки глобализации становится то, какой именно социальный идеал положен в ее основу. И соответственно приближение или удаление от сформированного идеала становится критерием оценки ее позитивных и негативных сторон.

Как считается, господствующий в настоящее время проект опирается на транснациональный неолиберализм, предусматривающий распространение дерегулируемой глобализации на основе политической инфраструктуры «демократического мира» и «расширении пространства свободы», т.е. представляет собой идеологизированную универсалистскую модель, утвердившуюся после окончания холодной войны⁵. Глав-

ной мотивацией неолиберализма является стремление к всемерному расширению рынка через рост численности, повторяемости и формализации транзакций. Соответственно идеал неолиберализма — вселенная, в которой рыночные обмены практически не имеют границ и осуществляются на основе конкуренции, повторяемые в кратчайшие временные отрезки, или, иначе, неограниченная экспансия рынка во времени и в пространстве. В отличие от «классического» либерализма, делавшего акцент на собственности, для неолиберализма приоритетными ценностями являются обязательства и контракт. При этом характерной чертой неолиберализма становится отсутствие связи между ростом числа сделок и производством, что в потенциции закладывает основу для кризисов. Неолиберализм, таким образом, разделяет рынок и производство, что было не свойственно ранним либералам, поскольку именно развитию производства уделялось первостепенное внимание в условиях более раннего модерна. На том этапе рынок был вторичным, носил поддерживающий характер. Неолиберальный «рынок» — также другое, значительно более широкое понятие, чем то, о котором писали «классики» либерализма.

Таким образом, неолиберализм представляет мир как метафору рынка, на котором национальные государства рассматриваются в качестве участвующих в обмене корпораций⁶. По мнению многих

⁴ Bauman Z. *Globalisation: The Human Consequences*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

⁵ Характерное определение этому процессу дает Т. Фридман: «Глобализация означает распространение капитализма свободного рынка практически на все страны мира. Глобализация имеет свой собственный набор экономических правил, которые базируются на открытии, дерегуляции и приватизации национальных экономик с целью укрепления их конкурентоспособности и увеличения привлекательности для иностранного капитала» — Friedman T. *Understanding*

Globalisation. The Lexus and the Olive Tree. New York : Farrar Straus Giroux, 1999. P. 9.

⁶ Об этом писали некоторые российские авторы (В.Р. Евстигнеев, М.М. Лебедева и др.), отмечавшие, что само национальное государство начинает в ряде случаев (например, Исландия) вести себя подобно транснациональным корпорациям, заниматься несвойственным им видом деятельности — зарабатыванием денег. См.: Лебедева М.М. Что будет с государством после окончания экономического кризиса? — «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» Круглый стол // Полис. 2009. № 3. С. 17–18.

исследователей, классический капитализм сошел со сцены еще в начале XX в. в связи с обобществлением средств производства и переходом их либо в руки государства (социалистический проект), либо в руки акционерных обществ (неолиберальный проект), таким образом, существенно отличающийся от предшествующего индивидуалистического либерализма «свободного предпринимательства». Таким образом, в центре неолиберального макро-проекта оказались корпорации, а не отдельные индивиды, при сохранении базовых либеральных ценностей как микро-проекта. Отчасти в этом он пересекается с до-либеральной меркантилистской экономической теорией.

Помимо дискурсивной стороны вопроса, имеются также и эмпирические данные, показывающие, что происходит некоторое перераспределение власти и разделение труда между национальными государствами, крупными бизнес-корпорациями. Последние, отличающиеся большей мобильностью и действующие в масштабах глобальных сетей, обладают определенными преимуществами по сравнению с государствами при решении ряда международных вопросов, хотя и в более узком сегментном поле. Однако государство оказывается незаменимым инструментом в ситуации серьезных катаклизмов, в частности, при необходимости введения протекционизма и других средств защиты собственной национальной экономики. Кроме того, национальные государства — основные акторы международных конфликтов и противостояния, что существенно сдерживает их потенциал участников международного сотрудничества. Бизнес-корпорации в этом смысле имеют обычно больше пространства для маневрирования. В ряде случаев они даже используют напряженность между государствами в своих интересах и провоцируют ее. Однако, разумеется, все это имеет место только в тех

случаях, когда и государства, и бизнес-корпорации преодолели свой локальный характер и вышли на международную сцену в качестве активных игроков. Государства, особенно если они вошли в какие-либо интеграционные объединения, начинают обнаруживать большое сходство во внешней среде с поведением бизнес-корпораций. Платой за это, безусловно, становится некоторое снижение уровня суверенитета, приобретающего «дырявый» характер. Или, как писал канадский исследователь Уильям Кэрролл, «неолиберальная гегемония предполагает смешение национальной гордости с дисциплинированным (основанным на рынке) космополитизмом»⁷.

Отсюда можно сделать вывод о том, что стратегии, направленные на развитие межгосударственного сотрудничества, одновременно служат усугублению конкуренции между бизнес-корпорациями, и соответственно наоборот: углубление конкуренции на хозяйственном поле ведет к укреплению межгосударственных связей. В этом смысле реальная сила государства ограничивается влиянием неолиберализма, однако в потенциале она многократно возрастает в международном масштабе. Более того, можно предположить, что в условиях глобализации возможности государства многократно расширяются. Или, как пишет такой вдумчивый исследователь как Ульрих Бек, «ограничение суверенитета посредством делегирования его в пользу наднациональных институтов не сокращает данной способности — напротив, это укрепляет суверенитет отдельного государства»⁸.

Кроме того, идея товара распространяется практически неограниченно. Все становится товаром. Неолиберализм не делает различия между рыночной эко-

⁷ Carroll W. *Corporate Power in a Globalizing World: A Study in Elite Social Organization*. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 171.

⁸ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI. 2004. № 7.

номикой и рыночным обществом. Рынок — всеобъемлющ, он признает только рыночные ценности, рыночную культуру, наконец, даже личность в первую очередь как участника рыночного торга. В этом смысле неолиберализм представляет собой возвращение к раннему либерализму, который объединял культуру, ценности и этику с экономикой. Однако он идет значительно дальше, распространяя рыночные отношения также и на частную сферу. В отличие от либерализма неолиберализм в аспекте глобализации не отрицает полностью государственного регулирования экономики, в то же время рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса. Обращая внимание на эту тенденцию, Ульрих Бек писал, что в эпоху глобализации государства попадают в особого рода западню — «западню национально-го», проводя жесткий курс на отстаивание своего суверенитета, они все активнее соперничают в борьбе за инвестиционные ресурсы, что превращает узы, связывающие государство и нацию, в препятствие на пути политических инноваций, преодолевающих национальные рамки»⁹.

Неолиберализм поддерживает идею экономического роста и прибылей через постоянное расширение торговли между национальными государствами. При этом очевидными фаворитами являются крупные бизнес-корпорации. Неолиберализм рассматривает государство как бизнес-корпорацию, предлагающую себя на рынке в качестве места для инвестиций, а не просто представляющую себя как продавца произведенных товаров. Однако это происходит только в том случае, если неолиберально ориентированное правительство находится у власти и проводит соответствующую политику. Во взглядах сторонников этой позиции глобализация предстает как интегрированная глобальная экономика, опирающаяся на экспортно-ориентированную

торговлю, для которой характерны низкие рыночные барьеры, минимальное вмешательство государства в экономику, отсутствие сильного государственного сектора, высокий уровень конкуренции в частном секторе.

Его идеология носит неомеркантилистский характер, что отражается в тезисе о том, что политика должна быть национально-государственной и направлена на повышение благосостояния своего государства, а не рынка. Как это ни парадоксально, это некая форма протекционизма: если существует глобальный рынок мест для инвестирования, тогда возникает «нечестная конкуренция» между правительствами, пытающимися представить свои страны в качестве наиболее привлекательных для внешних инвестиций. Но тогда такие правительства вовсе не становятся истинными рыночными либералами, поскольку по определению вмешиваются в экономику. Кроме того, очевидно, что это есть не что иное, как форма экономического национализма. Кроме того, перцепция формирует политическую реальность: вера в глобализацию диктует проведение неолиберальной политики. Под глобализацией соответственно они понимают неотвратимое историческое развитие в направлении глобального рынка для инвестирования, когда каждое государство превращается в бизнес-корпорацию и участвует во взаимодействии и конкуренции с такими же корпорациями на глобальном рынке. Тем самым неолиберализм и глобализация отождествляются. «Свободный рынок», таким образом, обязан своим существованием бесконечному регулированию на уровне национального государства и глобальных капиталистических институтов: Европейского Союза, Мирового банка, Организации экономического сотрудничества и развития, ВТО, при поддержке национальных государств, которые отнюдь не потеряли своего значения с точки зрения получения прибылей и концентрации капитала.

⁹ Там же.

Они все вместе гарантируют организованный процесс экономического развития, в рамках которого через взаимодействие и комбинацию в мировом масштабе различных форм и типов организаций трудящихся, обеспечивается господство капитала над трудом¹⁰.

Неудивительно поэтому, что теории неолиберализма с изрядной долей подозрительности относятся к демократии как способу регулирования и управления обществом (и это в тот период, когда начинает обосновываться и распространяться неоинтервенционизм, настаивающий на повсеместном экспорте демократии¹¹). Правление большинства вызывает существенные опасения как реальной угрозы правам личности и конституционным свободам. Они выступают за власть закона и абсолютизацию Конституции в сочетании с жесткой исполнительной властью, при этом демократия рассматривается как режим для экономически развитых обществ с сильным средним классом. Это своего рода «знак» успеха данного государства. Обратной стороной такого рода подхода становится стремление неолибералов в качестве защиты общества от потенциальных угроз, связанных с коммунизмом, фашизмом, авторитарным популизмом и другими мощными идейными течениями, усилить жесткие ограничения на демократическое управление, предпочитая решение вопросов государственной важности и связанных с регулированием рынка передать институтам недемократического характера (например, Федеральному резерву или МВФ). Отсюда неолиберальный парадокс — «серьезное вмешательство государства, правление элиты и «экспертов» в мире, где государство не должно ни во что вмешиваться»¹².

Несмотря на смену парадигмы глобализации с «концепции производительного капитала» на фундаментализм «*laissez-faire*» в отношении финансового капитала, современный транснациональный либерализм содержит изрядную долю преемственности по отношению к политическому проекту послевоенной гегемонии. Хотя «корпоративный капитализм» послевоенных десятилетий был сориентирован преимущественно на экономический рост, а неолиберализм настаивает на открытости мировой экономики, их объединяет общая приверженность частной собственности на средства производства, обмену товарами и открытости рынков. Рынок не различает тех, кто живет рядом, и тех, кто находится в географически удаленных областях. Он способствует превращению чужого, иностранного в функциональное и межличностное. На словах громко и откровенно отвергается активная роль государства, проводится линия на якобы снижение контролирующей роли государственных институтов. Но это, так сказать, «в миру». А вот модель осторожной, взвешенной, селективной неолиберальной политики, проводившейся в развитых странах, почти не обсуждается — ее как бы и не было, она остается скрытой за неолиберальной маской открытости рынков для финансовых потоков в общем мировом пространстве. Между тем именно она дает представление о сущности неолиберальной трактовки роли государства в контексте глобализации.

В 1980–1990-е годы изучением глобализации занимались главным образом американские бизнес-школы, и, что вполне понятно, им был присущ преимущественно реалистско-позитивистский подход, все еще доминировавший в этот период в академической среде. Они зафиксировали основные признаки глобализации, а именно: подъем транснациональных корпораций, рост прямых

¹⁰ Wallerstein, I. Historical Capitalism. London : Verso, 1983.

¹¹ Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект-пресс, 2009. С. 64.

¹² Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. Русский гуманитарный

интернет-университет. Глава 3. URL: http://i-u.ru/biblio/archive/harvi_kratkaja/01.aspx

иностранных инвестиций, быстрое развитие транснациональных торговых связей, а также глобализацию финансовых потоков, иными словами, подчеркивались ее чисто экономические аспекты.

На этом этапе и были сформулированы основные принципы «неолиберальной» модели глобализации. В той или иной степени авторы того периода (например, М. Портер, Р. Рейх, К. Омак) поддерживали две основные идеи: во-первых, все более тесно интегрирующаяся мировая экономика, сформировавшаяся в последние десятилетия, основными чертами которой являются подъем транснациональных корпораций, распространение прямых иностранных инвестиций, а также глобализация финансов, бросает фундаментальный «вызов» суверенитету национальных государств, а также, во-вторых, знаменует собой окончание применения «кейнсианской модели» государственного регулирования экономики развитых стран. Соответственно, по мнению авторов этой группы¹³, национальная адаптация к глобализации предполагала принятие императива конкуренции и специфической либеральной политики. Конкурентный рыночный порядок рассматривался как утвердившийся на пространствах всего мира, в то время как неолиберальная политика поддерживала на национальном уровне утверждение конкуренции вовне. Этому соответствовал только один вариант видения будущего и соответственно «конца истории» в духе Ф. Фукуямы.

Так называемая вторая волна исследований глобализации была связана с критикой неолиберальной глобализации в основном «слева» со стороны так называемых скептиков глобализации (см., например, работы П. Херста и

Г. Томпсона, Л. Вайса, С. Хэя и М. Уотсона и др.¹⁴). В отличие от авторов «первой волны», представленной в основном неолиберализмом, «скептики» не признавали, что национальное государство, в том числе его «кейнсианский вариант», переживает кризис и упадок. Как известно, неоконсервативная и неолиберальная политика последних десятилетий привели к определенным сдвигам, смещению акцентов на частный сектор, в том числе в международном масштабе, однако возвращение «левых» партий к власти, считали они, неизбежно приведет к восстановлению традиционных форм социал-демократического регулирования экономики, в том числе и «кейнсианских». Иными словами, теоретики этой «волны» делали акцент на прогрессе национальных экономик как таковых, придавая большое значение идеям и дискурсам в определении параметров развития политической экономии и считая глобализацию их следствием.

Наконец, «третья волна» исследований в рамках спора кейнсианцев и неолибералов в основном была связана с так называемой теорией структурной зависимости¹⁵. Речь идет не просто об отрицании неолиберализма и неоконсерватизма, а также рыночной глобализации в том смысле, как ее понимали адепты неолиберализма, а о более глубоком переосмыслении капиталистического способа производства как такового. Ослабление реформистской политики в такой оптике есть следствие глобального сдвига классовых сил, связанного с тем, что глобализация идет на пользу главным образом капиталу. По мнению исследова-

¹³ См., например: Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. London : Macmillan. 1990 ; Reich R. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21-st Century Capitalism*. NY : Knopf, 1992 ; Ohmac K. *The Borderless World: Power and Strategy in the Global Marketplace*. London : Collins, 1990.

¹⁴ Hirst P. and Thompson G. *Globalisation in Question*. Cambridge: Polity Press. 1996 ; Weiss L. *The Myth of Powerless State: Governing the Economy in a Global Era*. Cambridge : Polity Press, 1998 ; Hay C. and M. Watson. *Globalisation: Skeptical Notes on the 1999. Reith Lectures* // *The Political Science Quarterly*. 1999. Vol.70. # 4. P. 418—425.

¹⁵ Coates D. *Models of Capitalism*. Cambridge : Polity Press, 2000.

телей этого течения, преимущественно «левых» радикалов, необходимо принять глобализацию всерьез, но не просто как совокупность идей и доминирующий дискурс, а в более фундаментальном смысле как совокупность структурных императивов, имеющих свои истоки в материальных отношениях.

Смысл подхода был сформулирован Хьюго Рэдисом еще в 1980-е годы, и позднее он приобрел множество последователей. Рэдис писал: «Моя гипотеза заключается в том, что мировая капиталистическая экономика сейчас столь сильно интегрирована поверх национальных границ, что национальная капиталистическая стратегия более уже невозможна; и далее: ни капиталистический класс, ни национальное государство не могут (даже если найдут партнеров) создавать союзы, достаточно мощные для развития реформистской экономической программы на национальном базисе». Поэтому национальному государству придается сознательная автономия от капитала, что предопределяется логикой и закономерностями аккумуляции капитала, действующего на данном этапе развития как интегрированная система на глобальном уровне¹⁶.

Таким образом, рассмотрение роли государства сегодня сводится, по существу, к тому, как определиться по отношению к мобильному международному капиталу. Известный американский исследователь глобализации Кеннет Уолтц писал, что страны, которые хотят привлечь капитал, должны принять «золотую смиренную рубашку» — пакет политик, предполагающих сбалансированный бюджет, экономическое дерегулирование, открытость инвестициям и торговле, а также обеспечить стабильность своей валюты¹⁷. Иными словами,

речь идет о частичном отказе от суверенитета.

В анализе М. Родеса структурная детерминация государства внешними ограничениями «глобальной аккумуляции капитала» (марксистский эквивалент «конкурентных ограничений мировой экономики» в устах неолибералов) является крайне жесткой, поскольку предполагается, что потоки капитала на глобальном уровне *диктуют* свои условия, предписывают форму государства, представляющего для них интерес. В этих условиях для государства, принявшего условия мега-корпораций, всякая возможность осмысленных социально-экономических реформ на национальном уровне становится фикцией, причем на весьма длительную перспективу. Тем самым закрепляется противопоставление богатых и бедных наций, развитого центра финансового капитала и обслуживающего положения менее развитых государств. Опираясь на мир-системный подход И. Валлерстайна, Родес приходит к выводу о том, что «национальная экономика» становится не более чем «кейнсианским мифом», а изучение отдельных автономных государств — не более чем заблуждением. Такой жесткий критический пафос в конце концов сыграл роль детонатора в кризисе социал-демократической модели государственного регулирования¹⁸. Кроме того, недооценка автономии государства и сведение его к роли аппарата, а не агента (т.е. действующего лица) привели к тому, что сторонники этого течения не уделили должного внимания национальным моделям аккумуляции международного финансового капитала в процессе глобализации, а также они, по существу, не заметили разницы между «открытыми» и «закрытыми» экономиками.

¹⁶ Radice H. The National Economy — a Keynesian Myth? // Capital and Class. 1984. Vol. 22. P. 111–140.

¹⁷ Waltz K. Globalisation and Governance // Political Science. 1999. Vol. 32. No. 4. P. 693–700.

¹⁸ Rhodes M. The Social Dimension of the Single European Market: National versus Transnational Regulation // European Journal of Political Research. 1991. Vol. 19. No. 2–3. P. 245–280.

Выходом из спора между аналитиками глобализации «второй» и «третьей волны» может стать структуралистский подход, получающий в последнее время все большую популярность, особенно среди исследователей международных отношений и международной политической экономики в Европе. Примером может служить теория «конкурентного государства», сформулированная М. Родесом и Ф. Черны¹⁹. Анализ «конкурентного государства» начинается с аргумента, смысл которого заключается в том, что реформирование послевоенного «кейнсианского» государства с начала 1980-х годов — это почти универсальный процесс, который, по крайней мере отчасти, был вызван структурными императивами глобализации. Поэтому он вполне совместим с тезисом о структурной зависимости. Однако вопреки теории структурной зависимости анализ конкурентного государства стремится избежать экономического детерминизма и тем не менее признает роль, которую играет как государственная, так и негосударственная деятельность в конструировании структур глобализации в рамках специфического исторического контекста. Сторонники этой теории рассматривают глобализацию как всеобъемлющий процесс, а не просто как условие определенного типа развития или совокупность внешних ограничений. «В качестве процесса глобализация понимается фундаментально как взаимодействие между специфическими историческими детерминациями «деятельности» и «структуры», — подчеркивает Джерард Стрэндж, — не как зафиксированные «вещи», а как разные аспекты *исторически* детерминированных социальных от-

ношений²⁰». Так, представители школы «конкурентного государства» рассматривают и господство неолиберализма в 1980-е годы, и сопротивление действующих лиц структурным императивам глобализации как активный политический процесс, в любом случае *способствующий* глобализации. Они также признали, что главным институциональным последствием глобализации стал подрыв национальных кейнсианских моделей регулирования экономики. В последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в., по их мнению, фиксируются альтернативные кейнсианству модели регулирования, которые вполне успешно совмещаются с конкурентными ограничениями глобализации.

В отличие от теории «структурной зависимости» школа «конкурентного государства» считает, что торжество неолиберализма и разрушение «социального рыночного капитализма» отнюдь не являются неизбежным следствием глобализации. Способы адаптации национальных экономик к внешним конкурентным императивам должны различаться специфической формой, несмотря на общий неолиберальный тип регулирования. Отсюда — большое разнообразие моделей поведения участвующих в глобальной конкуренции государств. На одном конце спектра — модель благосостояния неолиберализма (иногда ее называют англо-американской моделью). В огрубленной форме ее можно охарактеризовать как «ответ» на императивы глобализации на основе низкой производительности, низких зарплат и низкого уровня социального обеспечения (отсюда — вывод производственных мощностей в страны с низким уровнем доходов). На другом конце спектра — страны с сильными социальными программами, высоким уровнем производительности труда, вниманием к технологическим ин-

¹⁹ Rhodes M. The Future of the “Social Dimension”: Labor Market Regulation in post 1992 Europe // Journal of Common Market Studies. 1992. Vol. 30. No. 1. P. 23–52; Cerny P. Globalisation and the Erosion of Democracy // European Journal of Political Research. 1999. Vol. 35. No. 5. P. 1–26.

²⁰ Strange G. First Wave and Second Wave Analysis of Globalisation // EPS. European Political Science. Spring, 2003. P. 47.

новациям («немецкая» или «европейская модель», или «конкурентный корпоративизм», по Родесу).

Соответственно внутри самой школы «конкурентного государства» четко прослеживаются оптимистические и пессимистические оценки будущего государства. К числу «оптимистов» можно отнести, например, Мартина Родеса, считающего, что сильное национальное конкурентное государство до определенной степени вполне совместимо со все более открытой региональной и мировой экономикой, в особенности на макро-экономическом уровне²¹. «Пессимистом» следует считать П. Черны, уверенного, что переход от государства благосостояния к конкурирующему государству в конце концов завершится общей конвергенцией вокруг слабой неолиберальной модели благосостояния, что означает возвращение к идее «структурной зависимости» по отношению к глобализации²².

Рыночная конкуренция, как утверждают теоретики неолиберализма, лучше других методов определяет и служит «публичному интересу», поскольку индивиды имеют все возможности выразить свой выбор через рынок. Индивидуальная свобода и процветание максимизируются, поскольку происходит эффективная аккумуляция капитала, люди могут приобрести то, что они хотят, по ценам, определяемым с помощью закона спроса и предложения, а богатство служит общему благу. Государство, в соответствии с этой логикой, не имеет ни управленческого потенциала для руководства экономикой, ни достаточного легитимного авторитета для этого: оно отнюдь не работает на пользу общества.

Поэтому государственного центрального планирования, государственной собственности на промышленность, инициированных государством социальных программ и государственного регулирования заработной платы, равно как и экономической политики в целом, следует избегать, если не ставится задача подорвать предпринимательскую деятельность, сократить индивидуальные свободы и заведомо неэффективно распоряжаться имеющимися ресурсами. Короче говоря, лучшее правительство — очень маленькое правительство.

Именно рыночная конкуренция должна стать организующим принципом все более широких сфер жизни начиная с производства автомобилей и кончая медицинскими услугами (в последнем случае есть заметные различия между странами). Руководствуясь подобными принципами, Мировой банк и МВФ по отношению к странам «Юга» воспользовались возможностями, открывшимися в результате долгового кризиса 1980-х годов, настаивая на том, чтобы страны-должники максимально убрали государство из экономики как цену за кредиты. На «Севере» аналогичные меры (хотя официально они никогда не назывались программами структурного приспособления) также были введены, что привело к сокращению расходов на публичный сектор и в целом способствовало росту эффективности сферы услуг.

Тем не менее, несмотря на провозглашенные программы, реальные результаты 30-летнего доминирования принципов неолиберальной экономики способствовали сокращению государственных расходов отнюдь не в тех масштабах, как это первоначально задумывалось. Наоборот, имеются свидетельства заметного роста мощи и влияния ряда наиболее развитых стран. Заметно возросло их вмешательство в экономику развивающихся стран, т.е., убрав их собственное государство, они мгновенно заполнили их место «своими» государствами, причем это относит-

²¹ Rhodes M. The European Welfare State: A Future of Competitive Corporatism? // The Future of European Welfare State. Ed. By M. Rhodes and Y. Meny. Basingstoke : Macmillan, 1998.

²² Cerny P. Globalisation and the Erosion of Democracy // European Journal of Political Research. 1999. Vol. 35. № 5. P. 1–26.

сы не только к бедным странам «Юга», но теперь уже и государствам постсоветского пространства, а также слабейшим членам ЕС. Не являются большим секретом цифры, подтверждающие значительный рост государственных расходов в странах ОЭСР (в среднем до 50% ВВП). В развивающихся странах также сократился не слишком радикально и составляет в среднем 25% ВВП.

Иными словами, неолиберальная политика не только не покончила с государственной бюрократией, наоборот, она лишь реорганизовала ее. Например, приватизация государственной индустрии способствовала во многих случаях сокращению участия государства в производстве, а также распространению многих товаров и услуг, однако этот процесс сопровождался новой системой государственного регулирования, субсидиями и созданием новых институтов ради создания «благоприятной среды» для приватизированных производств. Более того, несмотря на широко разрекламированное сокращение государственного участия в экономике, оставаясь прямыми производителями экономических товаров и услуг, государства по-прежнему занимают важное место в процессе производства, распределения и обмена не только через формирование налоговой политики, установку учетной ставки (там, где не были созданы независимые от государства центральные банки), направление субсидий в отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства, распределение государственных заказов, установление стандартов сохранения окружающей среды, финансирование инфраструктуры и т.д. В этих секторах, а также в сфере образования и здравоохранения заметны процессы создания множества новых институтов. Кроме того, заметна тенденция к усилению репрессивных функций государства не только ради сдерживания растущего публичного протеста против неолиберализма, но и под предлогом распространения терроризма. Иными слова-

ми, маленькое неолиберальное государство обнаружило сильную тенденцию к мимикрии и расползанию. И это общемировая тенденция.

Ситуация усугубилась в период глобального кризиса, начавшегося в 2008 г. Весьма убедительной представляется гипотеза, высказанная организаторами круглого стола журнала «Полис»: «человечество столкнулось отнюдь не с очередным финансовым кризисом, а с первым кризисом глобализации как таковой, быть может, со всеобщим кризисом мироустройства»²³. Крупные корпорации вновь обратились к государству «за помощью», еще раз доказав, что рассматривают его как «страховку» на случай кризиса, в чем-то аналогичную роли феодала в лихую годину, когда крестьяне шли к нему за помощью. По-видимому, подчеркивает российский исследователь А. Орлов, «эффективность частной инициативы имеет определенные границы, оптимальную сферу ее реализации»²⁴. Что же касается неолиберальной модели глобализации, то, как показали обсуждения (например, на Давосском экономическом форуме 2010 г.), большинство выступающих не видят альтернативы неолиберальной модели развития, особенно для развивающихся стран в условиях глобализации. И опять государственная политика развитых стран как бы «не обсуждается», вернее, обсуждается, но только в той части, где речь идет о конкретной «помощи» крупным корпорациям и мерах по поддержке потребительского спроса. Сама же модель неолиберального государства, похоже, сумела сохраниться, по крайней мере, пока, в очередной раз продемонстрировав свою уникальную гибкость и способность к усвоению новых параметров и требований.

²³ «Господин Кризис, как Вас теперь называть?». Круглый стол. // Полис. 2009. № 3. С. 9.

²⁴ Орлов А. Уроки кризиса для мировой экономики // Обозреватель — Observer. Сентябрь 2009 г. № 9 (236). С. 41.

Однако в период кризиса вновь наглядно продемонстрировал себя главный парадокс неолиберальной модели государства. Можно согласиться с мнением Ульриха Бека, что, «с одной стороны, идеалом такой модели является минималистское государство, все возможности которого направлены на укоренение в той или иной стране правил, принятых глобальной экономикой. Государства, «лояльные» мировому рынку, должны быть исключительно подвижными, способными допускать непринужденную смену правительств, конкурировать с максимально широким кругом подобных им государств и в предельно возможной степени воплощать в своих институтах неолиберальный рыночный порядок. Однако, с другой стороны, рыночное дерегулирование и приватизация общественного сектора не могут быть реализованы слабым государством. Для этого нужна мощная власть, так как юридические установления, соответствующие принципам функционирования мировой экономики, должны быть санкционированы государством и про-

ведены в жизнь зачастую вопреки общественному сопротивлению»²⁵. Бек даже признает, что государства могут и должны заставлять свои народы принимать интернациональные правила игры «задним числом», подводя под них легитимную базу в нарушение демократических процедур, поскольку свобода действий мировой экономики — важнее. Отсюда вытекает вполне закономерный вывод: неолиберальное государство по определению должно одновременно сокращать и усиливать власть национальных правительств, по существу развязывая им руки для деятельности, которую они сочтут целесообразной в данный исторический момент для оптимизации и роста своей экономики. Отсюда — хаотичность и даже разноректорность его развития в разных регионах мира, а возможно, также и нестабильность формы и противоречивость природы.

²⁵ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль — XXI, 2004. № 7.

КОРПОРАЦИИ: ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ

С.М. Хенкин

В политологическом сообществе можно встретить два противоположных подхода к определению понятия «корпорация». Сторонники первого подхода считают корпорацию имманентно недемократической структурой, ориентированной на авторитарную политическую систему. В соответствии со вторым подходом, встречающимся реже, корпорация — институция, в которой изначально присутствует демократическое начало.

На мой взгляд, обе эти точки зрения не соответствуют историческим и современным реалиям. «Корпорация» входит в число политологических категорий, которые сами по себе не несут идейно-смысловой нагрузки, являются идеологически нейтральными (как, например, «демократия», «монархия», «республика»). Эти категории «наполняются» идейно-политическим смыслом лишь в соответствующем историческом и социально-политическом контексте. Так, демократия бывает либеральной и нелиберальной, монархии встречаются абсолютные и парламентские, республиканский строй существовал в фашистской Германии и существует в демократических США и Франции и т.д.

В этот же ряд входит понятие «корпорация», которое само по себе лишено идеологического заряда. В разных исторических ситуациях корпорации играли и играют различную политическую роль. Образцами корпоративных режимов в XX в. могут служить салазаровская Португалия и франкистская Испания. Корпорации здесь служили интересам авторитарных режимов, выступали важнейшим элементом их политических систем.

К примеру, франкистские власти заявляли, что народ участвует в управле-

нии государством прежде всего через семью, муниципалитеты и «вертикальные профсоюзы». Особенно интересно остановиться на роли последних. Всем рабочим и служащим было вменено в обязанность быть вместе с предпринимателями членами этой корпорации. Руководство же «вертикальных профсоюзов» назначалось сверху донизу. Их ключевое значение в политической системе франкизма подчеркивалось официальной характеристикой франкистского «нового государства» как национал-синдикалистского. Создание корпоративных синдикатов обосновывалось властями задачей подъема национальной экономики. Они осуществляли организацию хозяйственной деятельности, участвовали в регулировании цен. «Вертикальные профсоюзы» укрепляли испанские монополии, так как в их рамках крупные предприниматели договаривались между собой о сферах влияния и квотах производства.

Другую задачу «вертикальных профсоюзов» франкистские власти видели в том, чтобы искоренить классовую борьбу в испанском обществе, заменить классовое сознание трудящихся национальным. Показательно, что в официальной лексике диктатуры слова «рабочий» и «капиталист» заменялись общим понятием «производитель». «Вертикальные профсоюзы» были призваны пробудить у «производителей» энтузиазм и стремление к сотрудничеству на благо режима.

При создании корпоративной структуры расчет делался и на то, чтобы добиться единомыслия испанцев, унификации их потребностей, интересов и поступков. Иными словами, речь шла о превращении населения в сво-

его рода атомистическую общность, объединявшую массы людей изолированных, обособленных друг от друга, подчинявшихся навязываемым извне правилам игры. Уместно привести высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса, определявших подобный авторитарно-бюрократический коллективизм как «суррогат коллективности», «иллюзорную», «мнимую» коллективность, которая противопоставляет себя всем входящим в нее индивидам «как нечто самостоятельное»¹.

Практика франкизма скомпрометировала и в конечном счете подорвала созданный им вариант авторитарного корпоративизма.

По-иному выглядят внутренние организация, функции и политическая роль корпораций в условиях представительной демократии. В 60-е — первой половине 70-х годов руководством действий для западных корпораций была доктрина социальной ответственности бизнеса, предполагавшая социальный пакет для наемных трудящихся внутри компании, а также поддержание высоких потребительских стандартов для своей продукции и соблюдение прав человека. Правда, в конце 70-х — начале 80-х годов бизнес, взяв на вооружение неолиберальную модель, целиком ориентировался на погоню за прибылью, отказавшись от прежней социальной ответственности.

Однако примерно с середины 90-х годов доктрина социальной ответственности бизнеса начала возрождаться. Только теперь она стала именоваться концепцией корпоративного гражданства, значительно расширившись по содержанию. Имеется в виду, что корпорация может не только руководствоваться нормами социально ответственного поведения, но и конструктивно взаимодействовать с внешними и внутренними контрагентами, прежде всего с теми, кто представляет гражданское общество

(их называют стейкхолдерами). В число стейкхолдеров включаются персонал и акционеры компании, местные сообщества территорий, где она действует, потребительские, экологические, правозащитные организации, с которыми сталкивается компания по роду своей производственной и политической деятельности. Бизнес использует организации гражданского общества для реализации своих социальных функций и оказывает им финансовую поддержку, спонсорскую помощь образовательно-технологического характера и т.д. Современная корпорация, таким образом, — сложный социальный организм, включающий в свою орбиту массу стейкхолдеров. Если прежде многие организации гражданского общества выступали исключительно как протестная сила, то теперь они начинают переориентироваться на партнерские отношения с бизнесом, не утрачивая при этом своих лоббистских функций.

Одновременно развивается процесс «социализации» корпоративного бизнеса, его внедрение в системы социальных услуг — здравоохранения, образования, ЖКХ. По существу, речь идет о создании смешанной государственно-частной системы социальных услуг, идущей на смену прежнему государству благосостояния².

Вряд ли сегодня можно говорить о корпоративном гражданстве как о далеко зашедшем процессе. Сходным образом обстоит дело и с реализацией широко-масштабной практики «социализации» корпоративного бизнеса. Путь к дости-

² Подробнее о функциях современной корпорации см.: Перегудов С.П. Группы интересов в условиях перехода к информационному обществу. — Тенденции социальных и политических перемен в условиях перехода к информационному обществу. М.: ИМЭМО РАН, 2004. С. 37–44; он же. Корпоративный капитал и политическая власть: динамика взаимодействия. — Внутривполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 31–34.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 74.

жению этих целей очень сложен и долот. В идеале его прохождение предполагает замену нынешней либеральной модели глобализации иной — социально ориентированной. Пока же условия острой конкуренции на мировых рынках, усугубляемой мировым финансовым кризисом, определяют нежелание многих крупных корпораций увеличивать риски, связанные с вложениями в социальные программы.

В начале XXI в. корпорации играют новую роль в обществе и государстве. Крупные корпорации, в особенности транснациональные, — это активнейшие акторы на политической арене, неизмеримо превосходящие по экономической мощи других акторов и подчас не уступающие по этим показателям государствам, с которыми они начинают срастаться. Не случайно эксперты говорят о происходящем «корпоративном перевороте».

Позиции корпоративного капитала еще больше усиливает то обстоятельство, что ныне ему не противостоит, как это было еще совсем недавно, организованный труд. По словам видного испано-американского социолога М. Кастельса, «несмотря на то что работа, работники и трудящиеся классы существуют и даже получают все большее распространение в мире, социальные взаимоотношения между трудом и капиталом претерпевают коренные преобразования. Капитал по самой своей сути носит глобальный характер, а труд, как правило, — локальный. Историческая реальность развития информационных технологий такова, что ведет к концентрации и глобализации капитала, причем именно благодаря непреодолимому децентрализующему воздействию сетевых структур. Труд оказывается расчлененным в зависимости от осуществляемых операций, раздробленным по организационному признаку, диверсифицированным в аспекте наличия или отсутствия работы, раздельным в условиях коллективной деятельности...

Труд теряет свое коллективное лицо, растворяется в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования»³.

В этих условиях левые партии и профсоюзы теряют массовую базу и переживают глубокий кризис. Социал-демократы видят теперь основную опору не в рабочем, а в среднем классе. Ближайшим партнером для них становится бизнес. Диапазон расхождений между социал-демократическими и консервативными партиями сужается. Идеологическая мотивированность политики заметно ослабевает (это касается и консерваторов), уступая место прагматизму. Смена партийных элит у власти сопровождается не значительными переменами правительственного курса, а лишь его некоторой корректировкой. Центральный для индустриально общества конфликт между трудом и капиталом в условиях общества информационного отходит на второй план, уступая авансцену конфликтам иного рода — этническим, региональным, конфессиональным.

Резкое ослабление организованного рабочего движения — важная причина того, что крупные корпорации в немалой степени определяют правила игры в политической жизни. При этом их воздействие на общественное развитие оказывается далеко не однозначным. С одной стороны, корпорации закрепляют в западных социумах принцип партийного плюрализма. Дело в том, что различные группировки внутри корпораций поддерживают и правящие, и оппозиционные партии. Участвуя во власти и передаче ее от одной партийной команды к другой, они делают невозможным длительное сохранение монопольного правления одной партии. По словам российского ученого С.П. Перегудова, политический плюрализм, утвердившийся внутри

³ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. — Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 501, 503.

большого бизнеса, «напрямую проектируется на плюрализм партийно-политический»⁴.

С другой стороны, процесс принятия решений, в котором видную роль играет крупный корпоративный бизнес, носит закрытый для общества характер. Решения принимаются за кулисами, путем внутриэлитных соглашений, на закрытых совещаниях представителей власти и руководства корпораций. Принципиально важно также, что процесс глобализации выводит интересы корпоративного капитализма за национальные пределы, все более отдаляя космополитизированную элиту от рядовых граждан. Императивы глобализации диктуют руководству корпораций действия в рамках некоего лимитированного «коридора возможностей». Отчасти поэтому верхушка крупных корпораций зачастую участвует в принятии и проведении в жизнь решений, противоречащих интересам многочисленных групп населения. Таким образом, во многом благодаря корпорациям демократия перестает восприниматься тем, чем она является по своей сути — «правлением в соответствии с волей народа». В результате возрастает массовая неудовлетворенность функционированием институтов представительной демократии. Отчуждение миллионов рядовых граждан от этих институтов выхолащивает их реальное содержание.

Итак, с деятельностью крупных корпораций связано развитие двух разнонаправленных процессов в общественно-политической жизни стран Запада — возрастание социальной роли бизнеса, укрепление партийного плюрализма и структур гражданского общества и одновременно отчуждение масс от демократических институтов, постепенная деградация представительной демократии. Как будут развиваться

эти процессы дальше, покажет время. Однако уже сейчас их переплетение начинает изменять содержание политики, создавать некое новое ее качество.

Исключительно важен в этой связи вопрос о перспективах представительной демократии. Уже отмечалось, что императивы нынешней модели глобализации, отвечающей интересам корпоративного капитала, зачастую противоречат интересам большинства населения. Не менее существенно и то, что порождаемые глобализацией новые явления — «корпоративный переворот», международный терроризм, массовая иммиграция существенно меняют условия функционирования демократических институтов. Так, «корпоративный переворот», сопровождающийся закрытостью принятия решений, ведет не только к недовольству функционированием демократии. Часть населения принимает новые правила игры, сужение «поля демократии». Эта установка массового сознания подкрепляется тем, что «корпоративный переворот» совпадает по времени с резким нарастанием террористической угрозы, заставляющей многочисленные слои населения соглашаться с ограничением своих прав и свобод и непубличностью политики. Отношение Запада к либеральным правам и свободам меняет и массовая иммиграция мусульман. Воспринимая ее как «нашествие», ставящее под угрозу основы существования западной цивилизации, многие европейцы пересматривают традиционный либеральный подход к правам человека, ставят под сомнение идеи мультикультурализма и политкорректности. На Западе все шире распространяется точка зрения, что сами принципы либеральной демократии несут в себе угрозу ее выживанию. Показательна в этом свете работа известного американского политолога Ф. Закариа «Будущее свободы», лейтмотив которой — мысль о том, что

⁴ Перегудов С.П. Корпоративный капитал и политическая власть: динамика взаимодействия. С. 39.

Запад сегодня страдает от избытка либеральной демократии, а потому нуждается «не в большей, а в меньшей демократии»⁵.

---

⁵ Zakaria F. The Future of Freedom. Liberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., 2003. P. 248.

Сказанное позволяет заключить, что усиление корпораций с их неоднозначной ролью в современном мире входит в число важнейших факторов, со всей остротой ставящих вопрос о необходимости переосмысления традиционной парадигмы либеральной демократии.

ГОСУДАРСТВА, КОРПОРАЦИИ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Е.Г. Пономарева

Прежде всего я хочу поздравить коллег с юбилеем — десятилетием кафедры политической теории, искренне пожелать творческих успехов и инновационных научных достижений.

Фундаментальные изменения, происходящие в мировой политике с конца XX в., непосредственным образом связаны с радикальной трансформацией самого, по моему мнению, значимого и функционального политического института — государства. Статья профессора Н.А. Косолапова интересен и знаменателен именно тем, что, с одной стороны, акцентирует внимание на новых формах государства как исторически динамичной сущности в чрезвычайно динамичных условиях глобализации, с другой — ставит перед научным сообществом проблему новой феноменологии. Хотя, как отмечает Н.А. Косолапов, «определение запаздывает», феноменологическая стратегия текста очевидна и состоит в том, чтобы отказаться от редуционизма, от сведения сложного к простому, целого к сумме частей и описать государство (в самом широком смысле) таким, каким оно проявляет себя в современном мире, а именно как феномен.

Конечно, на этом пути предстоит преодолеть предрассудки и предвзятые мнения, освободиться от привычных и так называемых «классических» научных установок, отстраниться от методологических шаблонов и клише и обратиться к изначальному, первичному опыту сознания, в котором явления предстают не как продукты уже существующих теорий, имеющих точки зрения, не как нечто, на что мы смотрим глазами других, но как нечто, раскрывающееся перед нами

в *нашем* первичном опыте. Это чрезвычайно сложная задача. Я бы даже сказала — революционная. Ведь известно, что начетничество, тень признанных авторитетов — куда более комфортная среда, но если мы хотим понять явление, то именно феноменология поможет четко различить, что принадлежит нашему сознанию, а что — предмету. Лишь описание предмета, явления — в самом широком смысле — может нам дать *само* явление. Поэтому я всегда искренне рада тому, когда в научном сообществе появляется очередное исследование феноменальных форм современного государства. В данном случае речь идет о государстве как корпорации и о корпорации как государстве.

В продолжение высказанных автором идей о «формировании глобальной элиты, действующей на опережение», о «раздвоении» суверенитета на суверенитет народа и суверенитет государства», о государстве «как объективной антиглобалистской силе» и о том, что «корпорации, а не государство вызвали процессы глобализации», хочу подчеркнуть, что появление новых форм государства (регион-государство, рынок-государство, корпорация-государство и др.) обусловлено неолиберальной глобализацией, суть которой заключается в создании глобальных рынков капитала.

В частности, Дэвид Харви, автор «Краткой истории неолиберализма», подчеркивает, что неолиберальный глобальный поворот связан прежде всего не с развитием производства, а с перераспределением продукта, факторов и результатов производства, с изменением соотношения классовых сил как в мировой системе в целом, так и в отдельных

государствах в пользу «верхов» и в ущерб нижним и средним слоям. По его мнению, неолиберальное государство прежде всего поддерживает целостность финансовой системы и платежеспособность финансовых институтов, а не благополучие населения или состояние окружающей среды. Д. Харви говорит о такой реорганизации капитализма в глобальном масштабе, которая нацелена на восстановление власти носителей капитала. Будучи не очень эффективной для рождения капитала в глобальном масштабе, глобализация/неолиберализация оказалась весьма эффективной в перераспределении экономического продукта, активов, т.е. капитала, в пользу восстановления власти старой, а в некоторых случаях (бывшие республики СССР — РФ и СФРЮ, страны Восточной Европы) создания новой классовой верхушки. Средства перераспределения просты — уничтожение системы социального обеспечения, а следовательно, подрыв профсоюзов, наступление на рабочий и старый средний класс, по сути — наступление государства на гражданское общество.

Извлечение дохода с помощью финансовых механизмов — старый прием, но он оказался чрезвычайно востребованным в условиях неолиберальной «перезагрузки» экономической и политической систем. В частности, когда предприниматели развивающихся стран берут займы из-за рубежа, то требование к их стране иметь достаточный объем валютных запасов, чтобы при необходимости покрыть эти долги, означает, что эти страны должны инвестировать, например, в американские государственные облигации. Как пишет Д. Харви, «разница между ставкой по кредитам (12%) и проценту, получаемому от размещения средств в облигациях (4%), обеспечивает серьезный приток наличных средств в страну-кредитор из развивающейся страны». В результате реализации неолиберальной модели развития, страны-

заемщики оказываются связанными жесткими мерами, ведущими к хронической стагнации экономики, и возможность выплаты займов откладывается на неопределенно долгий срок, превращая страну в пожизненного должника. Как справедливо отмечает Н.П. Косолапов, «грабеж отошел к корпорациям».

Кроме того, неолиберализм приводит к тому, что политическое и гражданское в государстве начинает противостоять друг другу. Происходит серьезное изменение конфигурации институтов государства, набора его инструментов и традиционных функций, особенно в отношениях между властью капитала и общественными движениями; между властью государства и институтами представительной демократии. Поскольку главной целью неолиберального государства является создание благоприятного делового климата и обеспечение конкурентоспособности в мировой политике, оно, подчеркивает Д. Харви, должно действовать как *коллективная корпорация*.

Среди работ отечественных исследователей внимания заслуживает концепция *корпорации-государства* (КГ), которую активно разрабатывает Андрей Фурсов. Согласно его трактовке, будучи конкретной формой глобально-рыночной государственности, корпорация-государство выражает интересы молодой и хищной фракции мирового капиталистического класса — *корпоратократии*. А.И. Фурсов определяет КГ как «такой административно-экономический комплекс, который, будучи хотя бы формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране, который в то же время ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных), или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института функ-

ции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств функций или резко сократил их». При этом КГ, его интересы ориентированы на глобальную систему, на глобальный, а не на национальный уровень. Высказанная в статье Н.А. Косолапова идея о том, что «корпорация представляет собой объединение не только экономическое, но объединение на базе любых интересов, затрагивающих все сферы деятельности государства», дополняет приведенную выше формулировку. Очевидно, что цели КГ носят экономический характер, а его главные задачи — это конкурентоспособность на глобальном уровне и минимизация социальных и политических издержек на национальном уровне, но реализовать их корпорации не могут без вмешательства в социальные функции государства. Поэтому я солидаризируюсь с мнением Н.А. Косолапова о том, что «расширение корпораций чревато серьезными катаклизмами для государства».

Линейных выходов (я сознательно опускаю здесь рассуждения о нелинейных процессах, о непредсказуемости развития) из сложившейся ситуации действительно два: либо надо ломать государство, либо глобализация захлебнется. События уходящего года убедительно доказали, что ломка государства совсем не в интересах корпораций. Во-первых, именно у государства оказался необходимый запас прочности (нормативный, экономический, финансовый, пропагандистский, репрессивный). Состояние мирового кризиса продемонстрировало очевидную потребность в государстве: именно на него были переложены все издержки наиболее важных финансово-промышленных, корпоративных групп. Во-вторых, государство выступает внешним «панцирем» для КГ, является его оболочкой. Поскольку КГ существует внутри государства, форми-

руя единую целостность, их противоречия становятся внутренним противоречием этой целостности. Противоречие это воспроизводится и на мировом уровне — как противоречие между глобальной иерархией КГ и международной системой государств (показательно, что институты именно этой системы приходят в упадок).

В связи с последним замечанием особо следует подчеркнуть, что только относительно сильное государство способно улучшить свое положение в мировой системе. Именно этой проблеме посвящена одна из самых известных работ Фрэнсиса Фукуямы «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке». По мнению этого философа и футуролога, «построение сильного государства — одна из наиболее важных проблем мирового сообщества, так как слабость и разрушение государств служат источником многих наиболее серьезных мировых проблем». Иными словами, в условиях глобализации государство продолжает оставаться единственным действительно функциональным институтом, способным адекватно реагировать на новые вызовы. Но как справедливо подчеркнул докладчик, «сила государства определяется не внутренними ресурсами, но способностью установить внешние связи», что приводит к усилению роли неформальных отношений. Например, в рамках «Большой восьмерки» и некоторых других наднациональных институтов, которые олицетворяют «круг избранных», а именно сильные государства. Остальные — слабые государства, составляющие подавляющее большинство стран мира, оказались под прессингом глобализации, превращаясь либо в постоянных должников «сильных», либо оказываясь под их политическим либо военным прессингом. По этому поводу Зигмунт Бауман в работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» заметил, что «в «кабаре глобализации» государство начинает

заниматься стриптизом, и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью — репрессивная мощь...». Иными словами, в результате такого «стриптиза» слабые государства «легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка».

В заключение я хочу подчеркнуть, что научные площадки, подобные журналу «Сравнительная политика», по-

зволяют проникнуть в «черный ящик» политики, выявить феноменальность современного государства и представляют не только сугубо теоретический интерес. Важнейшее значение такого рода встреч в их прикладной составляющей, а именно в поиске «выходов» из лабиринта кризисов развития для современной России, в выработке моделей развития, соответствующих истории, потенциалу и предназначению нашей страны.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕНДЕНЦИИ

Н.Б. Ильина

Современная Россия, несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, до сих пор характеризуется многими аналитиками как в России, так и за рубежом как страна, как общество «переходного типа». Не в последнюю очередь это связано с «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом. Начиная с 1991 г. эта проблема возникала по меньшей мере трижды: в 1993, 1996 и 2000 гг. (в год избрания В.В. Путина Президентом России).

Характерное для такого периода доминирование исполнительной власти над представительной, преобладание власти при ее концентрации в руках узкой группы лиц, а также слабое влияние политических партий на процесс принятия политических решений — это объясняет множество наименований российского политического режима, встречающихся в научной литературе: от недемократического, полудемократического до «электоральной авторитарии», «управляемой демократии» и пр.¹ Понятие «управляемая

демократия» весьма близко подходит к «электоральной демократии» Й. Шумпетера², легко увязывается с корпоративистской моделью государства. С одной стороны, оно признает наличие независимых секторов, групп интересов в обществе, хотя их число может быть ограничено, с другой стороны, в первую очередь в силу организованности этих групп, в том числе и созданных «сверху», упрощается конкурентный характер их взаимодействия. Государство при такой системе ведет диалог со своими «договорными» силами в обществе, остальные сегменты оттираются на задний план или вообще устраняются с политической арены³.

Если обратиться к истории развития государства как такового, то особенности его формирования и функционирования в России становятся более чем очевидными.

Как известно, родоначальником современной теории государства принято считать Т. Гоббса. Отрекаясь от утверждения Аристотеля о том, что человек от рождения есть существо политическое, т.е. по природе своей склонное к жизни в

¹ В отличие от «авторитаризма» термин «управляемая демократия» более адекватно описывает изменение в политической системе. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что этот термин представляет собой «оксюморон», т.е. подчеркнутое соединение двух в действительности несовместимых начал. Скорее всего, это полемический термин, окрашенный скрытой иронией. Его использование порождает множество вопросов, ответ на которые, судя по всему, не предусмотрен: правомерно ли употребление термина «демократия» в «связке» с термином

«управляемость»? с какими изменениями сопряжено утверждение «управляемой демократии»? наконец, возможно ли существование такого «гибрида»? Представляется, что моноцентрическая конструкция свободна от таких противоречий. Она позволяет проследить за развертыванием новой политической системы из ее главного звена и непротиворечиво описывать, каким образом происходят изменения ключевых звеньев, игроков и свойств этой системы.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

³ Kmitilla M. State Theories: from Liberalism to the challenge of feminism. Toronto, 1987. P. 14.

обществе, Гоббс разделяет философскую позицию Макиавелли, который первым акцентировал негативные стороны натуры человека, влекомого, по его мнению, в своих социальных поступках страстями, эгоизмом, честолюбием и выгодой. Центральным понятием, лежащим в основе аргументации о необходимости существования государства, становится у него власть или могущество, которое может быть двоякого рода — природное или инструментальное⁴. По его мнению, человеческая природа с наибольшей полнотой проявляется в естественном состоянии, догосударственном, не подверженном давлению морали и законов. (Или: когда роль государства сводится к минимуму.) Естественное состояние — некая аналогия того состояния, когда человеку теоретически «все позволено». Основным содержанием естественного состояния становится война всех против всех⁵. Таким образом, ясно, что естественный закон не может обеспечить безопасность и мир — и только государство, по мысли Гоббса, единственное образование, которое может создать цивилизованное состояние общества, когда люди добровольно отказываются от своих прав в пользу одного лица или ассамблеи — путем заключения общественно-го договора.

Дальнейшее осмысление понятия государства в западной мысли идет по пути сужения этого понятия. В работах, следующих за трудами Гоббса (Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо), общественный договор, ставший в теории и философии политически общепризнанным концептом, рассматривался уже не как договор между людьми (как у Гоббса), а как договор между властью и людьми, гражданами, подданными. Таким образом, тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII в.

Не менее интересны и взгляды Гегеля, в чьих трудах присутствует преемственность «этической» перспективы рассмотрения роли государства в обществе. Главной и высшей сферой этического существования в обществе для Гегеля являлось государство (помимо семьи, а также гражданского общества). Функцию же служения «общему благу», как он считал, был призван исполнять слой бюрократии, как особый государственный слой общества.

Усиление инструментального анализа государства в ущерб его этической оценке получает новый толчок в работах М. Вебера⁶. Его заслуга в развитии идей государственности состоит в том, что, анализируя социальное действие в рамках институционального подхода, он сконцентрировал внимание на проблемах власти и, в частности, бюрократии. Теории М. Вебера сегодня рассматриваются как основополагающие в учениях о государстве, особенно при анализе российских особенностей его развития. Главной сущностью государства для Вебера являлась возможность одних акторов использовать этот институт в своих целях, поскольку подобно всем другим формам власти государство выражает волевые властные отношения, или отношения господства. Бюрократическое государство — желанная цель всякого успешно функционирующего общества, являя собой логический результат общей тенденции любой политической организации — к рационализации. Интересно отметить его отношение к политическим партиям, которые, по его мнению, должны играть роль важнейших агентов воздействия на социальную жизнь и деятельность государства. Особую значимость он придавал парламентской системе политической организации, способствующей, по его мнению, росту рационализации и бюрократизации по-

⁴ Гоббс Т. Сочинения. М., 1991. Т. 2. С. 307.

⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. VII. М., 1934.

⁶ Вебер М. Политика как призвание и как профессия / Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.

литического процесса — факторам, оцениваемым им исключительно в позитивной перспективе.

Описание Вебером специальной и привилегированной роли и функции бюрократии в управлении обществом для выработки основ социальной солидарности и интеграции дало мощный импульс для появления элитарных теорий государственности. Для авторов этих теорий (В. Парето, Г. Моску, Р. Михельс) характерно более глубокое погружение в человеческую природу, их кредо — история всех обществ есть борьба элит⁷.

Появление элитистских теорий свидетельствует о том, что инструментальный подход в изучении государства в современной политической науке сужается до рассмотрения в качестве ведущих факторов отдельных частей государственной организации. Плюрализм социальных групп, интересы которых постоянно сталкиваются во всех сферах, в том числе политической, требуют выработки компромиссов и соглашений, что и определяет специфику функции государства в плюралистических социальных сериях. Понятие государства отождествляется с понятием государственного правления. Само же правление, или государство, воспринимается как репрезентативное представительство совокупности дифференцированных социально-политических групп, имеющих существенный вес в обществе. Функция правления тогда предстает как стремление к достижению баланса интересов этих групп.

Главная же проблема философии государства — проблема порядка — трансформируется в проблему социального и политического контроля. Функция власти утяжеляется функцией контроля, поддержания равновесия между группа-

ми ради сохранения стабильности в обществе.

В плюралистических теориях государства инструментальный подход к его осмыслению, возможно, доходит до своего логического предела, поскольку государство в нем фактически нейтрализовано до такой степени, что оказывается полностью «выведенным из игры». Его роль по идее сводится к пассивному наблюдению за разворачивающимся на его глазах конфликтом сторон, так как любое его вмешательство может быть расценено как «подыгрывание» одной из сторон и как возможное нарушение достижения общего блага. Идея государства, таким образом, самоликвидируется, и общество возвращается в первозданный, но «цивилизованный» хаос, из которого исходили первые договорные теории западноевропейской политической мысли.

Сегодня, судя по пришедшим на смену теориям 50–60-х годов, да и более ранних периодов, теориям «социального государства», государство предстает как прежде всего механизм с набором четко обусловленных функций, в частности регулятивной (государство устанавливает правила для работы компаний, профсоюзов и пр.), защитной (государство защищает права людей), миротворческой, торговой (государство часто выступает как монопольный продавец или раздает заказы). Гражданское общество перестает рассматриваться как самостоятельно, отдельно от государства существующая область: оно контролируется и часто направляется государством. В ведении государства оказываются транспорт, здравоохранение, образование, отдых, водоснабжение и другие услуги. Государство становится ответственным за все расширяющееся число задач, остается в рамках организации практически всех дел, бизнеса, но при этом не превращается в некую трансцендентную духовность.

Исследование проблем государственности привело политическую мысль к выделению в качестве приори-

⁷ Выделение указанных основополагающих элементов вытекает из логики исследований таких представителей западной философской мысли, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Тейлор, В. Парето и др.

тетных и остро обсуждаемых тем проблемы власти и бюрократии. В последние годы, когда особенно заметными стали негативные аспекты развития властных отношений в обществе и бюрократических структурах, на первое место вышли вопросы кризиса современного общества и управления.

Если рассматривать особенности российской государственности, то важнейшей из них на протяжении многих веков является централизм. Это — стержень, который обеспечивает консолидацию России как единого национально-государственного образования, задает системный строй, обусловленный особенностями географической среды, климата, природы, истории. Согласно концепции русского философа К. Леонтьева идея централизации для такой страны, как Россия, при ее огромных, необъятных пространствах, многонациональном составе, неодинаковых по климатическим и прочим условиям регионов — по сути, единственный способ существования. «Без признания идеи централизации нет лояльности русской государственности... Эта идея и сама по себе... спасительная для России, ею страна держится тысячелетия»⁸.

Такому типу государственности свойственны определенные издержки, такие как доминирование власти над народом, слабость гражданского общества, поздняя секуляризация культуры (по западным меркам) и пр. Централизм обеспечивал и обеспечивает стабильность и равновесие в России.

Исторически традиционному типу российской государственности свойственна и такая особенность, как национальная интерпретация понятия собственности. Как известно, существует два вида собственности: собственность — господство (лат. «*dominium*» и собственность — владение «*possessio*»). Первый тип собственности широко рас-

пространен на Западе и вытекает из либерально-индивидуалистической логики максимализации личного выбора. Эта концепция выводит все общественные явления из отношений индивида к индивиду. А государство в нем видится как один из индивидуумов. В такой теории всякое ограничение сверху воспринимается как печальная необходимость и несомненное правонарушение.

Вторая разновидность, хотя и предполагает неограниченное эксплуатирование занятых участков государственной земли, предусматривает сохранение собственности как *dominium* за государством. В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, которое призвано поддерживать целое как многоединство. «Понятие собственности строится не индивидуалистически, не из индивидуума, которому потом аналогизируется государство, но — политически, т.е. из симфонического целого, которое предстает как единство и утверждает всякое индивидуальное право»⁹.

Такая интерпретация собственности предполагает прежде всего обязанности, связанные с ее использованием, т.е. подчеркивает функциональное значение собственности. Одновременно это означает принципиальное признание государством своей обязанности охранять право индивидуального владения при условии выполнения связанных собственностью обязательств.

По моему мнению, особенности российской государственности в целом осознаются современным российским руководством, ибо еще в июле 2000 г. В. Путин, обозначая цели развития, сказал: «Без укрепления государства... нельзя решить ни одну общенациональную задачу...»¹⁰

⁹ Мир России — Евразия. М., 1995. С. 284.

¹⁰ Путин В.В. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. С. 3—4.

⁸ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство : в 2 т. М., 1985. Т. I. С. 167.

Но тем не менее следует учитывать и еще ряд факторов, определяющих формы и направления развития российского государства.

Разнообразие природных условий жизни передает и определенный тип экономики; в России, по удачному определению одного из современных теоретиков-экономистов О.Э. Бессоновой, с IX по XX в. сложился так называемый раздаточный тип экономики с внутренней нецелевой регуляцией¹¹. В ходе экономической эволюции человечество выработало два типа жизнеспособных экономических механизмов, в рамках которых возможна координация усилий больших сообществ: рыночный и раздаточный. Взаимодействие этих типов может приводить и к смешанному типу экономики, но какой-то будет доминировать. Поскольку в России возник и сложился именно раздаточный тип экономики, вряд ли российское государство сможет полностью отказаться от него, поскольку основные факторы, способствующие ее жизнеобеспечению, продолжают действовать: неразвитость внутренней торговли, например, обусловлена отсутствием дорог, низкой плотностью населения, огромными расстояниями и суровым климатом, в результате чего потеря на обмен превышает прибыль. Плюс к этому — огромное неравенство по своим природным и сырьевым ресурсам богатых и бедных регионов России. Выравнивать в какой-то мере уровни жизни и благосостояния может только центральная власть в условиях новых политических и экономических вызовов.

Такой социальный организм, как традиционное государство, а именно Россия, обладает огромной устойчивостью и жизнеспособностью. Вместе с тем он имеет ограниченные возможности, прежде всего слабые внутренние импуль-

сы для динамичного развития. Поэтому при сравнении его с исторически более прогрессивным (по меркам проекта Модерн) либеральным типом государства, безусловно, возникает вопрос: как, в каких формах, как быстро возможна трансформация социального организма, основанного на одном, традиционном, типе государственности, в социальный организм, основанный на другом, либеральном, типе государственности в условиях стремительно развивающихся процессов глобализации?

Ведь классическое либеральное государство представляет собой полную противоположность традиционному государству. Это — наличие рынка, либеральной демократии с ее разделением ветвей власти, демократической процедурой и выборами вместе с избирательными ограничениями в виде цензов, автономного индивида с его естественными и неотчуждаемыми правами. Власть в классическом либеральном государстве принадлежит классу собственников, и потому государственная власть выступает в точном смысле слова политической надстройкой над экономической сферой жизни. Основное назначение либерально-демократического устройства государства в классическом смысле — создание максимально благоприятных условий для экономической деятельности частных собственников, для функционирования рыночных, товарно-денежных отношений, постепенно охватывающих все сферы общества, в том числе и политическую.

Мне представляется важным отметить также, что либерального типа государства, в отличие от традиционных, основаны не на приспособлении к своему природному ареалу, а на использовании **любых** природных ресурсов, рассматриваемых в качестве неограниченного источника сырья, для промышленной переработки и создания товарной массы для потребления. Постоянное наращивание товарной массы, динамичное раз-

¹¹ Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. С. 144.

витие экономики в целом предполагает и наличие идущего **извне** огромного потока природного сырья, продуктов, источников энергии. Рыночная экономика не может существовать без наличия нерыночной периферии. Для устойчивого существования Центра, метрополии, необходимы колониальная периферия и неэквивалентный обмен. В случае возникновения трудностей на помощь частному собственнику приходит государство — оно использует все возможности вплоть до открытой интервенции и войны для обеспечения непрерывности получения дешевого сырья и рабочей силы, для непрерывности процесса материального производства.

Сегодня в условиях нарастающей глобализации, надо признать, все страны ранжированы в соответствии с принадлежностью к тому или иному уровню технологической пирамиды, сложившейся в мире. Наверху — США, достигшие по многим параметрам стадии информационного общества, с некоторым отставанием от них — страны Западной Европы. На втором — развитом индустриальном — уровне технологической пирамиды находится целый ряд стран Европы, Юго-Восточной Азии. Третий же уровень занимают страны, экономика которых основана на экспорте природного сырья и энергоносителей.

Что касается России, то, находясь на сегодняшний день в переходном состоянии, она занимает место в конце второго уровня технологической пирамиды, и ей реально угрожает переход на третий уровень, если и дальше будет делаться упор на «сырьевой» характер экономики. Вопрос состоит в том, как и в какой форме придать российскому государству новые импульсы, повысить его жизнеспособность в связи с радикально меняющимися условиями его существования в современной цивилизации.

Менее всего этому условию удовлетворяет радикал-либеральная концепция смены типа российской государствен-

ности. В начале 90-х годов казалось, что полное разрушение существовавшей системы облегчит путь к новому либеральному порядку, но нарастание хаоса к концу 90-х годов и угроза полного распада РФ уже показывали: для державного государства с тысячелетней традицией нет необходимости отказываться от идеи самостоятельного национального пути развития даже в эпоху глобализации. И наглядным примером выступает, в частности, Китай, успешно осуществляющий грандиозную реформу общества, не отказываясь от Традиции с большой буквы.

В последнее время ряд отечественных исследователей выступили за позитивный синтез (условие) традиционных и либеральных элементов в государственном устройстве России¹². Это довольно сложно, поскольку, как констатируют исследователи, в оценке российской трансформации оказались неприменимы известные схемы разрыва со «старым порядком». Ведь переход России к демократии происходил не планомерно, а в значительной степени стихийно; к новым формам хозяйствования и властвования страна приобщалась не как целое, а фрагментарно, почти по принципу «кто смел, тот и съел». В результате сложились многообразные разрывы и диспропорции — между богатыми и бедными, столицами и регионами, старыми и молодыми, лидерами и подчиненными и т.д.¹³

В этой ситуации очевидно, что посткоммунистической и постсоветской России приходится решать **проблемы завершения модернизации**, актуальные для предшествовавшего исторического периода. Важнейшая, если не главная, в этом

¹² Буров В.Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации. Кравченко И.И. Будущее мира и российской государственности. Шевченко В.Н. Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005.

¹³ Демократия для России — Россия для демократии. М.: ИНФРАН, 2008. С. 56.

комплексе проблем — проблема национального государства. На нынешнем этапе российской трансформации проблематика «демократического транзита» все больше сливается с модернизационной. И явная неприменимость классических требований «демократического транзита» отнюдь не свидетельствует о неготовности к нему России. При этом надо отметить, что в готовности России к транзиту была определенная асимметрия: в культурном отношении готовность была больше, чем по состоянию социальной структуры, по тяготению к рыночной системе — больше, чем по готовности к политической демократии. Неравномерно распределялась и общая готовность к последней: исходная готовность к институту выборов и президентской системе была больше, чем к институту партий и парламентскому представительству¹⁴.

Сложнейшей проблемой для российского государства, в котором просыпается мощный инстинкт самосохранения, становится выявление способов, с помощью которых можно было бы встроить в традиционную модель российской государственности элементы либеральной модели, поставив задачу адекватно реагировать на внешние вызовы и угрозы как следствия современного этапа глобализации.

Среди важнейших принципов, способных обеспечить жизнеспособность новой или обновленной формы традиционного государства, самую значимую роль играет принцип сакральности государства, но не в религиозной трактовке, а в светской: в современных условиях предполагается, что общество и, прежде всего, правящая элита признает наличие у него особой миссии и роли в истории. А потребность в общенациональной идее, которая бы проистекала

из сакральной роли государства, существует, и российская власть осознает это и время от времени обращает внимание общества на необходимость поисков новой интерпретации национальной идеи. Хотя национальная идея и представляет собой некий социальный миф, органически присущий развитому традиционному обществу, он нужен большим державам, поскольку указывает на некое историческое предназначение государства, роль на мировой арене. А вера в это предназначение создает в обществе мощную социальную энергетику, придает обществу высокую жизнеспособность и целеустремленность, объединяя страну. И придумать ее искусственно невозможно — идея живет в культуре, в государственных традициях.

Сегодня перед российским государством стоит задача четко определиться в отношении своих общенациональных интересов — ведь на их основе формируются затем национальные цели, т.е. стратегия национального развития. Если национальные интересы и цели, стратегии и конкретные программы соответствуют содержанию мифа, он остается в массовом сознании, обогащаясь новыми деталями и подробностями.

В условиях становления новой государственности российская национальная идея не должна превращаться в аналог американской мечты, реальность которой — дом, машина, семья, солидное денежное богатство, в основе — идеология индивидуализма. Внутренняя составляющая российской ментальности, формировавшейся веками, все же связана с коллективной устремленностью к справедливости, материальному достатку для всех, а не индивидуальному успеху на фоне неудач других людей. Да и внешняя составляющая содержит указание на особую роль российского государства в многовековом стремлении русского народа служить всему человечеству. Американская же, в частности, исключительность выражена в афоризме «Град на холме», аме-

¹⁴ См.: Ильина Н.Б. Политические партии России: субъективный фактор становления и развития // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. — Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2004. С. 186–202.

риканский народ представлен как «богом избранный народ». Американцы всерьез убеждены в том, что их страна призвана указать путь развития для всей остальной части мира. Это привносит своеобразие и в американскую внешнюю политику.

С падением советского строя Россия оказалась на обочине истории, в условиях нарастания взаимного отчуждения и конфронтации западного и незападного миров, двух типов культур. В прошлом Россия и ее культура всегда выступали связующим — не единственным, но значимым — звеном между Востоком и Западом, с разным успехом осуществляя некий синтез культур и общественных систем Запада и Востока. Восстановление роли России в новом витке взаимного узнавания и синтеза Запада и Востока могло бы стать важным фактором мотивированного воодушевления и энтузиазма для страны. Результаты глобализации обостряют проблему сохранения национальной индивидуальности.

Российское государство в результате реформ 90-х годов оказалось в группе государств — поставщиков для Запада сырьевых и других «колониальных» продуктов в виде энергоносителей, минеральных ресурсов и первично обработанного сырья — леса или проката металла. Для восстановления исторической роли России необходимы самодостаточность, способность к устойчивому существованию при необходимости реформ и развитию при опоре на свои внутренние силы, на богатство природного ареала обитания. Но сегодня даже при всем богатстве природной среды самодостаточность не решит проблем постиндустриального развития — на первое место в становлении единого глобального мира вышло производство информационных технологий. В России индустриальный потенциал наполовину разрушен, оставшийся стремительно устаревает.

В стране практически было разрушено единое экономическое пространство; свойственные традиционному государ-

ству принципы раздаточной экономики работать перестали, сырьевые регионы хотели жить, как на Западе, и были безразличны к соседним бедным регионам. Предоставленные сами себе, они были втянуты в региональные торгово-промышленные объединения с пограничными странами, а бывшие союзные республики эксплуатируются многими странами Запада. Процессы деиндустриализации, падение культуры и нравов, разрушение самых сложных рисунков социальной ткани общества, создававшихся столетиями, доминируют над процессами созидания в очень ограниченных размерах новых форм социального взаимодействия и общественных связей, главным образом в виде отдельных мегаполисов. Добавить к этому установление рыночных цен на транспорт в стране, занимающей одну седьмую часть мировой суши, — и задача сохранения единого экономического и социального пространства предстает не только экономической, но и политической проблемой.

Говоря о встраивании в новую форму традиционного государства либеральных элементов экономики, нужно предусматривать прежде всего выполнение крупными частными собственниками ответственных социальных функций, т.е. последние и в новых условиях должны продолжать проявлять общественно-служебный характер, способствовать реализации стратегических целей государства. Но олигархия и служение государству — вещи несовместимые практически.

В связи с таким пониманием социальной роли собственников важно, на мой взгляд, дать оценку пути, по которому идет трансформация созданной в стране в прошедшие десятилетия либеральной политической системы. Традиционный тип государственности, свойственный России, т.е. высокоцентрализованная власть, предполагает в любом случае ненужную борьбу политических партий за пост первого лица в государстве. И даже недопустимой, по-

скольку ведет к расколу общества¹⁵. А либерализм требует борьбы с непредсказуемым результатом. Две принципиально несовместимые по устройству политические системы проявляют себя на президентских выборах, и становится понятным возникновение извращенных форм политических институтов: их невозможно анализировать ни в рамках господствующей либеральной теории, ни в теории государства традиционного типа.

Принципы традиционного устройство российской государственности становятся доминирующими в реальной политической практике. Постепенно вынужденно трансформируются все без исключения появившиеся ранее в стране либеральные по замыслу институты. Под эгидой высшей власти формируются и находятся под контролем все важнейшие институты гражданского общества, прежде всего парламент, несмотря на весьма небольшой объем его полномочий. Но центральная власть должна была добиться за короткий срок контроля над деятельностью субъектов Федерации по ключевым вопросам с тем, чтобы пресечь наиболее опасные проявления сепаратизма в ряде регионов. Этой цели как раз и послужила идея назначения глав субъектов Федерации с последующим утверждением их местными законодательными собраниями. Хотя, по меткому выражению одного автора, жесткая вертикаль исполнительной власти в полноценной федерации по западному образцу (например, в Германии) — это «жареный лед».

Многopатpийнoсть в стране так и не обрела и не могла обрести должной значимости. В традиционном обществе нет экономически господствующего класса, поэтому не возникает партий для защиты экономических интересов. Хотя, безусловно, партии нужны, но для современного традиционного общества, видимо, в другом качестве. В современном российском обществе партии, формировавшиеся под конкретного лидера, становились

выразителями интересов профессиональных слоев общества.

В свое время Гегель говорил о трудностях становления правового государства. Он выдвинул идею корпорации как объединения, находящегося между индивидом и государством. В корпорации индивид учится отстаивать свои права, соединять личные интересы с интересами общества. Последующая история, особенно в XXI в., придала идее корпоративного государства негативный оттенок, но это не отменяет ее практической значимости, по крайней мере, для политической жизни современного российского государства.

Тенденция к обновленному традиционному типу российской государственности, скорее всего, невозможна без возвращения ему сильной социальной составляющей. Отход от классической схемы — первое лицо опирается на народ в своей борьбе против своекорыстия и произвола бояр, номенклатуры и пр. — поставил верховную власть в сложное положение. Проблема социальной справедливости часто преднамеренно интерпретируется как иждивенчество, что неверно, при этом потеря первым лицом поддержки тех, кто лишен сегодня социальной защиты в условиях рынка, может привести к потере легитимности. Отсюда вытекает и такая важная проблема, как патриотизм. Пока остаются неясными те высшие цели и ценности, на реализацию которых направляют свои силы государство и общество, мотивация защищать государство и родину сводится к нулю: солдат за деньги готов воевать, но не готов за святое дело.

Каковы же коридоры возможностей, создающиеся для России на современном этапе глобализации? С точки зрения автора, высокое историческое предназначение российского государства, принятие его властью и обществом порождает огромный духовный подъем, что, в свою очередь, создает мощную социальную энергетику. Вовлечение населения в реализацию программ развития страны значительно расширяет границы возмож-

¹⁵ Там же. С. 186.

ностей по сравнению с теми, которые дает сугубо материально-прагматический взгляд на историю и на будущее.

Глобализация приводит к прямо противоположным результатам в отношении высокоразвитых западных и незападных государств: она создает благоприятные условия для разукрупнения больших незападных государств. Рыночный фундаментализм как идеология и практическая стратегия поведения Запада принуждает национальные государства не-Запада к отказу от несамостоятельного пути развития. Но в то же время он активно побуждает отдельные этносы, группы в государствах, особенно имеющие какой-либо богатый природный ресурс (нефть, алмазы, объекты массового туризма), к выходу из государства и образованию маленького, но самостоятельного государства. При этом Запад прельщает их получением на мировом рынке значительной материальной выгоды. Такие тенденции особенно ярко стали проявляться в России в конце 90-х годов — начале XXI в.

Как о неопровержимом факте многие ученые говорят о появлении в будущем на мировой арене около 500 государств, при этом власть США и Западной Европы приобретет абсолютно доминирующий характер. Маленькие бессильные государства с практически колониальной демократией, управляемые и послушные, могут стать возможной перспективой развития глобального мира под жестким контролем одной сверхдержавы. Все нерыночные сферы жизни в таком случае будут переведены на рыночные рельсы, что уже сегодня приносит колоссальный ущерб науке, образованию, культуре, да и всей духовной сфере жизни многих небольших государств.

Большие государства державного типа (Россия, Китай, Иран) должны сделать выбор в пользу попытки пойти своим путем сохранения исторического наследия, но грамотно адаптируясь к новым условиям. Реформирование экономики, ее постепенное открытие внешнему миру не должны вести к изменению

основного принципа традиционного государства, для которого экономика остается средством для достижения возвышенных целей. Главное, чтобы эти цели были не придуманы идеологами, а явились выражением исторических потребностей существования и развития российского государства.

Что касается перспектив российской государственности, вопрос достаточно открыт. Современное Российское государство существует лишь второе десятилетие, являясь продуктом распада Советского Союза, на месте которого образовалось пятнадцать независимых государств. Двенадцать из них входят в достаточно эфемерное образование СНГ. Внутри СНГ отчетливо проявляются интеграционные процессы, к большинству стран-участниц приходит понимание того, что в условиях агрессивности всемирного рынка надежнее объединиться. В какой форме — вопрос времени. Возможно, это будет путь Евросоюза, но в более сжатые сроки.

С момента прихода на должность президента страны В.В. Путина¹⁶, а затем и Д. Медведева внутренне политически сильный центр власти превращается в ядро новой политической системы. Феномен чрезвычайно высокого рейтинга В. Путина позволил изменить конфигурацию политической базы нового режима и обозначить важнейшие направления реформирования страны: деавтономизация элит, восстановление субординации в элитах и модернизация элит, реинтеграция системы власти, институционализация, воспроизводство социальной базы нового режима.

С опорой на прочную политическую базу в обществе власть начинает выстраивать новые отношения с ключевыми политическими институтами и партнерами. Суть теоретического решения проблемы новой государственности состоит в том, что власть должна выстраивать автори-

¹⁶ Бизнес и государство при Путине: «новый социальный контракт». М.: ЦПТ, 2001.

тарное социальное государство, опирающееся на принцип социальной защиты граждан и, более широко, на принцип новой социальной справедливости, на основе которой либеральные реформы станут более жизнеспособными.

Один из парадоксов новой системы состоит в том, что все перемены протекают в конституционном поле, но по содержанию носят характер «институциональной революции», сохраняется институциональный и политический плюрализм. На нынешнем этапе российской трансформации проблематика «демократического транзита» все больше сливается с модернизационной. Основные векторы реконструкции государственности: этатизм (речь идет о современной версии этатизма, предусматривающей сохранение в ограниченных масштабах плюрализма и политической конкуренции, где главным ограничителем выступает состояние экономики и общества, а не авторитарное насилие власти); «партизация» системы власти (создание политической партии «доминантного» типа и создание политической системы с ограниченным плюрализмом и конкуренцией); корпоративизм (т.е. «либеральная разновидность корпоративной системы, так называемый неокорпоративизм, предполагающая институционализацию интересов и их взаимодействие с системой власти в форме, совместимой с регулярными выборами и политической конкуренцией) и ориентация на модернизацию направлены на решение важнейшей задачи — сохранение национального государства¹⁷.

Систематическое проявление политической воли из единого и сильного центра сегодня налицо. Но процедура подготовки решений проходит в рамках «режима консультаций» (практика «нулевого чтения» в Государственной Думе и подключение элиты бизнеса к подготовке основных экономических законов), который все больше за-

мешает публичный политический процесс подготовки и принятия политических решений. Содержание, как и прежде, определяется политической торговлей между участниками. Но: Кремль стал центральным партнером, а объем политических ресурсов, находящийся в его распоряжении, неизмеримо увеличился. На авторитаризм в обычном понимании это не похоже; хотя политическая автономия участников сократилась, политическая торговля осталась. Усилилось лишь принуждение к консенсусу. Стратегия деавтономизации переплетается со стратегией кооптации. Практика показывает, что через согласования и компромиссы можно проводить целенаправленный курс преобразований — в рамках конституционного поля и сохранения институционального и политического плюрализма. Эту сторону не следует игнорировать: моноцентрический режим достаточно открыт для широкого круга интересов и сил, готовых к политическому сотрудничеству. Но их поведение регламентируется новыми правилами; все это расходится с классическими представлениями об авторитарном режиме¹⁸.

При всей неравномерности и последовательности новой истории российского государства, следует отметить, что минимальная готовность к «демократическому транзиту» все-таки была. Иначе не было бы и готовности продолжать курс реформ после прошедших лет новой истории. Но чтобы состояться и быть успешной, в российской модернизации обязательно присутствие демократической составляющей¹⁹. Предпринимаемые сегодня усилия власти в целом можно рассматривать как шаг на пути к национальному государству.

¹⁷ Неокорпоративизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине // Pro et Contra, февраль 2002.

¹⁸ Russian Presidential Election in 2000 and its Implications. Monthly Bulletin on Trade with Russia and East Europe. Japan association for Trade with Russia and Central — Eastern Europe, Institute for Russia and East European Economic studies, April 2000. P. 22—60.

¹⁹ Миграция А. Россия: от хаоса к порядку? // Вся политика / под ред. В.Д. Нечаева и А.В. Филиппова. М.: Европа, 2006. С. 260—263.

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ

И.А. Козлова

Каждое общество сталкивается с феноменом бюрократии и пытается бороться с негативными ее проявлениями. Россия не исключение. На протяжении столетий в нашей стране господствовала авторитарно-политическая культура, составной частью которой является бюрократическое управление. Но в какой мере можно говорить о проявлении бюрократизма как общей тенденции русской культуры? Смена социально-политического устройства не приводит к немедленному изменению ментальности и внутренних настроений людей. Поэтому в ежедневных проявлениях бюрократизма постоянно угадываются тени прошлого, которые оставили глубокий след в индивидуальном и коллективном сознании общества.

Затрагивая историографию феномена бюрократии в России, важно отметить, что, несмотря на актуальность данной проблемы, социальные науки еще не имеют надежной теории, объясняющей природу бюрократии на различных этапах общественного развития. Причиной тому служит то, что тема была практически закрыта для исследований. В советское время в основном разрабатывались общие проблемы социального управления и критиковались западные теории в этой области. Свою оценку бюрократии, которую никто из советских социологов не решался пересмотреть или оспорить, давал еще В.И. Ленин, отмечая ее «всевластие», но его оценка распространялась на дореволюционные времена, где господствовали капиталистические производственные отношения, которым и служила старая государственная машина подавления и угнетения. Но слом старой машины не привел к ликвидации бюрократии, она приобрела другие формы и совсем дру-

гие властные возможности. Его последователи, учитывая мощь и традиции бюрократии в России, находили определенную форму компромисса с ней. Они проводили отдельные декларативные кампании, не задаваясь целью глубокого исследования. После 1985 г. вопросы, связанные с технологией управления, продолжали разрабатываться. Проблемы бюрократии затрагивались во многих работах перестроечного периода, начало которым было положено многочисленными публикациями в периодической печати. Позже многие из них легли в основу первых изданий по этой теме. Для них характерны определенный эмоциональный настрой и антибюрократическая эйфория, в которых ярко выражались стремление высказаться о назревших проблемах общества и твердая уверенность в возможности их быстрого решения. Научная разработка проблемы бюрократии и бюрократизма началась лишь с 1985 г. В основном это были работы, обращенные к анализу нашего недавнего прошлого. Появились научные публикации, в которых было показано, что бюрократия остается значимым фактором истории и нашего сегодняшнего дня. Вышли в свет и работы, в которых утверждается, что на рубеже 20–30-х годов Сталин осуществил государственный переворот, и в дальнейшем своем развитии Советское государство опиралось не на живое творчество масс, как требовал Ленин, а на партийно-государственную бюрократию. Но можно ли говорить о живом творчестве масс, если практически оно рано или поздно трансформируется в живое творчество отдельных людей, которое с течением времени превращается в живое бумаготворчество?

Современные западные социологи и политологи считают бюрократизацию социальных и политических отношений самоочевидным фактом. Еще Макс Вебер, которого некоторые из его современников склонны были называть «свирипым», в начале века говорил, что на горизонте современной цивилизации маячит бюрократия древнеегипетского типа, усовершенствованная по последнему слову науки и техники. Другим интересным исследователем феномена бюрократии является всемирно известный английский публицист-сатирик, историк и политолог С.Н. Паркинсон. Его работы написаны очень живым языком со свойственным англичанам юмором, не без помощи которого вскрываются всеобщие законы кошмарной бюрократической нелепицы.

*Рациональная бюрократия
и ее отличительные черты*

Преодоление бюрократических тенденций не должно препятствовать эффективному функционированию рациональной бюрократии, которая как кадровая и исполнительная основа деятельности организаций рассматривалась многими авторами.

Первым ученым, давшим систематизированный анализ государственной бюрократии, был немецкий социолог М. Вебер (1864–1920). Основным источником, в котором наиболее полно представлена теория бюрократии немецкого социолога, является его фундаментальный и итоговый труд — «Хозяйство и общество» (1922 г.), который остался незавершенным. Проблема власти бюрократии рассматривалась Вебером в политических статьях, в частности в его статье «Парламент и правительство в преобразованной Германии» (1917 г.)¹.

Вебер выдвинул концепцию идеальных типов власти (трех типов легитимного господства)²: легального (рационального), традиционного и харизматического. Все три типа власти определяются мотивами подчинения или характером легитимности, признанной управляемым индивидом. Рациональное господство основывается на вере в обязательность легального установления и в легальность носителей власти, осуществляющих господство; традиционное (патриархальное) — основано на вере в священный характер старых традиций и в легитимность тех, кто в силу традиций призван осуществлять власть; харизматическое господство предполагает выходящую за рамки обыденной личную преданность, вызванную наличием священного дара или доблести у какого-то человека, и доверие к найденному или установленному им порядку.

От «первичного» патриархализма производный патримониализм отличается прежде всего тем, что в распоряжении правителя оказываются подчиненные лично ему военная сила и аппарат чиновников (отсутствующий при патриархализме), позволяющие ему в некоторых случаях не считаться с предписаниями традиции. При патримониальном господстве назначение на государственную должность зависит от милости монарха, которая может быть оказана лишь лично преданным ему слугам. Границы полномочий различных чиновников являются неопределенными и устанавливаются в ходе борьбы за власть, которую ведут между собой эти чиновники. Чиновник рассматривает свою власть (должность) как личную привилегию. Когда традиция не требует от него обязательного совершения каких-либо действий, они производятся по собственно-

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990 ; Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранные произведения / пер. с нем., сост. и общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1995.

² Вебер М. Идеальный тип рациональной бюрократии / Масловский М.В. политическая социология бюрократии / Институт социол. образования Рос. центра гуманит. обр. / отв. ред. А. Согомонов. М., 1997.

му усмотрению и нередко лишь в расчете на вознаграждение. Таким образом, наряду с личностным характером отношений власти патримониальное управление отличает собственническое отношение чиновников к занимаемой должности и связанным с ней экономическим преимуществом.

Отсутствие регулярного денежного жалования у чиновников в патримониальном режиме компенсируется бенефицием (представляющим собой, к примеру, земельный участок), который дается им, как правило, пожизненно и предполагает определенные «права на должность» и тем самым ее присвоение. Присвоение должностей делает обладающих ими чиновников практически несменяемыми, что позволяет им накладывать существенные ограничения на власть патримониального правителя и противодействовать любым планам последнего, не отвечающим их собственным интересам. В результате в патримониальном государстве происходит непрерывная борьба между правителями и чиновниками.

Вебер характеризует патримониальное чиновничество и рациональную бюрократию как два во многих отношениях противоположных типа, но не проводит между ними непреодолимой границы. Промежуточное положение между этими двумя типами занимает в его теоретических построениях патримониальная бюрократия. Согласно Веберу при чисто традиционном господстве управленческий персонал не обладает такими чертами бюрократической администрации, как четкое разграничение полномочий, рациональная иерархия должностей, назначение на основе добровольного контракта, специальная подготовка как условие занятия должности и постоянное денежное жалование. Однако все вышеперечисленные признаки, кроме, по-видимому, лишь контрактно-договорных отношений, могут в той или иной мере присутствовать в патримониальной бюрократии.

Таким образом, в отличие от чисто традиционных управленческих структур, патримониальная бюрократия содержит и некоторые рациональные элементы. Но определяющим признаком патримониальных бюрократий (как и патримониального управления) служит личностный, а не формально-правовой характер отношений власти. Поэтому элемент иррационализма неизбежно присутствует в патримониальной бюрократии, поскольку глава такой бюрократии не связан какими-либо формальными правилами и во многих случаях может действовать совершенно произвольно.

Как указывает М.В. Масловский³, понятие «патримониальная бюрократия» в работах М. Вебера обозначает, по-видимому, не идеальный (чистый) тип, а лишь конкретные примеры управленческих структур, обладающих определенными рациональными чертами, но действующих в условиях традиционного господства. Помимо личностных отношений между главой государства и чиновниками, патримониальные бюрократии отличает тенденция к апроприации государственных должностей занимающими их чиновниками. Основу власти патримониальной бюрократии образует прежде всего присвоение чиновниками должностей и связанных с ними привилегий и экономических преимуществ. Но определенное развитие тенденции к такому присвоению означает утрату чиновничеством бюрократического характера и трансформацию патримониальной бюрократии в децентрализованное «сословное» господство, которое уже не является бюрократическим.

Если патримониальные государства существовали повсеместно в различные исторические эпохи, развитый бюрократический аппарат сформировался в

³ Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997. С. 50.

них лишь в отдельных случаях. Историческими примерами относительно высокоразвитых форм бюрократического управления в условиях патримониального государства служат Веберу бюрократии, существовавшие в Древнем Египте, в Китае, в поздней Римской и Византийской империях, а также в Западной Европе в эпоху абсолютизма.

Рациональная бюрократия исследуется Вебером в ходе анализа легального господства. Для такого господства характерно, что члены организации подчинены системе безличных абстрактных правил, которые могут быть изменены в соответствии с принятыми процедурами. Наиболее чистый тип легального господства осуществляется бюрократическим управленческим аппаратом, который состоит из чиновников, действующих в соответствии со следующими принципами⁴:

- 1) они лично свободны и подчинены власти только в том, что касается их безличных должностных обязанностей;
- 2) они организованы в четко установленную иерархию должностей;
- 3) каждая должность обладает строго определенной сферой полномочий;
- 4) чиновник занимает должность на основе добровольного договорного соглашения;
- 5) кандидаты на замещение должности отбираются на основании их специальной квалификации на конкурсной основе по прохождении экзаменов или по предпочтению дипломов, что требует от кандидатов наличия соответствующего специализированного образования;
- 6) чиновники назначаются на должность, а не избираются;
- 7) вознаграждением служит постоянное денежное жалованье с правом на пенсию;
- 8) должность рассматривается как единственный или, по крайней мере,

основной род занятий занимающего ее лица;

9) существует система служебного продвижения в соответствии со старшинством или заслугами;

10) чиновник отделен от владения средствами управления и не присваивает свою должность;

11) он подчинен в своей деятельности жесткой и систематической дисциплине и контролю;

Эти принципы и должны лежать в основе рациональной бюрократии.

Вебер отмечал, что повсеместное распространение бюрократии (в государственном аппарате и политических партиях, в университетах, в армии и т.д.) вызвано прежде всего тем, что она оказывается более эффективной, чем любая другая форма управления. Точность, надежность, быстрота, безличность, дисциплина, предсказуемость, знание, постоянство управленческого процесса и преемственность, унифицированность, единоначалие, субординация, специализация, сведение к минимуму конфликтов и экономичность — все это, считает немецкий социолог, достигает наивысшего развития в бюрократической организации. Кроме того, бюрократическая организация — наиболее рациональное институциональное устройство для решения сложных задач управления в современном обществе, и основа ее рациональности состоит в обезличенности ее функционирования, что дает гарантии от произвола конкретных исполнителей. Тенденция бюрократизации современного — массового общества (как и процесс рационализации) определялась немецким социологом как «судьба эпохи»⁵.

По мнению Вебера, бюрократия в современном ему обществе представляет собой не просто безличный инструмент управления, но также и особую социальную группу со своими собствен-

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 650.

⁵ Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997. С. 76–98.

ными взглядами и ценностными ориентациями («кодексом чести»). Например, помимо чувства служебного долга, такой кодекс подразумевал гордость чиновников своей беспристрастностью, высокой компетентностью и истинным пониманием национальных интересов, что, с точки зрения самих служащих, возвышало их над членами парламента и представителями общественности. Но под видом интересов государства они во многих случаях отстаивали свои собственные интересы. Последние включали в себя прежде всего заинтересованность в уменьшении власти и значения парламента, а также и любых других неподконтрольных бюрократии социальных сил и, напротив, расширении сферы влияния самого бюрократического аппарата.

По Веберу, идеальный тип рациональной бюрократии не предполагал наличия в руках чиновников какой-либо власти, выходящей за пределы их полномочий, определенных формальными правилами. Но на практике власть бюрократии в его время была очень значительной. Эта власть опиралась, как и сейчас, на знание, которым обладает бюрократический аппарат, на специальные навыки, полученные чиновником в ходе профессиональной подготовки, на специальные источники информации.

Предельная реализация бюрократией стремления к монополии на власть может привести к установлению «господства чиновников», т.е. к такому политическому режиму, в котором функция определения политики узурпируется бюрократическим аппаратом. «Под господством чиновников Вебер понимал такое положение дел, — пишет Д. Битем, — когда бюрократия занимает ведущие государственные посты либо формально, если чиновники назначаются на министерские должности, либо неформально, если в результате слабости политического лидерства чиновники фактически присваивают себе функцию определения

политики»⁶. Германия и Россия начала XX в. служили Веберу примером стран, в которых «господство чиновников» приняло довольно развитую форму: за фасадом монархической власти скрывалось бесконтрольное правление бюрократии.

Вебер утверждал, что политический глава административного аппарата, если только он не обладает достаточной компетентностью в вопросах управления и не имеет независимых источников информации, оказывается беспомощным перед лицом специализированного чиновничества. Если политик не стремится выработать механизмы эффективного контроля над бюрократическим аппаратом, то победа в борьбе за власть оказывается бесполезной, ибо бюрократия перехватывает инициативу и преобразует любые политические вопросы в административные.

Вебер считал, что способность бюрократии влиять на выработку политического курса имела крайне негативные последствия, что было обусловлено прежде всего отсутствием у чиновников качеств, необходимых подлинному политическому деятелю. Вебер подчеркивает существенные различия между чиновником и политиком как двумя во многом противоположными типами⁷. Идеальный тип чиновника включает следующие человеческие свойства:

- готовность выполнить любой приказ;
- бесстрастность и безличность;
- умение эффективно действовать в рамках существующих законов и предписаний;
- профессиональная квалификация;
- предпочтение чувства долга всем остальным.

За собственно политический курс чиновник не несет личной ответственности.

⁶ Цит. по: Масловский М.В. Теория бюрократии Маркса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород, 1997. С. 65.

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 545.

Вебер полагал, что чиновник не должен делать именно то, что всегда и необходимым образом должен делать политик, — бороться. Ибо принятие решений, борьба и страсть — стихия политика, который должен рисковать своей карьерой, отстаивая собственный курс, и быть готовым уйти в отставку в случае его неудачи. Политик должен быть свободным в своем мышлении, суждениях и действиях, уметь бороться за власть, находить сторонников и союзников, заключать компромиссы и обладать независимым материальным положением.

Таким образом, бюрократия, которая служит эффективным орудием управления в современном обществе, совершенно не подготовлена к тому, чтобы исполнять функцию определения государственной политики. Вторжение бюрократии в политическую сферу, когда она превращается из исполнителя в орган принятия политических решений, расценивалось Вебером как злоупотребление властью.

Вебер называет бюрократический аппарат машиной. Но если обычная машина безжизненна, то бюрократическая машина — живая, причем обе машины представляют собой сгустившийся, застывший дух⁸. И коль скоро это обстоятельство дает уже мертвой машине власть принуждать человека к служению ей («как это происходит на фабрике»), в тем большей степени его подчиняет «живая машина» бюрократической организации. Доведение до конца универсальной бюрократизации в условиях всевластия государственной бюрократии, создающей адекватную себе форму капитализма — государственный капитализм, означало бы превращение этого общества в единую фабрику со строго иерархизированными отношениями, вновь заставляющими вспомнить об индийском или египетском кастовом строе.

Таким образом, бюрократия в позднебуржуазном обществе, по мнению Вебера, способна превратиться в практически неконтролируемую обществом группу с особым «статусом». Это, в свою очередь, может вызвать конфликт между нею и институтами буржуазной демократии. Перспективы разрешения такого конфликта виделись социологу в неблагоприятном для «демократии» свете. Сама крупномасштабность госмонополитических структур, сложность задач управления большими системами делали технически невозможной «непосредственную» демократию и лишали тем самым массы управляемых тех свобод, которыми они еще располагали в эпоху домонополистического, «либерального» капитализма.

Как уже отмечалось ранее, теория бюрократии Вебера стала вершиной классического рационализма и во многом послужила основой для развития административных наук в XX столетии.

Дальнейшее развитие теорий бюрократии происходило по двум основным направлениям. Первое направление связано с развитием государственного аппарата управления, а второе — с развитием промышленности, в результате которого исследовалось новое содержание управленческих функций, связанное прежде всего в современном понимании с менеджментом и теорией организации. Кстати сам Вебер различал две формы бюрократии — государственную и частную, что дало основание считать его одновременно и классиком теории организаций, и основоположником современных концепций государственной бюрократии.

Дальнейшее развитие теория бюрократии получила в XX в. в трудах представителей «классической школы» (А. Файоля, Л. Уайта, Л. Урвика, Д. Мини и др.), одной из целей которой была разработка принципов административно-государственного управления.

Французский ученый А. Файоль сформулировал 14 общих принципов

⁸ Зверев А.Ф. Теория бюрократии: от М. Вебера к Л. Фон Мизесу // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 89.

управления: разделение труда, власть (право отдавать распоряжения и сила, принуждающая им подчиняться), дисциплина, единство распорядительства, единство руководства, подчинение частных интересов общим, справедливое вознаграждение персонала, централизация, иерархия, порядок (каждый должен знать свое место), справедливость (равная оплата за равный труд), постоянство состава персонала, инициатива, единение персонала («корпоративный дух») ⁹.

Именно эти принципы, по мнению Файоля, должны позволять сформулировать рациональную и эффективную систему управления, лишенную критических точек (узлов), связанных с принятием и реализацией конкретным элементом управления (чиновником, бюрократом) управленческого решения.

В 30-е годы возникла школа «человеческих отношений» как реакция на недостатки классического подхода, в ответ на его неспособность осознать человеческие отношения в качестве основного элемента эффективности организации. Представители этого направления (например, американские ученые А. Маслоу, Э. Мэйо, М. Фоллет и др.) сделали акцент на организации как человеческой системе, на социологических и социально-психологических аспектах поведения ее членов. В своих исследованиях они обратили внимание на анализ психологических факторов, вызывающих удовлетворенность работников своим трудом, поскольку в ряде экспериментов удалось добиться повышения производительности труда за счет улучшения психологического климата и усиления мотивации.

Дальнейшие исследования показали, однако, что хорошие отношения между служащими не ведут автоматически к увеличению производительности труда административных организаций, а мотивация, ориентирующая сотрудников на достижение высоких результатов, имеет более важное значение, чем простая удовлетворенность работой.

В рамках движения за человеческие отношения были разработаны различные мотивационные модели, которые используются в теории административно-государственного управления.

Так, А. Маслоу разработал иерархию потребностей, которая вошла во все учебники по научному управлению. В соответствии с его концепцией мотивами поступков людей являются в основном потребности не экономические (как полагали «классики»), а социальные, эгоистические, позволяющие реализовывать творческие и другие возможности, которые могут быть лишь частично и косвенно удовлетворены с помощью денег. А. Маслоу указал, что после удовлетворения одной потребности индивидуум переходит к удовлетворению другой, от элементарных потребностей к более высоким, создавая определенную их иерархию. «Пирамида основных потребностей», с точки зрения американского социолога, включает следующие элементы (по восходящей): психологическое равновесие — безопасность — принадлежность к группе — уважение — самореализация. Основываясь на этих выводах, А. Маслоу рекомендовал использовать приемы управления человеческими отношениями, включающие создание благоприятного психологического климата в коллективе, консультации со служащими и предоставление им более широких возможностей для реализации своего творческого потенциала в работе ¹⁰.

Основное внимание необходимо уделить функциональному подходу к исследованию бюрократии, ярким представителем которого был американский

⁹ L'art et le science de la gestion / A. Faeuil, G. Emerson, F.Taylor, G. Forg. Paris, 1997. P. 20–86.

¹⁰ Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2000. С. 41.

социолог А. Гоулднер. Бюрократия рассматривается им как нормальный и «здоровый» институт, а негативные проявления бюрократической практики в виде формализма, косности, волокиты и т.д., т.е. всего того, что обозначается термином «бюрократизм», характеризуется как дисфункции, «патологии».

А. Гоулднер в своих работах отмечает: «Мелочная опека загоняет управление в порочный круг: начальник видит отсутствие мотивации у работников, он начинает бдительно следить за ними и придирается к ним, это вызывает недовольство работников и усиливает их апатию. Начальник приходит к тому, с чего начал. Мелочная опека не решает проблем». Таким образом, правила, выработанные для того, чтобы, устраняя личное начало, уменьшить или устранить напряженность, свойственную отношениям подчинения и контроля, в результате закрепляют эту напряженность «подхлестыванием» низкой мотивации работников¹¹.

В целом западные ученые отмечают, что бюрократическое управление эффективно, если условия среды постоянны, а управленческие задачи и ситуации являются однотипными. Если же проблемы разнообразны, быстро изменяются, выступают в различных аспектах и взаимосвязях, то бюрократическая организация сталкивается с трудно преодолимыми препятствиями, принципы иерархии, специализации, безличности и нормативного регулирования всех сторон деятельности организации только усугубляют ситуацию. Так, следование правилам может привести к отсутствию гибкости. Безличный характер отношений порождает бюрократическое безразличие и бесчувственность. Иерархия препятствует проявлению индивидуальной ответственности и инициативы.

Очень часто административная деятельность бюрократии рассматривается в тесной взаимосвязи с поли-

тическими аспектами, но в контексте настоящей работы мы рассматриваем бюрократию лишь с «государственно-управленческой» («технической») точки зрения.

С начала 60-х годов для изучения бюрократии стали широко использоваться системный подход (Д. Истон, Г. Алмонд и др.) и ситуационные теории¹².

Проведенный анализ основных теоретических подходов к исследованию проблем рациональной бюрократии показывает, что представители разных школ прежде всего акцентируют внимание на разных аспектах: либо на формально-структурных, либо на человеческих сторонах административной организации. При этом каждая из теорий выявляет в объекте исследования присущие ему элементы и процессы, которые существуют как противоречивое взаимодействующее единство, что позволяет этим теориям сосуществовать, дополнять или конкурировать друг с другом, расширяя тем самым поле общего научного поиска, органично включающее достижения различных научных школ.

В условиях современной России значимость изучения рациональной бюрократии и ее эффективного использования на благо развития общества новоготипа приобретает особое значение. Во многом это связано с изменением экономического базиса и политической надстройки общества.

Таким образом, практически все авторы единодушны в оценке бюрократии, но существуют разные подходы к определению его истоков и, исходя из этого, к методам его преодоления, а также и к самой возможности такового. Автор данной статьи ставит перед собой задачу по возможности представить точки зрения различных исследователей на феномен бюрократии в целом и российской бюрократии в частности, его социальную и

¹¹ Василенко И.А. Указ соч. С. 41.

¹² Kast F.E., Rosenzweig J.E. Organisation and management. A Systems and Contingency Approach. N.Y., 2000.

политическую сущность, современные проблемы, связанные с бюрократизмом, и возможности преодоления его проявлений.

Периоды имперской и советской бюрократии

В России орудием управления государством всегда выступала бюрократия. Можно говорить, что в нашей стране публичная политика, в которой участвует все общество, появилась достаточно поздно. А именно — 17 октября 1905 г., в день обнародования царского манифеста, который провозгласил создание Государственной Думы, свободу печати, слова и собраний. Появилась возможность выражать интересы, отличные от интересов государства, законным образом, в рамках парламента, а не в закулисной борьбе и путем заговоров. Это и означало рождение феномена политики в современном понимании. Ведь политика есть столкновение разнонаправленных интересов. В условиях монополии государства на политическое управление истинной политике, с участием всего общества, места нет, она поглощена административным управлением. Вот почему можно утверждать, что в России административное управление традиционно замещало полноценную политику.

Особенностью российского управления было то, что административно-политическая бюрократия у нас выступала в качестве элиты. Вот почему российская элита (бюрократия) была иерархически организованной. Это радикальным образом отличает российскую политическую элиту от западной. Западный политический истеблишмент формируется в процессе сложного взаимодействия двух сторон — государства и гражданского общества. Поэтому там элита никогда не является монолитным образованием, представляя собой некую совокупность властных групп. Теории плюрализма довольно точно описывают структуру западной политической элиты.

У нас же в течение длительных исторических периодов высший эшелон бюрократии выступал в качестве единого властного класса Российского государства.

Нельзя сказать, что жизнь российского чиновника была особенно радостной. Тем не менее отношение к чиновнику в России всегда было резко негативным. Не случайно в русской литературе практически невозможно найти хоть сколько-нибудь положительный образ чиновника. Лучшее, что приходит на память, — это Алексей Каренин; да и то авторские (а следовательно, и читательские) симпатии отнюдь не на его стороне, хотя дело происходит в 60-е годы XIX в. — пожалуй, в «звездный час» российской бюрократии, и вполне вероятно, что он допоздна засиживался как раз над проектом одной из великих либеральных реформ.

Широко распространено утверждение, что чиновников в России всегда было чрезвычайно много, однако их было значительно меньше, чем требовалось. В середине XVIII в. в Пруссии пропорционально площади ее территории чиновников насчитывалось в десять раз больше, чем в России. Соотношение численности правительственного аппарата и численности населения у нас всегда значительно отставало от соответствующих показателей развитых европейских государств. В середине XIX в. в России на десять тысяч человек приходилось двенадцать-тринадцать чиновников, что в три-четыре раза ниже аналогичных показателей в странах Западной Европы. К началу XX в. численность управленческого аппарата составляла треть численности населения во Франции и половину — в Германии¹³.

Бытующее мнение о всесии чиновничества обусловлено не столько численностью последнего, сколько его неэффективностью. Среди важнейших

¹³ Гаман-Голутвина О.В. Иерархический за-
ряд // Персона. 2004. № 1. С. 6–11.

причин этой неэффективности следует назвать низкий уровень оплаты значительных категорий чиновничества, негибкость системы чиновпроизводства, необоснованно высокую роль сословных привилегий в процессе карьерного продвижения, невысокий уровень образования. Результат — разграбление государственной казны. Это, пожалуй, и есть та главная причина, по которой население так негативно относилось к чиновничеству.

В СССР дореволюционная иерархия должностей была реанимирована и воспроизведена в виде номенклатурной системы. В этом отношении советская эпоха распадается на два существенно различных периода — раннесоветский и позднесоветский¹⁴.

Раннесоветский период отмечен серьезными достижениями, когда был реализован проект индустриальной модернизации страны, что действительно преобразовало страну. И во многом благодаря тому, что Сталин использовал петровские идеи. Вообще реформы Петра I стали важным этапом в истории российской бюрократии, внесли существенные изменения в чиновничий аппарат. Наиболее значимые из этих перемен — замена принципа служебной доблести в качестве основания служебного продвижения и введение Табели о рангах, изменившей чиновничью иерархию.

Табель о рангах положила конец замкнутости отдельных категорий чинов. Петр I продвигал «служилых» людей по принципу личной доблести и служебной заслуги. В период его государственного правления даже высшие государственные должности оказались доступны для представителей различных слоев общества. Чем более значимы заслуги перед государством, тем выше получаемая за заслуги должность и выше зарплата. В основе иерархии должностей — иерархия заслуг. Критерием выдвижения в рамках петровской Табели о рангах ста-

ли заслуги на ниве служения государству и обществу.

Другое дело, что в реальной практике эта иерархия искажалась. «Птенцы гнезда Петрова» отличались не только крупными заслугами перед государством, но и неслыханным мздоимством. Самый яркий пример явил Меншиков, прославившийся и заслугами перед государством, и страшным казнокрадством. После отставки «светлейшего» инвентаризация его состояния показала, что только денежная часть превышала годовой бюджет Российской империи.

Но, несмотря на все это, идея Петра Великого была революционной — чем лучше ты служишь обществу, тем лучше ты живешь. Государство становится воплощением идеи общего блага населения, живущего на данной территории. Эту идею Петра и унаследовал Сталин. Суть сталинской революции сводилась к возможности вертикально мобилизоваться тем, кто был к этому способен. Подразумевалось, что чем значимее заслуги перед государством, тем выше позиция человека в служебной иерархии и тем больше он получает. Зарплата сталинских наркомов отличалась от средней по стране на порядки. Столь же значительным был разрыв и в других сферах — науке, культуре, образовании¹⁵.

Однако на смену этой модели пришел знаменитый брежневский принцип «стабильности кадров». Он предполагал стабильность пребывания у власти, низкую степень ротации кадров и падение разрыва в доходах между разными категориями госслужащих. Эта мера, только на первый взгляд кажущаяся социально справедливой, на самом деле лишь тормозила возможности профессионального продвижения. Нивелирование стимулов профессионального продвижения стало ахиллесовой пятой советской системы. В этом отношении иерархия — достижение, поскольку она делает до-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории : в 8 т. М., 1958. Т. 3. С. 12.

ступной вертикальную мобильность, возможность для способных и энергичных людей пробиться наверх.

Современная российская бюрократия

Сегодня бюрократия уже не выполняет функции политической элиты. Теперь истеблишмент формируется в процессе сложного взаимодействия между различными элитными кланами. А администрация высшего уровня выступает как объект конкуренции между соперничающими политико-финансовыми кланами. И хотя бюрократия по-прежнему стремится играть ведущую роль, тем не менее, она уже не является безраздельно доминирующей, как это было в Российской империи и в СССР. Можно сказать, что социально-экономические реформы 90-х годов стали революцией даже более глубокой, чем та, что произошла в 1917 г. Потому что тогда на смену царской бюрократии пришла советская номенклатура, формировавшаяся по тому же принципу «привилегии за службу». Хотя с точки зрения идеологического антуража она радикально отличалась.

За 90-е годы в нашей стране поменялось практически все, кроме административной машины. Ее лишь «на ходу» пытались подстроить под решение новых задач. Изменения происходили либо ситуативно, либо по принципу «перетягивания каната», т.е. на основе зачастую несовместимых взглядов на развитие госслужбы. Это отразилось и в первом в нашей истории Законе 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации», явно отразившем борьбу двух подходов — демократического и корпоративного. За одним стоят намерения привести наш госаппарат в соответствие с современными стандартами и потребностями, за другим — желание создать режим воспроизводства и неприкосновенности чиновничьей корпорации.

В целом сегодня можно говорить о том, что качество госаппарата снизилось, а хаотичность, неэффективность, а зачастую и контрпродуктивность его дей-

ствий возросли. Помимо двойственности Закона, непосредственных причин тому несколько. Во-первых, произошло «вымывание квалификации». Лучшие кадры аппарат покинули, а адекватной замены им не нашлось. Число вакансий, которые не удается заполнить, исчисляется в некоторых ведомствах сотнями. В то же время доля работников предпенсионного и пенсионного возрастов составляет в ряде министерств около половины персонала. Во-вторых, с исчезновением прежней «хозяйки» аппарата — КПСС, к сожалению, не произошло его поворота к обычному для демократических стран статусу «слуги общества». Скорее, между разными силами в течение нескольких лет шла борьба за роль его нового «хозяина». А это, разумеется, придало аппарату большую самостоятельность, меньшую подконтрольность, что, в свою очередь, стимулировало рост коррупции и позволило легализовать кастово-корпоративные интересы бюрократии. Последнее нашло отражение, в частности, и в возрождении «табели о рангах». В-третьих, утратили силу прежние нормы административной морали, составлявшие своего рода неформальный «этический кодекс» чиновника. Конечно, советская версия этого «кодекса» была крайне далека от совершенства. Но проблема в том, что сегодня до сих пор вместо «этического кодекса чиновника» не сложилось никакого другого, а возник моральный вакуум с присущими ему вседозволенностью, тотальным цинизмом, коррупцией. В итоге, хотя закон заложил юридическую базу и для позитивных перемен, все же думается, что в нынешнем состоянии аппарат не отвечает современным, и тем более перспективным, потребностям общества и служит скорее тормозом, нежели мотором преобразований¹⁶. Любой аспект жизни и деятельности политико-управленческой

¹⁶ Оболенский А. В. Бюрократия для XXI века? М., 2002. С. 144–157.

элиты, к которой, безусловно, относится бюрократия, — это проблема прочности и эффективности власти, ее жизнеспособности и авторитета. Ведь бюрократия как аппарат государственного органа играет роль, образно выражаясь, центральной нервной системы общества. Бюрократическое управление — это управление в рамках четко разработанных правил и предписаний.

Но у бюрократии сегодня еще слишком много недостатков, которые необходимо ликвидировать для того, чтобы этот аппарат государственного института мог функционировать продуктивно и своим существованием облегчать, а никак не усложнять жизнь людей, которым часто приходится сталкиваться именно с недостатками аппарата. Сегодня демократическое общество нуждается в социально продуктивном бюрократическом аппарате, т.е. в таком руководстве, которое:

1) искренне стремится к решению проблем, касающихся развития общества в целом, когда в его деятельности доминируют не эгоистические, узкокорпоративные интересы, а интересы общественного развития в целом. Иначе говоря, если ему присущ тип деятельности, который Аристотель при классификации политических режимов называл «правильным». Разумеется, такая бюрократия не будет также забывать или пренебрежительно относиться к интересам доминирующего в данный исторический момент слоя, из которого она сама вышла и частью которого является. Но ее деятельность только тогда будет социально продуктивной, если интересы этого слоя в определенной степени будут совпадать с интересами общественного прогресса или когда она, элита, сможет обеспечить процесс подключения других социальных слоев к деятельности слоя, утрачивающего историческую перспективу;

2) обеспечивает возможно более широкое — для данных исторических условий — участие социальных сил в управ-

лении обществом, т.е. если вектор ее деятельности направлен на расширение демократических начал в социальном управлении;

3) умеет налаживать «демократический» тип отношений не только с гражданским обществом, но и с другими (неполитическими) элитами;

4) способно построить идеальную систему связи и отношений внутри себя, между разными входящими в ее состав субъектами¹⁷.

Решение этих и других задач и способно обеспечивать стабильность развития общества. Это в принципе и есть то, что входит в обязанности бюрократического аппарата.

Существуют ли способы преодоления проблемы?

Современные исследователи отвечают на этот вопрос с различной степенью оптимизма. Российские специалисты в области теории управления, понимая всю сложность этой проблемы, тем не менее предлагают основные направления, по которым можно выйти из этого тупика. Сложность преодоления заключается прежде всего в том, что у бюрократии очень прочны традиции, которые отложили свой отпечаток на каждого человека. Родившись, человек начинает сложный путь социализации, которая пронизана сложнейшими иерархическими системами. В этих системах и подсистемах человек приучается играть множество социальных ролей, не все из которых исполняются искренне. Растущий конформизм, попадая в питательную почву, способен развиваться в закоренелый бюрократизм. Поэтому различные проявления бюрократизма свойственны нам всем, это — глубинная часть нашего «Я», и начинать сложный путь выхода из этого лабиринта следует прежде всего с самоанализа и самопреодоления.

¹⁷ Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999. С. 345–348.

Многие исследователи сходятся во мнении, что существенным противодействием бюрократическим тенденциям может стать демократизация общественной жизни, совершенствование системы управления и создание правового государства. Так, Конституция Российской Федерации 1993 г. предусматривает право граждан обжаловать в судебном порядке решения и действия (или бездействие) органов государственной власти местного самоуправления и должностных лиц. Другими немаловажными принципами, сдерживающими тотальную или «универсальную» бюрократизацию, должны стать развитие частно-хозяйственной деятельности и децентрализация в управлении экономикой. Кроме того, должна быть хорошо отлажена система взаимного контроля, основанная на демократическом принципе разделения властей, а также разработана эффективная политика в отношении подбора и назначения кадров аппарата управления. Не вызыва-

ет никаких сомнений, что, для того чтобы все перечисленные мероприятия имели положительный эффект, необходимо глубокое научное исследование феномена бюрократии, проблем бюрократии и социальной природы человека, бюрократии и аппарата управления, бюрократии и государства.

Автор работы считает, что создание рационального и эффективного бюрократического аппарата в системе государственного управления возможно. Одной из сторон такого создания должно стать преодоление бюрократических и взаимосвязанных с ними тенденций, имеющих, безусловно, негативное значение. Оно должно опираться на научные концепции и теории, учитывающие исторические, национальные и другие особенности развития России, опыт построения государственных систем управления в развитых демократических государствах, использующих в том числе и элементы рациональной бюрократии.

НЕОКОРПОРАТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б.И. Макаренко

Постановка проблемы

Описание неокорпоратизма в современной России — достаточно сложная задача по нескольким основаниям. Во-первых, само это понятие многозначно; даже словоупотребление «корпоратизм» или «корпоративизм» до конца не устоялось в отечественной науке¹. Это понятие — в зависимости от контекста — может означать и государственный строй в целом, и методику агрегирования интересов, и механизм отправления политики. Корпоратизм и его версии с приставкой «нео» это — сложный политический феномен, реакция на слишком резкие перемены, это и набор политических практик, который в разных видах можно встретить и в демократических, и в недемократических государствах как в Европе, так и в Азии.

Во-вторых, описание России как государства с неокорпоративной составляющей имеет и политическое измерение: корпоративистские режимы, как правило, воспринимаются как авторитарные, близкие к своим историческим аналогам в межвоенной Европе. Представляется, что задача современного исследователя состоит в том, чтобы заметить такое политическое явление и аналитически описать его, «очистив» от политических ярлыков.

В работах последних лет, принадлежащих перу разных отечественных и зарубежных авторов, можно найти признаки одного и того же явления: наряду с «регулярными» конституционными институтами, органами власти и практи-

ками в современной России они описывают некие альтернативные системы отношений. В качестве примеров можно привести:

«Русскую систему» Ю. Пивоварова — верховенство высшей власти над всеми сферами государственной и общественной жизни, «персонифицированная верховная власть», требующая «посредствующих властей». Автор приводит слова В.О. Ключевского на совещании с государем в июле 1905 г.: «Верховная власть — защитник выраженной народной воли», т.е. (трактовка Ю. Пивоварова) парламент отражает волю народа, «ее же защитником (выразителем, охранителем, инструментом реализации) может быть только верховная власть»².

Д. Бадовский описывает «государство победившей бюрократии», которое «все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали»³.

А. Рябов описывает «феодалную архаику» властных отношений в России, которую выводит из условного характера собственности, «официальных или скрытых привилегий государственной бюрократии», отражения неготовности транзитного общества к дальнейшим переменам»⁴.

Новосибирский экономист О. Бессонова формулирует концепцию «раздаточной экономики», в которой от-

¹ В английском языке corporativism, как правило, употребляется применительно к режиму фашистской Италии при Муссолини (от итальянского corporazioni), corporatism — во всех остальных случаях.

² Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Полис. 2005. № 6.

³ Бадовский Д. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. Т. 7. 2009. № 3, май — июнь. С. 23–35.

⁴ Рябов А. Возрождение феодальной архаики в современной России: практика и идеи. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2008. № 4.

ношения собственности и накопления богатства управляются не рынком, не законом, а «служебным трудом» — бюрократией, которая стоит выше предпринимательства⁵.

Экономист Я. Паппэ отмечает, что в 2000-е годы «власть рассматривала бизнес-элиту (и любую другую социальную группу) не как партнеров, а как ресурс или инструмент своей политики. Иначе говоря, как подданных... к реальному процессу принятия решений они не допускаются, а нарушение этого запрета карается репрессиями... в 2000-е гг. лоббизм был заменен «режимом челобитных»⁶.

Д. Фурман формулирует концепцию «имитационной демократии» — сочетания демократических конституционных норм с реальностью авторитарного правления⁷.

Британский политолог Ричард Саква в готовящейся к печати книге «*The Crisis of Russian Democracy: the Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*» формулирует концепцию «дуализма» российского государства, которое сочетает «нормативное» и «административное» или «привилегированное» государство (*prerogative state*): «элементы реальной демократии имеют определенные структурные и процедурные черты, но они сдерживаются произволом административного режима». Привилегированное государство охватывает выборочные сферы — в первую очередь отношения с «врагами» и контролем над политической деятельностью.

Наконец, в концепции «суверенной демократии» зам. руководителя Администрации Президента В.Ю. Сурков отмечает такие черты, присущие в «не-

сколько сверх средней меры» российской политической культуре, как «стремление к политической целостности через централизацию властных функций... идеализация целей политической борьбы... персонификация политических институтов... Президент, находясь в центре демократической системы, является гарантом демократической конституции и сбалансированности разделенных властей — исполнительной, представительной и судебной. Нарушение этого баланса, неосторожная и несвоевременная децентрализация всегда будут ослаблять российскую демократию... Говорят, в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Однако не единственный, но важнейший»⁸.

Все описанные черты созвучны корпоратизму, правда, в сочетании описанных выше смыслов этого понятия. Вспомнив притчу о наблюдателях, описывающих слона с разных сторон, допустим, что все они подмечают разные черты неокорпоратизма в современной России.

Определение и природа корпоратизма

Крупнейший из исследователей современного корпоратизма Ф. Шмиттер определял его как «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»⁹.

⁵ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

⁶ Что развивают институты развития? (беседа А. Зудина с Я. Паппэ). URL: <http://www.politcom.ru/article.php?id=6708>.

⁷ Фурман Д. Развилка-2008 // Россия в глобальной политике. Т. 6. 2008. № 2, март — апрель. С. 17–18.

⁸ Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Владислав Сурков. Тексты 97-07. М.: Европа, 2008. С. 11–13.

⁹ Schmitter P Still the Century of Corporatism? — The Review of Politics, 1974, процитирована самим автором в: Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2. С. 15.

Возвращаясь к этой теме в гораздо более поздней статье¹⁰, он отмечал позитивное воздействие неокорпоратистских институтов на рост управляемости населения, большую сбалансированность бюджета, повышение эффективности финансовой системы, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, уменьшение нестабильности в рядах политических элит, но в то же время их существенное негативное воздействие на основной механизм демократии — конкуренцию.

Из этого определения следует, что современный неокорпоратизм — не эвфемизм «фашизма» и не синоним «недемократии» (на что отчетливо указывает и Ф. Шмиттер). В сложившихся демократиях это механизм согласования интересов, дополняющий, а не подменяющий демократический конституционный строй (и к ним определение Шмиттера неприменимо в чистом виде), а в переходных и модернизирующихся обществах — вполне закономерный феномен, который помогает решить острые проблемы, но при этом либо способствовать модернизации — этот феномен известен в политической науке как «государство развития», либо тормозить их.

Основные признаки неокорпоратизма в России — это:

Высокая (в сравнении с конвенциональными демократическими системами) степень контроля исполнительной ветви власти над законодательной, судебной, «верха над низом» в федеративной составляющей и отношениях регионов с МСУ, над гражданским обществом, партиями, частным бизнесом и медиапространством. Соответственно все остальные институты — в первую очередь партии и гражданское общество — слабы, а потому слаба и конкурентность как в экономике, так и в политике.

В стране существуют «выстроенные» властью структуры — либо «пара-

конституциональные», либо выполняющие функции гражданского общества, которые дополняют официальные институты власти, но при этом находятся под контролем власти исполнительной и выполняют не столько функции согласования интересов, сколько консультативные (в лучшем случае) или имитационные (в худшем).

Политический дискурс и стиль отношения власти и общества имеют значительное сходство как с классическими, так и с современными корпоративистскими режимами.

Неокорпоратизм в России: причины возникновения и эволюция

Причины появления в России элементов неокорпоратизма носят множественный характер.

Главной причиной представляется антагонистический характер противоречий в транзитный период. Во многом напрашивается параллель с условиями возникновения «классического» корпоратизма (особенно — в Италии) как реакции на острый конфликт модернизирующегося общества и неспособность «новорожденных» институтов политической конкуренции урегулировать эти конфликты. Россия — единственная из трех десятков посткоммунистических стран, где на протяжении почти десятилетнего периода трансформаций осуществлявшая их исполнительная власть не опиралась на поддержку законодательного большинства. Многие реформы проводились «указом» — в прямом смысле в начале 90-х годов прошлого века и с отжиманием на периферию оппозиционных законодателей — в последующие годы. Российская бюрократия обрела навык игнорирования других институтов власти, и этим навыком продолжает пользоваться.

В итоге политический режим в стране приобрел моноцентрический характер. Правящая партия является доминирующей только формально: стратегические

¹⁰ Шмиттер Ф. Указ. раб. С. 17.

решения фактически принимаются не ею, а структурами исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровне (одно из недавних свидетельств этого — скандальная отмена уже принятого законопроекта о транспортном налоге). Из 6 оппозиционных партий 2 напрямую созданы Кремлем из имевшихся полураспавшихся партийных структур («Справедливая Россия, «Правое дело»), одна — слабая и во многом тоже покровительствуемая («Патриоты России») с ЛДПР власть имеет выстроенную систему отношений, делающую партию «неопасной», лишь две партии можно назвать оппозиционными без кавычек (КПРФ и «Яблоко»), но и они не угрожают разбалансированием системы. Конкуренция на выборах явно угасает: эффективное число парламентских партий после выборов 2007 г. опустилось ниже 2 (1,92), электоральных — до 2,2. Конкуренция между партиями фактически подменяется конкуренцией областных и районных властей со своими соседями за лучший результат «партии власти» на выборах. Именно это явление охарактеризовал Д.А. Медведев как ситуацию, «когда демократические процедуры путаются с административными»¹¹.

Гражданское общество остается слабым и зависимым от государства. Из трех «зонтичных» ассоциаций делового сообщества две — ОПОРА и «Деловая Россия» создавались при прямой поддержке исполнительной власти и патронируются ею; третья — РСПП более автономна, но напомним, что вхождение в ее состав крупнейших бизнес-структур в начале нынешнего десятилетия (что придало ей неформальное название «профсоюз олигархов») также было инициировано Кремлем.

Страх перед повторением в России сценария «цветной революции» привел к ужесточению законодательства о некоммерческих организациях и появлению

провластных молодежных движений, ориентированных на «превентивное» выполнение майдана» (крупнейшим из таких движений является «Наши»).

В этом же русле следует рассматривать появление Общественной палаты, выполняющей функции публичной политики, которые в нынешних условиях не может выполнять Государственная Дума.

Вторая причина — слабость механизма исполнения решений и арбитража. Все субъекты политики и экономических отношений получили большую (в сравнении с предыдущим периодом) автономию, многие — собственность (легитимность которой до сих пор остается невысокой). Механизмы «ответственности за автономность» и за собственность формировались медленно в условиях, когда не установилось верховенство права. Перераспределяемый государством общественный продукт был относительно мал, а потому процессы перераспределения регулировались скорее неформальными практиками (в первую очередь это относится к формированию и расходованию государственного бюджета). Судебная система как арбитр работала в ограниченном объеме. Одно из важнейших следствий этого — подмечаемое и экономистами (А.А. Аузан), и социологами (Л.Д. Гудков, Б. Дубин) падение доверия граждан как друг другу, так и государству и разрыв между позитивным правом (по сути — вновь созданным за последние два десятилетия) и неформальными практиками делового общения и взаимодействия общества и государства. Это порождает и оправдание коррупции, и «жизнь по понятиям», которое на самом деле позволяет работать «привилегированному государству», осуществляющему арбитраж именно по понятиям, а не по закону.

Третья причина — это высокая роль государства в экономике, его контроль над ключевыми ресурсами. Большая часть общественного продукта, перерас-

¹¹ URL: <http://news.kremlin.ru/news/6066>

пределяемого в интересах общества, создается в узком секторе — нефть, газ, другие сырьевые ресурсы. В такой ситуации могло бы быть построено «государство развития» — описанный на опыте восточноазиатских стран феномен неокорпоративного государства, проводящего дирижистски-авторитарную модернизацию. Однако в России такое государство не очень получается. Показателем может служить судьба госкорпораций, создававшихся как институты развития, а ныне подлежащих если не ликвидации, то коренному преобразованию по юридической форме. Взамен выдвинуты идеи пяти приоритетных направлений развития и создания российской «Силиконовой долины». Что же касается роли нефтегазового сектора как источника финансовых ресурсов для модернизации, то кризис выявил, что именно этот сектор находится в серьезной долговой зависимости от внешних заимствований и сам нуждается в государственной помощи.

Оборотная сторона столь высокой роли государства в экономике — сильные патерналистские настроения. Больше 60% взрослых россиян — пенсионеры, бюджетники, «люди в погонах», государственные служащие, работники государственных компаний — получают свой основной доход от государства. Очень значительная часть общества до сих пор не видит прямой зависимости между результатами своего труда и своей заработной платой. Поэтому значительная часть общества продолжает уповать на государство как на «кормильца». В этом патернализме — корень высокой лояльности граждан власти при сохраняющейся критичности в отношении его конкретных институтов.

Наконец, последняя черта — политическая культура России, которая склонна к «подданнической», а не «активистской», в других терминах — к «культуре подданных», а не «культуре граждан». Присущие ей патернализм, неукорененность представлений об экономической

и политической конкуренции, изоляционизм создают благоприятную среду для мобилизационных установок, на которые опирается неокорпоратизм.

Особенности российского неокорпоратизма

Отличительная черта российского неокорпоратизма — его непохожесть на многие другие модели. Как явствует из приведенного выше описания, этот корпоратизм неполный и нежесткий. По своему институциональному характеру он сравним и с европейским неокорпоратизмом (потому что существует наряду с демократическими институтами и практиками и переплетен с ними) и «не-европейским», потому что сдерживает политическую конкуренцию и даже подменяет ее. Неокорпоративные механизмы и практики действуют не повсеместно, а выборочно — преимущественно в сфере политической конкуренции (сдерживаемые конституционными рамками, правда, с тенденцией к ослаблению сдерживания), а также при пересмотре отношений собственности.

Вторая отличительная черта — «мягкость» российского неокорпоратизма: он не похож на авторитарные модели. «Корпорации» в российском обществе институционально слабы, а само общество атомизировано. Поэтому у держателей власти не возникает стимулов сильно «сдерживать» корпорации, достаточно «заполнить вакуум» гражданской активности прорежимными организациями и установить общее представление о превосходстве государства, чтобы большинство акторов предпочло согласовывать свои действия с государством, а не проявлять самостоятельность.

Так, профсоюзы, в большинстве моделей — ключевой институт корпоративистских институтов, — в России предельно слабы. Большинство из существующих профсоюзных объединений, начиная с наследницы советских профсоюзов ФНПР, заведомо лояльны вла-

стям либо работодателям (как и профессиональные объединения, создаваемые внутри крупных компаний), но и влияния на общественно-политическое поведение своих членов они практически не имеют. Отдельные исключения — это профсоюзы успешных производителей, которые добиваются удовлетворения не базовых прав своих сотрудников, а повышения зарплат в условиях высоких прибылей компании (автопроизводители, железнодорожные машинисты, работники «Норильского никеля»). Ассоциации бизнеса лучше институционализированы, при том что две из трех «зонтичных» ассоциаций, как указывалось выше, созданы при прямом участии Кремля. Более высокому уровню развития бизнес-ассоциаций способствовало сразу несколько факторов: осознание частным бизнесом своих коллективных интересов в отношениях с государством, выстроенное (при всех оговорках и издержках) неформальное доверие бизнесменов друг другу (неизбежное в государстве, где слабо позитивное право и сильны «понятия») и наличие ресурсов для поддержки коллективных действий. Но, как, опять же, указывалось, подчиненное положение бизнеса в отношениях с государством делает эти ассоциации «договороспособными» в корпоративистских практиках.

Слабыми представляются в России и большинство других «корпораций». При всем росте авторитета традиционных религий нет никаких убедительных свидетельств их существенного влияния на политическое поведение граждан (исключая, пожалуй, разнообразные проявления такого влияния на Северном Кавказе — от тарикатов в Дагестане до фундаменталистских структур во всех северокавказских республиках). Отсутствуют и устойчивые объединения сельскохозяйственных производителей.

Роль таких корпораций отчасти заменяется имитацией — это уже упомянутые выше Общественная палата, моло-

дежные движения и т.п. Характеристика их как «имитации» в данном контексте не несет уничижительного смысла — она лишь призвана подчеркнуть, что такие структуры не имеют устойчивой массовой базы (о чем нередко говорят сами члены Общественной палаты), а представляет определенные общественные настроения в публичном пространстве и контактах с государственными органами.

Наконец, третья особенность российского неокорпоратизма — его относительно слабое и неартикулированное идеологическое наполнение. Он лишен телеологизма и даже развернутой идеологической основы. Модернизация как национальная идея только в последнее время выходит на первый план, заменяя в этой роли идеологемы «стабильности» и «консолидации» общества и резкой критики 90-х годов прошлого века.

Заменителем идеологии — ключевого элемента большинства корпоративистских институтов — выступает сочетание факторов: высокая популярность лидера в сочетании с сохраняющейся сакральностью верховной власти (см. выше характеристику российской политической культуры В.Ю. Сурковым), политическая «культура подданных», доминирование государства на федеральных телеканалах, дополненное системой других пропагандистских мер, не исключая и латентного сталинизма и антизападных настроений.

Иными словами, российский неокорпоративизм относительно слаб и «мягок» — потому что слабы и неинституционализированы те общественные отношения, которые он регулирует. Эта констатация лежит в основе прогноза дальнейшей эволюции неокорпоративистских практик в России.

Возможные пути эволюции

Для определения сценариев эволюции неокорпоратизма важно учитывать два момента: во-первых, невозможность одномоментного отказа от них, равно

как и существенного ужесточения режима их применения, во-вторых, наличие в этих практиках позитивного потенциала. Концентрация усилий, проведение политической воли государства как агента модернизации — все это будет востребовано не только сегодня, но и на последующих этапах «модернизационного проекта». Согласительные процедуры между конфликтующими общественными интересами также будут востребованы. Главное, чтобы неокорпоративистские элементы и практики стали отвечать двум условиям:

— во-первых, перестали столь откровенно сдерживать или подменять

собою реальный политический плюрализм, от «имитации» политической активности перешли к реальному согласованию функций (что означает, что не во всех спорах должна побеждать спущенная сверху как заведомо правильная точка зрения);

— во-вторых, транслировали политическую волю к модернизации; искали не оправдания бездействию по причине объективных сложностей, а пути их разрешения. Иначе говоря, чтобы государство, в том числе и бюрократия, реально выполняло функции «государства развития», а не «государства победившей бюрократии».

БИЗНЕС И ВЛАСТЬ В РОССИИ: ОТ КОНФЛИКТА К КОНSENSУСУ?

Э.Г. Соловьев

В последнее время в рамках экспертного сообщества идут оживленные дискуссии о характере взаимоотношений российской власти с российским бизнес-сообществом. Модель взаимоотношений была построена в период создания президентом В. Путиным «властной вертикали». Есть вопрос, выдержит ли она проверку кризисом. И главное — что после? Каковы перспективы? И как сделать взаимодействие бизнеса и государственных структур более эффективным, способным обеспечить решение задач глубокой модернизации страны? Одновременно в российском внутривластном контексте проблематика взаимоотношений власти и бизнеса перегружена целым рядом коллизий. Одной из ключевых проблем при этом остаются поиски пресловутого «общенационального политического консенсуса».

Даже в рамках развитых демократий в условиях глубокой фрагментации общества консенсуса гораздо проще достичь на уровне элит, а не масс населения. Особенно это очевидно в случаях с «многокомпонентными» политическими сообществами. Достаточно вспомнить здесь хотя бы А. Лейпхарта с его концепцией общественной демократии¹. Массовая поддержка уже выработанного консенсуса обеспечивается по преимуществу за счет использования властных и информационных ресурсов: СМИ, политических технологий и т.п. Основной вопрос в том, какие именно элиты способны обеспечить и консенсус, и поступательное развитие страны на основе такого консен-

суса. Поскольку партийно-политическая система в стране до сих пор в полной мере не институционализована, а сами партии по сей день представляют собой, скорее, «собрание мнимых величин», видимо, есть все основания обратиться к поиску иных альтернатив. Речь должна идти о неидеологическом и непартийном консенсусе.

Надо сказать, что экономоцентричный прагматизм тандема Д. Медведев — В. Путин подсказывает, возможно, и паллиативное, но все же приемлемое (с некоторыми оговорками) решение данной проблемы. В качестве альтернативы может рассматриваться опора на деловое сообщество, на так называемые организованные группы, объединяющие отечественные промышленные и предпринимательские круги, по меньшей мере, широкий и репрезентативный пласт представителей крупного бизнеса. Можно даже сказать, что альтернативой способен выступить своего рода некорпоративистский аналог консенсуса, который сводится к согласованию интересов отечественного бизнес-сообщества (не отдельных «равноудаленных» олигархов или бизнес-структур, а именно сообщества в целом) и государства во внутри- и внешнеполитической сфере, своеобразный бипартизм государственно-бюрократических структур и бизнеса. Разумеется, желательно при участии и контроле структур гражданского общества (в этом и состоит смысл оговорок относительно приемлемости данной альтернативы).

При этом нельзя забывать об аномалиях, выявившихся уже на первых этапах формирования крупного бизнеса в России и поныне находящих проявление в

¹ См. об этом: Лейпхарт А. Демократия в многокомпонентных обществах. М. : Аспект пресс, 1997.

особенностях политического поведения наиболее крупных игроков. Быстрота, с которой была проведена приватизация начала-середины 90-х годов прошлого века, и, что не менее важно, те способы, которыми она была проведена, обусловили крайне слабую степень легитимности новых отношений собственности и создали весьма специфический тип представителя отечественной бизнес-элиты. Экстраполируя способы, которыми представители этой самой бизнес-элиты воспользовались для получения оказавшейся на рубеже 1990-х годов как бы бесхозной госсобственности, на политические и властные отношения, эти люди попытались приватизировать и политическую власть. Целью было участие в дележе своеобразной политической ренты (в виде приватизации на льготных условиях наиболее прибыльных объектов госсобственности, доступа к государственным финансовым ресурсам и т.д.). На этой основе представители отечественной бизнес-элиты образца 90-х годов прошлого века быстро нашли общий язык с представителями бюрократии в федеральном центре и на местах. В этой связи вполне справедливо замечание известного отечественного исследователя С.П. Перегудова: «Появившиеся в последнее время многочисленные публикации, в которых коррупция, взяточничество, кумовство, процветающие в постперестроечной России, рассматриваются как закономерное, специфически русское явление, явно преувеличивают роль «традиции» и, мягко говоря, недооценивают первопричину этих явлений, а именно те способы, которыми создавалось новое богатство, и ту систему отношений, которую эти способы объективно культивировали»². Взаимодействие государственной и финансовой олигархий осуществлялось на основе согласования устраивающих обе

стороны решений. Отсюда крайне негативная оценка роли бизнеса (равно как и властных структур) в бипартистской модели образца 1990-х годов аналитическим сообществом и общественным мнением страны. Достаточно вспомнить разговоры о «семибанкирщине» и устойчивое клише о правлении «олигархов» в России, прочно закрепившееся за нашей страной даже после ухода со своего поста президента Б. Ельцина³.

В начале первого срока президентства В.В. Путина была проявлена политическая воля к построению более прозрачных отношений власти и бизнеса. Еще в январе 2001 г. президент провозгласил принцип «равноудаленности» и подчеркнул, что он готов говорить с объединенной бизнес-элитой. Бизнес-элита, однако, оказалась не вполне однородна и далеко не в полной мере готова к партнерству с властью. Попытки отдельных представителей бизнеса навязать власти свои правила игры закончились в 2003–2005 гг. полным фиаско. Крупный бизнес был значительно потеснен с политических и даже с некоторых экономических позиций. Вкупе с негативным общественным отношением к «олигархии» и «олигархам» это создало своего рода вакуум вокруг отечественного крупного бизнеса. В этой атмосфере он явно чувствует себя неуютно и неуверенно, что находит выражение в тенденции бегства капиталов из страны и в целом ухудшает инвестиционный климат в России. Парадоксальным следствием такого рода настроений становится основанный на стремлении снизить политические риски внутри России рост тенденций к транснационализации отечественного бизнеса (что, в свою очередь, не вполне корректно воспринимается на Западе как исполнение «экспансионистских» замыслов Кремля).

Что же пришло на смену «олигархическому режиму» и «дикому капитализ-

² Перегудов С.П. Корпоративный капитал в мировой и российской политике. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 72.

³ См. об этом: Фортескью С. Правит ли Россией олигархия? // Полис. 2002. № 5. С. 64–73.

му» эпохи 1990-х? Аналитики все чаще стали рассуждать на тему о развитии в нашей стране аналога «государственно-го капитализма»⁴. Действительно, в ряде отраслей имеет место тенденция «ползучего», а то и откровенного огосударствления. При этом, однако, сохраняется практика достаточно «самостоятельного» использования менеджментом ресурсов этих предприятий, в том числе практически в собственных, частных интересах. Многие иностранные аналитики акцентируют в последние годы внимание на возникновении своеобразной «Кремлин инкорпорейтед» — огромной экономической империи, объединяющей крупнейшие ресурсные корпорации страны (Газпром, Роснефть и т.д.) и контролируемой руководством РФ. В этой связи в последнее время к числу серьезных политических рисков в России на Западе стали относить стремление государства увеличить свой контроль над некоторыми «стратегическими» активами и целыми отраслями экономики («ресурсный национализм», формирующий априори невыгодный для иностранных инвесторов контекст, жестко закрепляющий за ними роль миноритариев, зависящих от политики государства). Действительно, большие властные полномочия оказались завязаны на бюрократию в федеральном центре или даже на конкретные фигуры в руководстве страны. Но означает ли это преобладание государственно-капиталистических форм управления экономической деятельностью?

Отечественный крупный бизнес не является таким уж однозначно ведомым и легко управляемым, как это представляется прежде всего целому ряду западных наблюдателей. Отсюда более корректным при характеристике взаимоотношений бизнеса и государства

в современной России представляется использование несколько иной, а именно — корпоративной модели. В России на протяжении последнего десятилетия складывается бипартистская в своей основе⁵ модель формирующегося «нового российского корпоративизма»⁶. Как ни парадоксально, она могла бы при определенных условиях способствовать преодолению опасной бесконтрольности и бизнеса, и власти (тем более что параллельно с описанными процессами в России продолжал развиваться и *реальный плюрализм* интересов — групповых, региональных, отраслевых), созданию своеобразной системы взаимных сдержек и противовесов. Особенно если бы в ее рамках удалось задействовать важные дополнительные составляющие — общественный контроль и независимую экспертизу.

Как признано ныне на самых верхних этажах российской политической системы, ключевая проблема для нашей страны в XXI в. состоит в том, сумеет ли Россия достичь *качественного равенства* со странами Запада. В начавшемся столетии критерием качества социально-экономического роста становится способность к инновационному развитию. А это именно то, что едва ли способна эффективно обеспечить в современных условиях огосударствленная экономика. Таким образом, выстраиванию отношений партнерства (а не клиентелы) между властью и крупным российским бизнесом нет разумной альтернативы. Тем более что вернуть в полной мере доверие все более интегрирующихся в глобальную экономику российских бизнес-

⁴ См. об этом: Радыгин А. Россия в 2000—2004 гг.: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 50—64.

⁵ Предусматривающая, как и в ряде стран Азии, взаимодействие только государства и бизнеса, в отличие от классического (с участием профсоюзов) и нового (с участием широкого круга организаций гражданского общества) трипартизма.

⁶ Термин А. Зудина, см.: Зудин А. Неокорпоративизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине // Pro et Contra, 2003, зима.

структур (эту почти неуловимую, но чрезвычайно важную для экономического развития страны business confidence) невозможно без возврата к механизмам партнерства с отечественным бизнесом. Полноценное же партнерство, даже с учетом особенностей и «родовых травм» отечественного бизнеса, может открыть перед страной новые возможности и перспективы — от формирования наконец консенсуса по проблемам национальных интересов до продвижения нового имиджа новой России за рубежом. И главное — такое партнерство способно лечь в основу нового, нацеленного в будущее и ориентированного на перспективу, общенационального консенсуса относительно путей модернизации страны.

Опыт развитых стран Запада наглядно демонстрирует, что при наличии общественного контроля и, что не менее важно, воли политического класса корпорации, являющиеся институтом, вызывающим наименьшую степень доверия граждан на Западе, вполне могут со временем превратиться в социально ответственный институт⁷. В этой связи все более широкое распространение на Западе в последнее время получает концепция «корпоративного гражданства» — как теоретическая модель и как новая практика взаимоотношений бизнеса, институтов государства и НГО. И у РФ есть шанс вписаться в формирующийся по этому поводу глобальный mainstream. Да, good governance в западном понимании (как модели не только эффективного, но образцово демократически легитимированного управления) у нас, вероятно, в обозримой перспективе не возникнет. А вот российская корпорация как good citizen, концептуально только осваиваемый тип корпоративной организации на Западе — для этого существуют необхо-

димые предпосылки⁸. Возникающие российские ТНК демонстрируют очевидные примеры социально ответственного поведения — в основном за рубежом страны. Проблема в том, чтобы сделать такое поведение нормой и в родных пенатах⁹.

Как идеальная модель корпоративное гражданство предполагает существенное изменение сути взаимоотношений корпоративного сектора с обществом и государством. Если в индустриальном обществе «закрытая корпорация» (или корпорация акционеров) составляла экономическую основу описанного К. Поппером «открытого общества», то в современных условиях такой (причем не только экономической, но и социально-политической) основой становится новая, так называемая открытая корпорация, в основе отношений внутри которой оказывается не иерархическая подчиненность, а «плюрализм», влияние стейкхолдеров, сетевая организация управления и т.д. Параллельно трансформируется сам характер корпоративного участия в политическом процессе. Крупнейшие корпорации и ранее, безусловно, выступали одним из важнейших игроков в рамках политического процесса в самых разных странах мира. Однако их роль и значение не афишировалась. Во всяком случае, в учебниках, посвященных эволюции форм демократии, едва ли удастся найти упоминания о роли и месте крупнейших компаний в формировании политики США, например. В том числе и потому, что участие это при всей его важности носило очевидно непубличный и абсолютно нетранспарентный характер. Принципиальное отличие «открытых» корпораций состоит в том, что в процессе реализации долгосрочной корпоративной стратегии компания превра-

⁷ См. об этом: Дынкин А.А., Перегудов С.П. и др. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика, российские перспективы. М., 2004.

⁸ См. об этом: Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти. М.: ИМЭМО РАН, 2006.

⁹ См. об этом: Соловьев Э.Г. Отечественный бизнес и имидж России // Год планеты. Вып. 2007 г. М.: Наука, 2007.

щается в субъекта *публичной политики*. Присутствие в сфере *публичной политики*, в свою очередь, накладывает на компании определенные обязательства, прежде всего затрагивающие систему социальной отчетности, деятельность по формированию «человеческого капитала», взаимодействие со «стейкхолдерами» и т.д. При этом отношения корпораций с такими стейкхолдерами, как, например, местные сообщества, становятся одновременно неотделимой, «органической» частью их производственно-экономической инфраструктуры и общественного статуса. Концептуализация деятельности корпорации как субъекта экономического развития, как участника политического процесса и как социального актора в терминах корпоративного гражданства возможна при условии, что бизнес позиционирует себя в широкой системе общественных отношений.

Одним из неперенных условий реализации данной модели, с точки зрения ее апологетов, является наличие равноправных отношений между участниками взаимодействия. «Если корпорация как политический субъект взаимодействует с государством отнюдь не на равных, то такое взаимодействие не делает ее «корпоративным гражданином»¹⁰. И вот тут возникает не просто зазор между теорией и практикой. Возникает вопрос о сути корпоративного гражданства. Если мы рассматриваем концепцию в узком смысле — то на практике ей нет места даже на Западе, поскольку не вполне ясно, можем ли мы всерьез говорить о некоем «равноправии» во взаимодействии корпорации (как *политического субъекта*) и государства за рубежом — особенно в свете уроков нынешнего глобального финансово-экономического кризиса. Если же рассматривать «корпоративное гражданство» в более широком контек-

сте и от идеально-типической модели обратиться к практике, то ключевым элементом «корпоративного гражданства» окажется социально-ответственное поведение бизнеса. Его общие принципы хорошо известны и изложены в таких документах, как Глобальный договор ООН (UN Global Contract), ориентирующий бизнес на соблюдение принципов защиты прав человека, трудовых прав, охраны окружающей среды и противодействие коррупции. Но основными средствами их внедрения остается распространение информации о передовых формах реализации корпоративной социальной ответственности и моральное стимулирование их использования при подготовке корпорациями социальной отчетности. В общей сложности в настоящее время действуют около 250 международных кодексов поведения и сводов правил корпоративной этики. Трудно, правда, понять, насколько количество в данном случае переходит в качество.

Стратегическая благотворительность, филантропия пока явно преобладают в деятельности западных компаний. Поддержка проектов в образовательной сфере (причем для таких корпораций, как «Майкрософт», например создание и поддержка благотворительных программ в образовательной сфере, — это фактически заботливое возвращение потребителей собственной продукции), сфера искусства, формирование относительно долговременных «социальных альянсов» (в рамках молодежных и иных инициатив) являются правилом, работают на имиджевый и репутационный капитал корпораций. А вот корпоративное гражданство как таковое выступает в большинстве случаев лишь красивой метафорой. Даже когда мы имеем дело с весьма изощренными формами публично-частного партнерства, выходящими далеко за рамки простой благотворительности (можно привести пример эндаумента компании «Хайнц» и ряда других), речь идет все же скорее о «стра-

¹⁰ Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 317.

тегической филантропии», нацеленной на создание взаимовыгодных и устойчивых отношений между донорами и реципиентами, а также благоприятной среды в рамках нового трипартизма (в треугольнике компания-благотворитель, государство, общественные организации).

Деятельность западных корпораций в плане социальной ответственности весьма многогранна. Американские компании работают в тех сферах, которые в Европе являются традиционными сферами ответственности государства. Так, весьма разнообразны программы поддержки и повышения квалификации персонала. Реализуются целевые программы поддержки малого бизнеса. В качестве средства дополнительного стимулирования социальной активности выступают программы поддержки волонтерской работы сотрудников компании (оплачиваемые рабочие часы в счет волонтерской активности или даже предоставление сотрудникам отпусков). Широкое распространение получает и практика «социально-ответственного инвестирования». Общий объем социальных инвестиций достигает 1 трлн долл.¹¹ Однако суть проблемы в том, что даже на Западе распространение по преимуществу получают целеориентированные маркетинговые стратегии, эксплуатирующие «гражданские» по виду инициативы для оптимизации работы компании (фирма провозглашает весьма социально-привлекательные цели и при этом предоставляет возможность потребителям собственной продукции внести личный вклад в «добрые дела» путем приобретения соответствующих товаров и услуг), или для снижения репутационных издержек (например, «озеленения» репутации (greenwashing) — самый яркий пример корпорация BP, которая дошла до того, что в рамках мер по ребрендингу объявила об отказе от названия British Petroleum

и стала претендовать на расшифровку аббревиатуры как Beyond Petroleum, т.е. в вольном переводе — «постнефтяную» компанию).

В отличие от стран Запада, где целенаправленно стимулируется социально ответственное поведение бизнеса, в России отсутствует внятная позиция власти по этому вопросу. Существует лишь общее настроение, согласно которому бизнес должен «делиться». На практике это означает, что представители бизнеса должны позитивным образом реагировать на соответствующие запросы федеральных или региональных властей, «умиротворяя» их своим спонсорством. Разумеется, ни к какой легитимации бизнеса, повышению его моральной ответственности и общественного статуса в долгосрочном плане подобного рода акции привести не могли. Надо сказать, что практика подобного рода «деловых» взаимоотношений бизнеса и власти складывалась постепенно и имеет уже довольно долгую историю¹². Однако прозрачности и транспарентности взаимоотношениям бизнеса и политического класса, равно как и их легитимности, это никак не прибавило.

В России, как водится, существует целый ряд проблем, специфичных только для нашей страны. Объективные проблемы неравномерности распределения активов и ресурсов дополняются в наших условиях последствиями развития российской экономики в постсоветский период. В выстраивании взаимоотношений бизнеса, общества и государства (власти) одним из ключевых в моральном и практически политическом смысле вопросов выступает проблема легитимности собственности, а следовательно, и всего российского бизнеса. Дефицит легитимности обуславливает отсутствие у корпораций полноценного политического ресурса для установления и поддержания

¹¹ Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. С. 97.

¹² См. об этом: Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

своего общественного статуса и равно-весных отношений с властью. Наконец, в современной России отсутствует минимум доверия между обществом и бизнесом, что является необходимой (но недостаточной) предпосылкой их тесного и конструктивного взаимодействия.

Акцент в адаптации к российским реалиям модели «корпоративного гражданства» неизбежно будет делаться на корпоративной социальной ответственности. При этом модель в ее усеченном виде вполне может прийтись по вкусу и российской политической элите в силу ее инструментальности. Например, касательно взаимодействия корпораций с неправительственными организациями. Безусловно, в рамках модели корпоративного гражданства обеспечивается совершенно новый уровень взаимодействия корпораций с общественными организациями, их перманентный диалог. Не исключено, что выстраиваемое взаимодействие корпораций с НГО является фактором постепенной деполизации (или, во всяком случае, дерадикализации) последних и инструментом мягкой кооптации лидеров «глобального гражданского общества» в предлагаемую корпоративным сектором модель глобального управления и развития. При таком раскладе данная тенденция только подчеркивает факт зависимости НГО от корпоративных спонсоров, благодаря поддержке которых неправительственные организации могут существовать и эффективно действовать как более или менее влиятельные политические акторы. В условиях компании по продвижению инноваций в стране (в том числе и социально-политических инноваций, надо полагать) подобного рода модель «мягкой настройки» и интеграции лидеров НГО давно пора было бы взять на вооружение и российским властям, по

старинке отдающим предпочтение лояльности и жесткости ОМОНа перед изысканностью современных политических технологий.

По мнению целого ряда отечественных и зарубежных исследователей, значительное отставание России от развитых и даже многих развивающихся стран наблюдается по показателям уровня развития институтов, и прежде всего по уровню развития института корпорации. Ну а с этим напрямую связаны факторы эффективности отечественного бизнеса, его способности к инновациям, эффективности работы рынка и т.д.¹³ Поэтому превращение крупных российских корпораций в «ответственных граждан» — это не политическая абстракция. Это возможность сделать шаг в будущее — по пути социально-экономической модернизации страны.

Кроме того, эффективность работы госаппарата, нормализация и институционализация форм и методов влияния организованных групп, равно как и степень «патриотичности» отечественного бизнес-сообщества, во многом будет зависеть от создания действенных институтов согласования интересов общества, бизнеса и государства. Только с превращением отечественного бизнеса во все более социально ответственный субъект возможно становление новой российской политической идентичности, успешное решение проблемы социальной и политической модернизации страны. И модель корпоративного гражданства в принципе способна сыграть в этих процессах совсем немаловажную роль.

¹³ См. об этом: Кондратьев В.Б. Политика выращивания «национальных чемпионов» в промышленности как основа повышения национальной конкурентоспособности // Год планеты. Вып. 2007 г. М.: Наука, 2007.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «Параметры государственной состоятельности: сравнительная социальная политика, общественные блага, государственные институты» (17 ноября 2010 г., г. Москва)

17 ноября 2010 г. прошла научная конференция «Параметры государственной состоятельности: сравнительная социальная политика, общественные блага, государственные институты», организованная кафедрой сравнительной политологии МГИМО — Университет МИД РФ.

1. Состоялось обсуждение следующих актуальных вопросов:

2. Конфигурации и функции современных государств в сравнительном плане:

- сравнительный анализ процессов формирования базовых институтов государства;

- производство и распределение общественных благ в сравнительном аспекте;

- социальные функции и сравнительная социальная политика государств.

3. Факторы эффективности государства: компаративный ракурс.

4. Какие задачи являются атрибутивными для государства?

5. Баланс между необходимыми и избыточными полномочиями государства.

От каких задач государству целесообразно отказаться? Кто и как может решать общественно важные задачи, которые не берет на себя государство?

На открытии конференции с приветственным словом выступили декан факультета политологии МГИМО —

Университет МИД РФ проф. А.Д. Воскресенский и заместитель директора Института общественного проектирования М.В. Рогожников.

С докладами и сообщениями выступили преподаватели МГИМО — Университет МИД России проф. М.В. Ильин, проф. О.В. Гаман-Голутвина, проф. В.М. Сергеев, С.М. Хенкин, доц. Е.Ю. Мелешкина, доц. И.В. Кудряшова, а также коллеги из других образований учреждений: проф. Л.В. Сморгун (Санкт-Петербургский университет), доц. М.Ю. Мизулин (РАГС при Президенте), проф. Р.Ф. Матвеев (РГГУ), доц. В.Т. Завьялов (Финансовая академия).

С научными сообщениями выступили аспиранты кафедры сравнительной политологии МГИМО — Университет МИД России Д. Барина, С. Жигжитов, А. Токарев, И. Окунев.

Тексты докладов и выступлений на конференции станут основой специального выпуска журнала «Сравнительная политика». В конференции участвовали представители редакций журналов «Свободная мысль», «Ценности и смыслы» и др. изданий.

Конференция «Великие державы в новом пограничном пространстве России» (23 ноября 2010 г., г. Москва)

Кафедра прикладного анализа международных проблем МГИМО при поддержке Правительства Москвы провела научно-практическую конференцию «Великие державы в новом пограничном пространстве России». Конференция про-

должила серию аналитических разработок и мероприятий, осуществляемых кафедрой, по выявлению параметров международной среды, в которой формируются угрозы и вызовы безопасности Российской Федерации.

В мероприятии приняли участие представители Совета безопасности России, Министерства иностранных дел, Правительства Москвы, эксперты МГИМО и других ведущих научно-исследовательских центров России.

Государства, расположенные по периметру российских границ, и отношения с ними чрезвычайно значимы для России как в сфере экономики, так и в вопросах обеспечения безопасности каждой из стран, входящих в СНГ. Значительную роль здесь играют также интеграционные связи, в том числе для поддержания относительной стабильности в подсистеме «Малой Евразии» и Центрально-Восточной Азии.

Цель нынешней конференции заключалась в определении сложившейся структуры взаимодействия ведущих центров силы на пространстве вокруг российских границ, выявлении наметившихся проблемных узлов и перспектив кооперативного взаимодействия между Россией и другими крупными игроками. Были рассмотрены политические аспекты взаимодействия великих держав, перспективные направления стратегии Европейского Союза, Китая, России, США в регионе, вопросы международной безопасности.

Вторая трехсторонняя конференция МГИМО — ИФАНС — КИМП (22 ноября 2010, г. Сеул)

В ноябре 2010 г. состоялась вторая трехсторонняя российско-корейско-

китайская конференция с участием представителей МГИМО — Университета, Института международных отношений и национальной безопасности (ИФАНС) и Китайского института международных проблем (КИМП).

В рамках повестки дня конференции обсуждались самые актуальные вопросы трехсторонних и двусторонних отношений, последние тенденции регионального и глобального развития. Работа конференции была организована в рамках трех секций. Первая секция была посвящена анализу итогов саммита Большой двадцатки в Сеуле в ноябре 2010 г. В рамках второй сессии рассматривались вопросы сотрудничества в области безопасности в Северо-Восточной Азии. Особое внимание было уделено обсуждению вопросов политической обстановки на Корейском полуострове. Работа третьей секции была сконцентрирована на обсуждении аспектов региональной интеграции и развития в АТР.

Конференция «Россия как евротихоокеанская держава» (9 декабря 2010 г., Москва)

В декабре 2010 г. в МГИМО состоялась международная научно-практическая конференция «Россия как евротихоокеанская держава: новые тенденции региональной архитектуры в Азии и роль России», организованная Фондом «Русский мир», Российским национальным комитетом Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности, Европейским учебным институтом и кафедрой востоковедения МГИМО.

В конференции приняли участие высокопоставленные представители министерств иностранных дел России и государств Азиатско-Тихоокеанского региона, Генерального директората по внешним связям Европейской комиссии, дипломатического корпуса, ведущие отечественные и зарубежные специалисты. Научную школу МГИМО представляли декан факультета политологии А.Д. Воскресенский, заведующий кафедрой востоковедения Д.В. Стрельцов, директор Центра АСЕАН В.В. Сумский, директор Европейского учебного института М.Л. Энтин, профессор кафедры МО и ВП России Ю.А. Дубинин, профессор кафедры востоковедения С.И. Лунев и заместитель декана факультета политологии Е.В. Колдунова.

Во вступительной речи директор Фонда «Русский мир» В.А. Никонов подчеркнул, что попытки противопоставления европейского и азиатского вектора российской внешней политики контрпродуктивны. Только сбалансированная стра-

тегия может привести к достижению эффекта синергии, необходимого для максимально успешной реализации российских интересов. Официальную позицию российского внешнеполитического ведомства в отношении изменений, происходящих в Восточно-Азиатском регионе, представил заместитель министра иностранных дел А.Н. Бородавкин. Он также передал приветствие главы МИД С.В. Лаврова участникам конференции.

Участники конференции высоко оценили конструктивный характер прошедших обсуждений. Они согласились, что успешный ответ на формирующиеся вызовы невозможен без поиска кооперативных подходов. Очередным шагом на пути выработки таких подходов и стала прошедшая конференция.

**Материалы рубрики подготовлены
И.А. Истоминим, Е.В. Колдуновой,
кафедрами сравнительной политологии
и прикладного анализа международных
проблем МГИМО — Университет**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Вне законов рынка. Регулирование международной сферы безопасности

Cockayne J. Beyond market forces: Regulating the global security industry / J. Cockayne, E. Speers Mears, I. Cherneva, A. Gurin, Sh. Oviedo, D. Yaeger. N.Y. : International Peace Institute, 2009. 333 с.

Недавно в США вышла книга «Вне законов рынка. Регулирование международной сферы безопасности», созданная коллективом авторов под редакцией Джеймса Кокейна¹. Работа посвящена анализу международной сферы безопасности, и в частности поиску наиболее приемлемых принципов регулирования сферы деятельности частных военных и охранных компаний на международном уровне.

В основе данной работы лежит крупномасштабное исследование 30 отраслей промышленности и моделей регулирования деятельности и поведения компаний в рамках этих отраслей. Авторы изучили регулирование в финансовой и добывающей, химической и спортивной областях, а также в сфере ветеринарии и даже производства детских игрушек и пр.

Такой широкий охват не случаен, так как, по мнению авторов, анализ столь различных видов деятельности и моделей их регулирования увеличивает шансы на выявление наиболее приемлемых механизмов регулирования деятельности частных военных и охранных компаний на международном уровне.

В результате исследования было выявлено четыре принципа, которые, по

мнению авторов, должны лежать в основе эффективного регулирования такой сферы, как частная военная и охранный деятельность:

i. Содействие государствам в осуществлении ими обязательств по защите прав человека.

ii. Вовлечение всех участников международной сферы безопасности, включая государства.

iii. Использование стимулов, способствующих более широкому вовлечению участников в процесс регулирования.

iv. Повышение уровня ответственности частных военных и охранных компаний перед клиентами, сообществами, в рамках которых они осуществляют свою деятельность, а также в отношении прочих участников.

В настоящее время в мире на различных уровнях действуют отдельные законы и постановления, положения и декларации, касающиеся регулирования деятельности частных компаний в международной сфере безопасности. Существуют попытки регулировать данную область на национальном уровне в рамках отдельно взятых государств, на уровне саморегулирования², на межправительственном³, а также на обществен-

¹ Авторы книги являются экспертами Международного института мира (International Peace Institute — IPI, USA). Институт мира представляет собой некоммерческую международную организацию, деятельность которой связана с исследованием, освещением предотвращения и урегулирования как международных, так и внутригосударственных конфликтов.

² Британская ассоциация частных военных и охранных компаний (British Association of Private Security Companies — BAPSC) основана в Великобритании в 2006 г.; Международная ассоциация миротворческих операций (International Peace Operations Association — IPOA) основана в США в 2001 г.; Ассоциация частных военных и охранных компаний Ирака (Private Security Company Association of Iraq — PSCAI).

³ Созданная в 2005 г. международная экспертная Рабочая группа ООН по вопросам об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение занимается разработкой и внедрением международной Конвенции ООН по регулированию деятельности част-

ном, в рамках неправительственных организаций⁴. Однако ни на уровне саморегулирования, ни на межправительственном, ни на общественном уровнях в отдельности невозможно справиться с задачей комплексного регулирования деятельности частных военных и охранных компаний и тем более невозможно обеспечить и гарантировать соблюдение этими компаниями прав человека и международного гуманитарного права.

Законы США регулируют лишь некоторые аспекты деятельности из всего спектра функций, которые осуществляют частные военные и охранные компании, например приобретение вооружений, обучение иностранного персонала американскими компаниями и пр. Однако ни один закон США не охватывает деятельность частных военных и охранных компаний полностью. По сути, почти все процедуры регулирования деятельности частных военных компаний сводятся к контрактам между органами правительства США (например, Министерством обороны) и зарегистрированными на территории США американскими частными военными и охранными компаниями. В результате более глобальные аспекты регулирования данной отрас-

ли, такие как компании, зарегистрированные в офшорных зонах, иностранные подразделения компаний, наем персонала через офшоры и пр., остаются без внимания.

Проблемы с регулированием деятельности частных военных и охранных компаний есть не только в США. Авторы анализируют *Закон ЮАР 1998 г. «О регулировании иностранной военной помощи»*. Однако закон оказался малоэффективным, принимая во внимание значительную долю персонала частных военных компаний — граждан ЮАР, участвующего в иностранных конфликтах как на территории Африки, так и на Ближнем Востоке.

«Принимающие» государства, на территории которых частные военные и охранные компании осуществляют свою деятельность (например, страны Латинской Америки, а также Ирак, Афганистан), начали использовать механизмы национального законодательства для регулирования деятельности частных военных и охранных компаний на их территориях.

Авторы книги настаивают на том, что необходимо выйти как за рамки одностороннего государственного регулирования, так и за рамки рыночного регулирования, поскольку международная сфера безопасности не укладывается в пределы понятия «коммерческая деятельность», а также выработать единую международную систему мер и стандартов, которой бы следовали как сами компании по всему миру, независимо от территорий регистрации компаний, территорий осуществления операций, или гражданства сотрудников таких компаний, так и государства, международные организации и прочие институты.

В результате исследования 30 различных моделей авторами было выявлено 5 моделей регулирования:

1. Международный контрольно-ревизионный орган⁵.

ных военных и охранных компаний; Документ Монтрё, созданный по инициативе швейцарского правительства (Swiss Initiative, Montreux Document) при участии экспертов из Международного комитета Красного Креста, был принят в сентябре 2008 г. и одобрен 27 государствами, которые являются как поставщиками частных военных и охранных услуг, так и территориями, где частные военные и охранные компании осуществляют свою деятельность (например, США, Великобритания, Франция, Афганистан, Ирак, Южная Африка и др.).

⁴ Добровольные принципы регулирования в сфере безопасности и прав человека разработаны при участии правительств ряда государств, участников добывающих отраслей промышленности и неправительственных организаций с целью оказать компаниям помощь в поддержании порядка и безопасности при осуществлении своих операций и обеспечить соблюдение при этом прав человека.

⁵ Типичными примерами действующего контрольно-ревизионного органа являются Международный комитет Красного Креста

2. Модель лицензирования⁶.
3. Модель Арбитражного суда⁷.
4. Модель гармонизации законодательства⁸.
5. Модель «Клуб компаний»⁹.

Основываясь на модели **Международного контрольно-ревизионного органа**, может быть учрежден орган по правам человека для контроля соблюдения стандартов в международной сфере безопасности, рассмотрения жалоб и направления результатов расследования в соответствующие исполнительные органы. Кроме того, такой контролирующий орган может публиковать ежегодные отчеты о соблюдении частными военными и охранными компаниями стандартов. Таким образом, для всех участников данной сферы стало бы возможным получать достоверную информацию о функционировании рынка международ-

(International committee of the red cross — ICRC), Организация «Женевский призыв» (Geneva Call).

- ⁶ В основу данной модели были положены примеры таких организаций, как «Кимберлийский процесс» (Kimberley process — KP), Социальная международная ответственность (Social accountability international — SAI), Международный совет индустрии игрушек (International council of toy industries — ICTI), Кредитные рейтинговые агентства (Credit rating agencies).
- ⁷ Модель Арбитража действует в организациях «Спортивный арбитражный суд» (Court of arbitration for sport — CAS), а также в Международной организации труда (International labor organization).
- ⁸ Примерами модели гармонизации законодательства являются следующие организации: Глобальный договор (Global Compact), Всемирная организация по охране здоровья животных (World organization for animal health — OIE).
- ⁹ «Клубный метод» применяют Международная ассоциация миротворческих операций (International peace operations association — IPOA), Добровольные принципы в сфере безопасности и прав человека (Voluntary principles on security and human rights — VPSHR), Британская ассоциация частных военных и охранных компаний (British association of private security companies — BAPSC), Ассоциация частных военных и охранных компаний Ирака (Private security company association of Iraq PSCAI).

ной сферы безопасности, а также повысить уровень прозрачности частной военной индустрии.

Подобная модель применяется в таких международных организациях, как ООН, в рамках программы по вопросу о положении детей в вооруженных конфликтах¹⁰.

В государствах, которые присоединились к механизму, предусмотренному ООН, создаются специальные органы реагирования и информирования о нарушениях в отношении детей. Собранная информация попадает в Рабочую группу ООН, которая представляет на рассмотрение Совета Безопасности рекомендации для выработки дальнейших действий.

Как представляется, подобный механизм может сыграть существенную роль, принимая во внимание тот факт, что в настоящее время в ООН действует Рабочая группа по разработке Конвенции по регулированию деятельности частных военных и охранных компаний. Успешно действующая модель контрольно-ревизионного органа в вышеприведенном примере вполне может быть применена для регулирования деятельности частных военных и охранных компаний.

«**Модель Лицензирования**», которую выделяют авторы исследования в отношении регулирования деятельности частных военных и охранных компаний, может быть принята на основе уже существующего Документа Монтрё. Авторы предлагают разделить процесс лицензирования на три этапа:

- этап сертификации;
- этап аудиторской проверки;
- этап формирования рейтинговых оценок.

Режим лицензирования функционирует, например, в рамках Кимберлийского процесса. В 2000 г. три крупнейших производителя алмазов (Ботсвана, На-

¹⁰ Children and Armed Conflict — CAAC. URL: www.un.org/children/conflict

мбия, ЮАР), три крупнейших потребителя алмазов (США, Бельгия, Великобритания), а также другие представители алмазной отрасли и неправительственных организаций провели в г. Кимберли (ЮАР) неформальные переговоры по вопросу поиска путей решения проблемы незаконного оборота алмазов за счет контрабанды, нелегальной добычи и их участия в финансировании антиправительственных вооруженных группировок в Африке.

Результатом встречи стало создание в 2002 г. Схемы сертификации Кимберлийского процесса (ССКП) — основного документа, призванного регулировать торговлю алмазами. На основе этого документа государства, входящие в Кимберлийский процесс, разрабатывают и реализуют национальные схемы сертификации. Данный документ запрещает экспорт с территории и импорт на территорию государств-участников алмазов без наличия сертификата, который подтверждает легальность каждой партии драгоценных камней. Кроме того, участники схемы не имеют права торговать алмазами с государствами, не подписавшими ССКП. Схема предполагает внутренний национальный контроль государств-участников с целью предотвращения оборота незаконных алмазов, а также систему ежегодных отчетов на основании регулярного обмена и анализа статистической информации между участниками и наблюдателями.

Другим ярким примером применения режима лицензирования являются кредитные рейтинговые агентства. Чтобы улучшить процесс внедрения и применения стандартов, государства наделяют третьих лиц, рейтинговые агентства, полномочиями для получения объективной и независимой оценки деятельности того или иного вида бизнеса. Тремя крупнейшими кредитными рейтинговыми агентствами на сегодняшний день являются «Stanard and Poors (S&P)», «Moody's» и «Fitch». По сути, кредитные

рейтинговые агентства выполняют роль неформального органа лицензирования деятельности в самых разных областях.

Авторы полагают, что рейтинговые агентства могли бы заниматься оценением частных военных и охранных компаний по различным критериям (например, по соответствию международным стандартам управления, по вопросам соблюдения прав человека и международного гуманитарного права, по вопросам трудового законодательства и соблюдения безопасности). По мнению авторов, такие меры позволят серьезно повысить уровень прозрачности рынка безопасности. Руководствуясь оценками и выводами рейтинговых агентств, специально созданный независимый контролирующий орган может принимать решение в отношении проведения процедуры лицензирования теми или иными частными военными и охранными компаниями, либо, наоборот, отозвать лицензию.

Авторы предлагают осуществлять инспектирование как на территории проведения операций, так и в штаб-квартире той или иной частной военной и охранный компании. Однако подобная мера представляется сложной в связи с тем, что зачастую частные военные и охранные компании работают в нестабильных регионах, в горячих точках (страны Африки, Ирак, Афганистан и т.д.). То есть для осуществления проверки инспекторов необходимо будет доставлять на территорию проведения операций и обеспечивать их сопровождение, скорее всего, силами самих частных военных и охранных компаний. Данное обстоятельство представляется труднореализуемым. А учитывая то, что авторы настаивают на том, чтобы такие проверки проводились без предупреждения, кажется совсем невероятным и в отдельных случаях может только усугубить ситуацию в нестабильных или конфликтных регионах.

Наиболее успешной в данном случае могла бы быть процедура лицензирования деятельности частных военных

и охранных компаний, которая уже существует в ряде государств. В качестве примера можно привести, в частности, российскую модель. На территории Российской Федерации частная охранная деятельность подлежит обязательному лицензированию¹¹. Лицензия выдается Министерством внутренних дел сроком на 5 лет с правом продления. Также Министерство внутренних дел ведет реестр лицензий, в которых помимо информации о самой компании перечислены виды деятельности, которые эта компания намерена осуществлять. Министерство внутренних дел осуществляет контроль за деятельностью частных охранных компаний и проводит плановые (не чаще одного раза в три года) и внеплановые проверки (в случаях выявления нарушений при проведении плановой проверки, по запросу органов государственной власти и органов контроля, если есть информация о нарушении законодательства или в случае жалоб со стороны граждан на нарушение их прав)¹².

Действие лицензии частной охранной компании может быть приостановлено в случае, если нарушения, выявленные в результате проверки, не были устранены в установленный срок¹³. По решению суда лицензия может быть аннулирована, если действия компании повлекли за собой нарушение прав граждан, а также нанесение ущерба обороне и безопасности государства¹⁴.

Другим примером действующей модели лицензирования частных военных и охранных компаний может являться Афганистан. В феврале 2008 г. Министерство

внутренних дел этой страны подготовило «Порядок регулирования деятельности частных военных и охранных компаний (ЧВОК) на территории Афганистана»¹⁵. В результате применения новых правил количество официально зарегистрированных частных военных и охранных компаний в Афганистане сначала было сокращено до 39 в 2008 г., а в 2009 г. увеличилось до 52. Численность сотрудников таких компаний отныне также ограничена количеством не более 500 человек в каждой компании. Регулирование предполагает:

- Создание процедур начального лицензирования деятельности частных военных и охранных компаний на территории Афганистана, а также формирование механизмов надзора и контроля.
- Установление ответственности частных военных и охранных компаний в соответствии с законами Афганистана.
- Недопущение превращения незаконных вооруженных формирований в частные военные и охранные компании.
- Обеспечение большей прозрачности, установление механизмов регулярной отчетности частных военных и охранных компаний.

• Закрепление и соблюдение принципов работы персонала компаний таким образом, чтобы не нарушались законы, а также международная Декларация прав человека.

В соответствии с документом о регулировании ЧВОК именно Министерство внутренних дел Афганистана является единственным уполномоченным органом регулирования и контроля деятельности частных военных и охранных компаний¹⁶.

Авторы анализируют и описывают также **Модель арбитражного суда**, который может быть создан в международ-

¹¹ Федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. № 2487-1.

¹² Постановление Правительства РФ «Об утверждении положения о лицензировании негосударственной (частной) охранной деятельности» № 600 от 14 августа 2002 г.

¹³ Федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. № 2487-1, раздел 3, ст. 11.5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Подробнее см.: Procedure for Regulating Activities of Private Security Companies in Afghanistan. URL: http://www.privatesecurityregulation.net/files/Afghanistan_2008_PSCInterimRegulations.pdf

¹⁶ Там же.

ной сфере безопасности и позволил бы регулировать текущие споры, касающиеся положений контрактов, трудовых отношений и прочих споров. Однако такой суд не должен быть площадкой для решений таких серьезных вопросов, как, например, нарушение прав человека.

Подобная модель используется Международным спортивным арбитражным судом, который был создан Международным олимпийским комитетом в 1984 г. Суд является независимой судебной системой, которая занимается рассмотрением спортивных споров как в судебном, так и в досудебном порядке. Головной офис Международного спортивного суда находится в г. Лозанна, Швейцария. Суд рассматривает споры, возникающие в области спортивной деятельности, выступает в качестве органа правовой защиты, дает юридические консультации по основным проблемам спортивной деятельности, не связанным непосредственно с возникновением споров, а также рассматривает споры, связанные с употреблением допинга.

Как представляется, в подобной модели назрела необходимость, так как создание арбитражного суда в сфере безопасности позволило бы гарантировать соблюдение прав непосредственно сотрудников частных военных и охранных компаний, а также владельцев таких компаний от нарушений со стороны собственного персонала.

Модель гармонизации законодательства, как полагают авторы исследования, могла бы включать в себя процедуры гармонизации национального регулирования и механизмов управления деятельностью частных военных и охранных компаний по вопросам соблюдения разработанных международных стандартов. В рамках данной схемы государства совместно с частными военными и охранными компаниями могли бы создавать рабочие группы по отдельным проблемам, например обучения, осуществления

проверок, создания механизмов ответственности и пр.

В рамках существующей международной законодательной практики с 2005 г. действует Модельный закон СНГ «О противодействии наемничеству», разработанный Постоянной комиссией по вопросам обороны и безопасности Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ. Основным направлением деятельности Постоянной комиссии является разработка общих правовых стандартов и гармонизация законодательства стран СНГ в области безопасности. В основе документа «О противодействии наемничеству» лежат основные законы стран Содружества, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры государства, а также положения самого закона¹⁷.

Необходимо особо подчеркнуть, что в рамках инициативы Межпарламентской ассамблеи оказывается поддержка международной экспертной Рабочей группе ООН, которая занимается подготовкой всеобъемлющего документа: международной Конвенции ООН по регулированию деятельности частных военных и охранных компаний, целью которой является контроль и регулирование наемнической деятельности. В этой связи сотрудничество Межпарламентской ассамблеи СНГ и Рабочей группы ООН по некоторым аспектам проблематики наемничества является уникальным примером совместных и разноформатных усилий, направленных на регулирование и противодействие наемнической деятельности.

Модель «Клуб компаний» в международной сфере безопасности позволила бы всем участникам данной области, а именно государствам, частным военным и охранным компаниям, разработать и внедрить правила корпоративной этики.

¹⁷ Подробнее см.: Модельный закон СНГ «О противодействии наемничеству». URL: <http://www.iacis.ru/html/index.php?id=22&pag=581&nid=1>

«Клубный метод» применяет Ассоциация международных миротворческих операций (International Peace Operations Association — IPOA). Ассоциация возникла в 2000–2001 гг. и положила начало внедрению стандартов и осуществлению мер в международной сфере безопасности. Членами ассоциации могут быть любые коммерческие организации, вовлеченные в миротворческие операции и в операции по постконфликтному урегулированию в любых странах мира. Главным критерием для вступления в ассоциацию является репутация компании, а также способность платить членские взносы.

Руководство ассоциации разработало кодекс поведения с участием национальных и международных неправительственных организаций, а также юристов. Изначально с 2005 г. в состав ассоциации входили 16 компаний, а к 2008 г. их было уже 44.

Кодекс поведения содержит принципы, основанные на механизмах международного права и адаптированные для применения в международной сфере безопасности и включает в себя сферу прав человека, затрагивает области этики, безопасности сотрудников, поддержки международных организаций и восстановления институтов гражданского общества, контроль за вооружениями и пр. Однако сама ассоциация является добровольной организацией, которая не имеет формальной поддержки в сфере государственного регулирования.

В результате анализа, проведенного американскими исследователями, безусловным является то, что труд авторов книги «Вне законов рынка. Регулирование международной сферы безопасности», предложивших различные схемы и модели регулирования данной области, весьма ценен, поскольку это первое комплексное исследование рынка международной безопасности, а также попытка синтезировать лучшие примеры существующих механизмов регулирования в различных областях, начиная от индустрии

производства игрушек и заканчивая алмазной индустрией, а также применить их в сфере безопасности с целью создания наиболее приемлемой модели регулирования данной области. Авторы постарались показать, что деятельность частных военных и охранных компаний в сфере безопасности не является обычным бизнесом в классическом понимании этого слова. Проблема, описанная авторами исследования, представляется более острой и глубокой — ведь в большинстве случаев компании действуют в регионах международных конфликтов, они вооружены и применяют силу. Поэтому и подходы к ее решению выходят за пределы чисто рыночных механизмов регулирования.

К сожалению, несмотря на широкий охват исследуемых отраслей, авторы уделяют небольшое внимание уже существующим или разрабатываемым механизмам и инициативам, выбирая такие, как организации по охране здоровья животных, добывающую и текстильную отрасли промышленности, спортивный арбитражный суд и пр. Возможно, следовало бы более пристальное внимание уделить отраслям, непосредственно связанным с частной военной и охранной деятельностью, таким, как, например, регулирование в области торговли оружием и военной техникой, в области гуманитарного законодательства и постконфликтного урегулирования и пр.

Кроме того, без внимания остался такой важный документ, как «Порядок регулирования деятельности частных военных и охранных компаний (ЧВОК) на территории Афганистана», принятый в феврале 2008 г. Министерством внутренних дел Республики Афганистан, который является важным примером модели лицензирования частных военных и охранных компаний. В исследовании также не рассмотрен Модельный закон СНГ «О противодействии наемничеству» 2005 г., который является важным примером гармонизации национальных за-

конодательств государств Содружества с целью противодействия проблеме наемничества на территории СНГ.

В целом, исходя из анализа пяти моделей, предложенных авторами исследования, применительно к международной сфере безопасности за основу регулирования целесообразно было бы принять сочетание нескольких методов. Наиболее приемлемыми для данной сферы представляются такие, как международный контрольно-ревизионный орган, модель лицензирования, а также модель «клубов компаний». Контролирующим органом может выступить ООН, в рамках которой специально созданная Рабочая группа экспертов разрабатывает международную Конвенцию по регулированию деятельности частных военных и охранных компаний. Поддержанная государствами, Конвенция позволила бы беспристраст-

но контролировать деятельность частных военных и охранных компаний на международном уровне. Режим обязательного лицензирования позволит создать базу данных зарегистрированных компаний, работающих в различных регионах мира, и отслеживать их деятельность. Примером модели «клубов компаний» может служить разработанный правительством Швейцарии и принятый в ноябре 2010 г. «Международный кодекс поведения ЧВОК», который был подписан как рядом государств, так и представителями 94 частных военных и охранных компаний со всего мира. Модель «клубов компаний» поможет выявить неблагонадежных игроков на рынке безопасности, создать «черный список» таких компаний и воспрепятствовать их проникновению на рынок частных военных и охранных услуг.

М.А. Небольсина

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Сравнительные исследования проблем политического и экономического развития

Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М. : РОССПЭН, 2011. 431 с.

Книга «Элиты и общество в сравнительном измерении» под редакцией заведующей кафедрой сравнительной политологии О.В. Гаман-Голутвиной посвящена актуальной проблематике взаимодействия элит, власти и массовых групп населения. Она написана в духе лучших сравнительных исследований факультета политологии МГИМО — Университет, продолжает и развивает традиции политологической школы МГИМО — Университет. В центре внимания «созвездия» известных исследователей из разных стран мира, объединенных организационными и интеллектуальными усилиями кафедры сравнительной политологии МГИМО, — политические и бизнес-элиты России и ряда зарубежных политий. В книге рассматриваются новейшие тенденции рекрутирования элит, их мотивации и установки, специфика воздействия групп давления на процесс принятия решений, качество системы государственного управления как зоны «непосредственной ответственности» властных элит, а также другие вопросы. Сравнительный характер исследования усиливает его практическую значимость.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колен (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград : РГЦ им. И. Канта, 2010. 531 с.

«Россия и Европа: эффект колен (опыт институционального анализа истории экономического развития)» — первая российская монография, характеризующая развитие России и Европы

с использованием концепции зависимости от предыдущего развития. В монографии рассматривается, как разошлись пути России и Европы, анализируются европейский путь развития через капитализм в постиндустриальное общество и особенности российского пути развития. В каждую главу специально введена рубрика «Балтийские истории», поскольку Балтика — зона постоянных контактов России и Европы, что является главной темой данной книги. Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также всех интересующихся актуальными проблемами современной экономической науки.

Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы : науч.-метод. комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011. 685 с.

В научно-исследовательских разделах книги раскрываются методология и практика сравнительного анализа политических систем, политических процессов, политических культур, взаимодействия и борьбы политических сил на Востоке, на основе которых можно оценить степень зрелости гражданского общества и политической системы стран Азии и Африки. В дискуссионном плане анализируется взаимосвязь экономической и политической модернизации, обосновываются пути формирования и перспективы на Востоке моделей демократии разного типа: либеральной демократии, нелиберальной, а также незападной демократии.

В учебно-методическом приложении подробно раскрывается методика авторского коллектива по использованию книги для подготовки и проведения учебных занятий и выработки профессиональных компетенций студентов и магистрантов. Книга ориентирована на обучение по на-

правлениям «Политология», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Востоковедение», а также на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком. Издание допущено Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение». Книга также рекомендована УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200—«Политология». Издание подготовлено в рамках проекта сотрудничества МГИМО — БиПи.

Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М. : МГИМО, 2011. 248 с.

Представленная книга — продолжение проекта кафедры сравнительной политологии МГИМО по изучению теории и практики суверенитета, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом

В настоящее время парадигмы «эрозии суверенитета в условиях глобализации» и «равенства и неизбежности национальных суверенитетов» перестают выполнять необходимые объяснительные функции, и на передний план выходит необходимость разработки нового методологического подхода к проблеме дифференцированного распределения суверенитета между государствами и роста разнообразия типов государственности.

Авторы монографии стремятся восполнить пробел, конкретизировать весьма расплывчатое метафорическое про-

тивопоставление «*weak vs. strong states*», используя не только пространственные, но и временные параметры. С одной стороны, они оценивают ныне существующую конфигурацию мирового суверенитета, с другой — учитывают страновые особенности его хронополитического состояния, историческую зрелость. Разделы работы посвящены как основным тенденциям развития «кризисов суверенитета», так и самим проблемным странам. Подобный анализ имеет не только теоретическое значение. При быстрых изменениях международной ситуации изучение функциональных характеристик государств и взаимовлияния их статусности и состоятельности необходимо для проведения системной экспертизы и формирования позиций России по различным вопросам внешней и внутренней политики.

Исследования теоретических и прикладных аспектов международных отношений и мировой политики

Незападная теория международных отношений / под ред. А. Ачарии, Б. Бузана. Нью-Йорк : Ратледж, 2010. 242 с. (на англ. яз.).

Принимая во внимание тот факт, что период колониализма уже давно ушел в историю, а незападные общества приобрели полную политическую независимость, сейчас наступило самое время для незападных исследовательских подходов заявить о себе в полный голос. Однако им следует сделать это не в качестве субдисциплин западной теоретической мысли, а скорее с позиции научных направлений, предлагающих собственную оценку происходящих событий. Западная теория международных отношений исторически возникла первой в своей области и смогла выработать большое количество ценных и полезных подходов, но лишь немногие могут согласиться с тем, что она способна учесть абсолютно все, что нам нужно знать о мировой политике, счита-

ют авторы этого интереснейшего исследования.

В данной книге авторы представляют ряд незападных подходов к анализу международных отношений для западной аудитории и таким образом бросают своеобразный вызов доминированию западнцентричных оценок международных отношений и мировой политики. В книге содержится подробный кросскультурный сравнительный анализ подходов исследователей, представляющих Китай, Японию, Южную Корею, Юго-Восточную Азию, Индию, исламский мир. Книга содержит и немало интересных фактов: к примеру, все основополагающие западные исследования в области теории и политического и экономического анализа международных отношений появляются в Китае в переводе на китайский язык в среднем через два месяца после их опубликования на Западе. Материал и выводы исследования несомненно будут интересны и полезны для читателей, представляющих как западную, так и незападную аудиторию.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др. ; отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Книга является первой в российской науке версией комплексной истории формирования подсистемы международных отношений в Центральной Азии после распада Советского Союза. В работе дана краткая предыстория современных международных отношений в регионе и представлена их эволюция в последние два десятилетия. Основное внимание уделено периоду 1991–2008 гг., когда развитие международных отношений в Цен-

тральной Азии приобрело новые логику, стимулы и траектории.

Издание адресовано российским и зарубежным специалистам по Центральной Азии, преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам и студентам университетов по направлениям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «История» и «Политология», а также всем, кто интересуется международной политикой и дипломатией.

Сравнительные исследования проблем международной безопасности

Бузан Б., Хэнсен Л. Эволюция исследований международной безопасности. Кэمبرидж : Кэمبرидж юниверсити пресс, 2009. 384 с. (на англ. яз.).

Монография представляет собой первую попытку создания интеллектуальной истории исследований проблем международной безопасности. В сравнительном разрезе на основе набора ключевых показателей, влиявших на эволюцию исследований международной безопасности, авторами анализируется трансформация всех основных подходов к рассмотрению проблематики безопасности начиная с периода Второй мировой войны и вплоть до наших дней. Книга адресована академическим исследователям и экспертам в области стратегических исследований и безопасности, но, без сомнения, будет интересна и полезна также студентам и магистрантам, обучающимся по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология», а также аспирантам и всем интересующимся вопросами международной безопасности.

**Материалы рубрики подготовлены
Е.В. Колдуновой**

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО — Университет МИД России

Демидов Павел Андреевич — помощник ректора МГИМО — Университет МИД России

Ильина Наталья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Козлова Ирина Александровна — соискатель кафедры политической теории МГИМО — Университет МИД России

Косолапов Николай Алексеевич — кандидат политических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, профессор кафедры политической теории МГИМО — Университет МИД России

Макаренко Борис Игоревич — председатель правления Центра политических технологий

Небольсина Мария Александровна — научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности ИМИ МГИМО — Университет МИД России

Пантин Владимир Игоревич — доктор философских наук, заведующий отделом ИМЭМО РАН

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО — Университет МИД России

Соловьев Эдуард Геннадьевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Хенкин Сергей Маркович — доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО — Университет МИД России

Чанышев Александр Арсеньевич — кандидат философских наук, профессор кафедры политической теории МГИМО — Университет МИД России

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20000–75000 печатных знаков, включая пробелы, обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;
- иные материалы либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста — 14;
- сноски можно печатать через 1 интервал;
- размер шрифта — 12;
- поля: слева — 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница.

При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — цифрами, т.е., например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, даю-

щее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сносков сквозная (1, 2, 3...).

На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал.

Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);
- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);
- ученая степень (при наличии);
- точные контактные данные:
- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;
- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);
- адрес электронной почты.

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

**Издательская группа «Юрист» — это лидер юридической периодики
в России и странах СНГ, которая объединяет более
60 научно-практических изданий по разным отраслям права.**

**Сегодня нашим журналам доверяют
более 100 000 подписчиков.
Присоединяйтесь!**

**Отдел по работе с подписчиками:
(495) 617-18-88
e-mail: 9539120@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru**